

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (103) январь – март 2021 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (103) January – March 2021

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бухарин М.Д.

Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов:
итоги и перспективы изучения архивных материалов 9

Шишлина Н.И.

«Шерстяной путь» эпохи поздней бронзы: культурный, хронологический
и географический контексты 23

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Ящук Т.Ф.

Систематизация российского законодательства в советский период 39

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Иванова М.В., Клушина Н.И.

Креативные возможности языка в интернет-коммуникации 52

Сим Н.М.

Эскориал – идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II 63

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичёва Н.Л., Зиновьева Е.В.

Жизненные модели молодёжи: изменения и традиции 79

Шамионов Р.М.

Дискриминационные установки: характеристики и факторы 99

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Комиссаров С.А., Соловьёв А.И., Черемисин Д.В., Кудинова М.А.

Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая
(эпохи Древности и Средневековья) 109

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Захаров В.Н.

Международная научная конференция «Старообрядчество в истории и культуре России:
проблемы изучения. К 400-летию со дня рождения протопopa Аввакума»
(Москва, 26–27 октября 2020 г.) 121

Карпачёв М.Д., Ильиных В.А., Селезнёв Ю.В., Хитров Д.А.

XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
(Воронеж, 22–26 сентября 2020 г.) 126

Кольба А.И.

Всероссийская научная конференция с международным участием
«Политика развития в условиях цифровизации общества»
(Краснодар, 22–23 октября 2020 г.) 132

Дорская А.А., Бондарев В.Г.

Международная научно-практическая конференция
«Юридические формы переживания истории: практики и пределы»
(Санкт-Петербург, 11–12 сентября 2020 г.) 136

Хватова С.И.

IV Международная научная конференция «Богослужebные практики
и культовые искусства в современном мире»: перспективы развития
научного направления (Краснодар, 9–12 ноября 2020 г.) 141

Ломакина С.А.

Всероссийская научная конференция «Россия Ивана Бунина
и культура русского Подстепья» (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина)
(Елец, 24–26 сентября 2020 г.) 146

Беленцов С.И.

Международная научно-практическая конференция «Культура мира и ненасилия
подростающего поколения: ракурсы интерпретации и педагогические условия развития»
(Курск, 29–30 октября 2020 г.) 151

МИР КНИГИ РФФИ

Яблоков Б.В. —

Новый мир в Европе (СССР, ФРГ и Московский договор 1970 г. по документам ЦК КПСС).
Сборник документов / Сост., предисл., коммент. И.В. Казариной, М.Ю. Прозуменщикова.
М.: Кучково поле, 2020. — 800 с.: ил. 155

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Bukharin M.D.

Russian Turkestan Expeditions in 1909–1910 and 1914–1915:
Findings and Prospects of the Study of Archives 9

Shishlina N.I.

The Wool Road' of the Late Bronze Age: Cultural, Geographical,
and Chronological Context 23

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Yashchuk T.F.

Systematization of the Russian Legislation in the Soviet Period 39

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Ivanova M.V., Klushina N.I.

Creative Opportunities of the Language in Online Communication 52

Sim N.M.

El Escorial – the Concept, the Image, and the Style of the Royal Residence of King Philip II 63

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Kostromina S.N., Grishina N.V., Moskvichyova N.L., Zinovyeva E.V.

Youth Life Models: Shifts and Traditions 79

Shamionov R.M.

Discriminatory Attitudes: Characteristics and Factors 99

FIELD RESEARCH

Komissarov S.A., Solovyov A.I., Cheremisin D.V., Kudinova M.A.

A Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Ancient and Medieval Times) 109

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zakharov V.N.

International Academic Conference “Old Believers in the History and Culture of Russia:
Problems of Study. Dedicated to the 400th Anniversary of the Archpriest Avvakum”
(Moscow, October 26–27, 2020) 121

Karpachyov M.D., Ilyinykh V.A., Seleznyov Yu.V., Khitrov D.A.

The 37th Session of the Symposium on the Agricultural History of Eastern Europe
(Voronezh, September 22–26, 2020) 126

Kolba A.I.

National Academic Conference with International Participation
“Development Policy in a Digitized Society” (Krasnodar, October 22–23, 2020) 132

Dorskaya A.A., Bondarev V.G.

International Research-to-Practice Conference “Legal Forms of Experiencing History:
Practices and Limits” (St. Petersburg, September 11–12, 2020) 136

Khvatova S.I.

4th International Academic Conference “Liturgical Practices and Hieratic Arts Nowadays: Prospects for the Development of Research Area” (Krasnodar, November 9–12, 2020) 141

Lomakina S.A.

National Academic Conference “Ivan Bunin’s Russia and the Culture of the Russian Sub-Steppe” (dedicated to the 150th anniversary of Ivan Bunin) (Yelets, September 24–26, 2020) 146

Belentsov S.I.

International Research-to-Practice Conference “The Culture of Peace and Non-Violence among the Younger Generation: Interpretation Perspectives and Pedagogical Conditions for Development” (Kursk, October 29–30, 2020) 151

THE RFBR BOOK WORLD

Yablokov B.V. —

A New World in Europe (USSR, FRG and the Treaty of Moscow of 1970 according to the documents of the CPSU Central Committee). A collection of documents / Compilation, foreword, comments by I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov.
Moscow: Kuchkovo Pole, 2020, 800 p., ill. 155

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 904

Код ГРНТИ 03.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-9-22

М.Д. БУХАРИН*

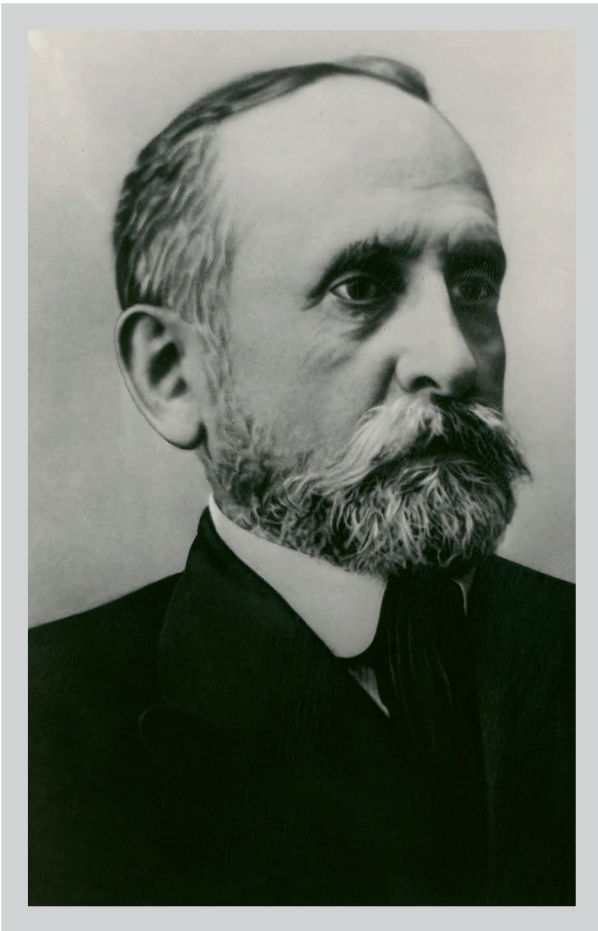
Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов

В 2018–2020 гг. участники исследовательской группы в рамках проекта «Вторая Русская туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН» выявили и подготовили к печати весь массив основной научной документации из архива РАН, которая полностью освещает деятельность российских исследователей по изучению Цянфодуна и Турфанского оазиса. В научный оборот вводятся работы, являющиеся, несомненно, важнейшими достижениями российского востоковедения за всю его историю. В значительной степени реконструированы биографии всех участников работ, подготовлена к печати ранее неизвестная их переписка. Основным результатом работы заключается в подготовке к печати работы академика С.Ф. Ольденбурга «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», значение которой для изучения памятника за последние сто лет лишь многократно возросло.

Важнейшими перспективными направлениями продолжения работ являются реставрация и подготовка к печати фотоархива II Русской Туркестанской экспедиции, хранящегося в Государственном Эрмитаже, который насчитывает более 2000 снимков. Издание этого фотоархива полностью закроет крупную лауну в истории российского востоковедения.

Ключевые слова: археология, Китай, Восточный Туркестан, Синьцзян, Цянфодун, буддизм, архив, искусство, стенопись

* **Бухарин Михаил Дмитриевич** — академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель проекта «Вторая Русская туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН» (18-09-00213). E-mail: michabucha@gmail.com

Ил. 1. Академик С.Ф. Ольденбург
(АРАН. Ф. РХ. Оп. 1о. Д. 31. Л. 10)
© Архив Российской академии наук

Изучение истории Восточного Туркестана: итоги работ к 2018 г.

В конце XIX в. началось планомерное археологическое изучение Северо-Западного Китая, в частности Восточного (Китайского) Туркестана, охватывающего область современного Синьцзяна. Значительную роль в развитии данного процесса сыграл русский консул в Кашгаре в 1883–1903 гг. (с 1895 г. — Генеральный консул) Н.Ф.Петровский (1837–1908). Деятельность Петровского носила любительский собирательский характер, однако его усилия, а также деятельность иностранных собирателей способствовали росту интереса к истории Восточного Туркестана и прилегающих областей в российской и западноевропейской научной среде.

Крупнейшие российские учёные-востоковеды рубежа XIX–XX вв. В.Р.Розен (1849–1908) и В.В.Радлов (1837–1918) активно способствовали тому, что Россия стала одним из ведущих мировых игроков в деле развития археологического изучения Северо-Западного Китая. В историческом, археологическом и лингвистическом отношении центральную роль в этом процессе играл Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, основанный в 1902 г. в Санкт-Петербурге как координирующий орган деятельности Международной ассоциации по изучению Средней Азии и Дальнего Востока в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (Association internationale pour l'exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie centrale et de l'extrême Orient). Под эгидой Русского комитета был организован целый ряд экспедиций, однако наибольшее значение имели I и II Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг., работавшие под руководством академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (ил. 1, 2).

Первая экспедиция имела разведочный характер, вторая же, продолжив работы экспедиции 1909–1910 гг. по археологическому исследованию Восточного Туркестана на городищах Турфанского оазиса, сосредоточилась на изучении важнейшего памятника мировой культуры — пещерно-храмового комплекса Цянфодун (в транскрипции С.Ф.Ольденбурга — Чанфо-дун), расположенного рядом с современным городом Дуньхуан в провинции Ганьсу (КНР). Экспедиции предстояло изучить порядка 450 пещер, стены которых были покрыты стенописью, охватывавшей ок. 1000 лет развития китайского, преимущественно буддийского, искусства. Кроме того, в пещерах имелись многочисленные произведения скульптуры, а сами пещеры представляли значительный интерес с точки зрения истории архитектуры.

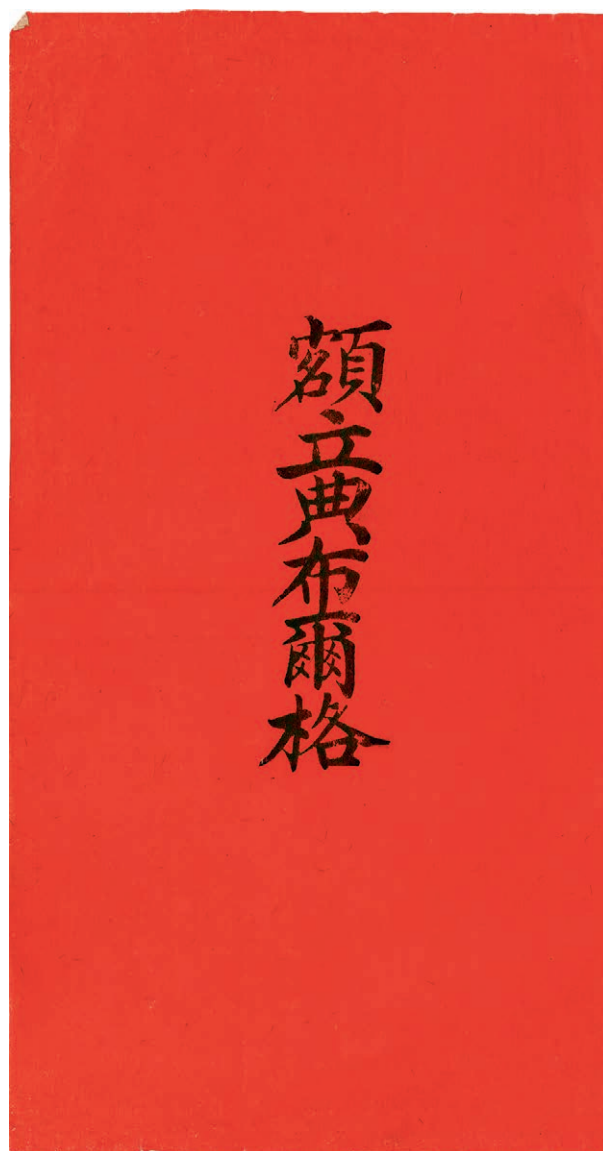
Расположение буддийских святилищ в пещерах имеет давнюю традицию. Пе-

щеры — одно из наиболее почитаемых святых мест в буддийской традиции. Другим аналогичным памятником всемирного значения являются пещеры Аджанта (Индия, Махараштра). Данный пещерно-храмовый комплекс состоит из 29 пещер, стены которых, как и в Цянфодуне, покрыты росписями, а помещения украшены выдающимися памятниками скульптуры.

Несмотря на тяжёлые условия ведения работ, экспедиция С.Ф. Ольденбурга справилась с поставленной задачей, и мировая наука обогатилась важнейшим материалом, в значительной степени расширяющим наши представления по истории одного из главных перекрёстков движения идей и этносов на Великом Шёлковом пути.

Судьба научного наследия II Русской Туркестанской экспедиции оказалась печальной. За исключением нескольких популярных статей, ничто из подготовленных отчётных работ издано не было. «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана» С.Ф. Ольденбурга, «Дневник поездки в Дун-хуан» С.М. Дудина, полевые дневники Б.Ф. Ромберга, Н.А. Смирнова, архитектурные планы, выполненные В.С. Биркенбергом, переписка участников работ вплоть до недавнего времени оставались вне поля зрения научного сообщества.

Ранее, в 2018 г., изданием трёх томов, посвящённых начальному этапу в исследованиях Восточного Туркестана и Монголии, были закрыты основные лакуны в изучении материалов целого ряда экспедиций, прежде всего экспедиции Д.А. Клеменца 1898 г., М.М. Березовского 1905–1907, А. Грюнведеля и А. фон Ле Кока 1902–1914, П.К. Козлова в 1907–1909 и 1923–1926, С.Е. Малова 1909–1911 и 1913–1915 гг. [3–5]. Эти публикации вызвали значительный резонанс в международной научной среде, и к настоящему времени часть работ уже перевели, в частности, на китайский язык [6–8]. Ввиду целого ряда причин заинтересованность научной общественности в материалах по деятельности экспе-

Ил. 2. Визитная карточка С.Ф. Ольденбурга (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179. Л. 18)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

диции С.Ф. Ольденбурга в 1914–1915 гг. значительно выше.

Дуньхуан на Великом Шёлковом пути

Дуньхуан играл важнейшую роль в истории всей Центральной Азии и Дальнего Востока на протяжении поздней древности и Средневековья. В источниках он упоминается со II в. до н.э. Он находился на перекрёстке ветвей Великого Шёлкового пути, соединявших Китай с Центральной и Южной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем. Через

Дуньхуан проходили товары практически из всех регионов Евразии. Вместе с торговцами, наиболее активными и влиятельными из которых были согдийцы, шли и носители новых религиозных идей, распространявшихся по всей Азии, — буддизма, иранских религий, христианства, несторианства, манихейства.

Во второй половине IV в. н.э. к югу от Дуньхуана на восточном склоне горы Минша буддийские монахи Лэцзунь и Фаянь основали первые пещеры. Постепенно Дуньхуан становился крупным центром буддизма. Быстро увеличивалось количество пещер, развивалось хозяйство всего комплекса, разрасталась библиотека, получившая известность далеко за пределами Северо-Западного Китая. Наряду с литературой развивались и буддийская живопись, скульптура. Постепенно пещеры покрывались стенописью, исследование которой позволяет выделить в ней несколько источников влияния: индийский, китайский, тибетский.

Дуньхуан являлся и важным оборонительным пунктом, фактически военным центром Западного Китая, игравшего важную роль в предотвращении проникновения вражеских армий с запада и юго-запада. В 400 г. Дуньхуан даже был провозглашён столицей независимого государства Западной Лян. Сменявшие друг друга династии боролись за влияние над Дуньхуаном, стратегическое значение которого возрастало с появлением всё новых соперников в борьбе за контроль над Западным и Северо-Западным Китаем — Западным и Восточным Тюркских и Уйгурского каганатов, Тибетской империи. Именно на период тибетского господства в Дуньхуане (790 г. — середина IX в.) приходится период расцвета буддизма в регионе.

Противостояние различных династий в Западном Китае привело к тому, что постепенно торговцы стали выбирать для продвижения на Запад и обратно более южные маршруты. В XIII в. Дуньхуан вошёл в состав монгольского государства Юань, торговые пути сместились на юг,

и начался период быстрого упадка некогда процветавшего оазиса.

Исследование Дуньхуана: первые шаги

Нельзя сказать, что Дуньхуан оказался совершенно забыт. Целый ряд великих путешественников XIX в. посещал этот оазис, в том числе и Н.М.Пржевальский. Однако их не интересовала история Дуньхуана. Подлинное возрождение истории оазиса связано с деятельностью даосского монаха Ван Юаньлу (ок. 1850 – ок. 1931), по поручению которого 22 июня 1900 г. некий рабочий расчистил вход в пещеру, известную в настоящее время как пещера Цанцидун и получившую № 16. В этой пещере было найдено несколько десятков свитков с изображениями и рукописями. Это открытие относят в современной китайской исследовательской традиции к четырём важнейшим открытиям Нового времени [10].

В течение нескольких лет стало очевидно, что Дуньхуан представляет собой величайший памятник мировой культуры, что вызвало приток к нему исследовательских экспедиций. В марте 1907 г. в Дуньхуан прибыл крупнейший английский путешественник — географ, этнограф Марк Аурел Стейн (1862–1943) [18–19], в 1908 г. на памятнике работала экспедиция французского сиолога Поля Пеллио (1878–1945). Пеллио подготовил фотоальбом в шести частях, в которых однако иллюстративный материал практически не снабжён комментариями, а само издание выполнено на довольно посредственном полиграфическом уровне, к тому же оно вышло в свет спустя много лет после завершения экспедиции [17]. Работа с иллюстрациями П.Пеллио затрудняется тем обстоятельством, что обозначение частей пещер (стен, потолка, ниш и т.д.), принятое в его работе и в «Описании пещер...» С.Ф.Ольденбурга, совершенно не совпадают. Кроме того, номера пещер 181 и 182, использованные в работе П.Пеллио, в труде С.Ф.Ольденбурга не встречаются.

Экспедиция С.Ф. Ольденбурга была фактически единственной, систематически изучившей известные пещеры, открывшей новые и составившей подробные описания пещер, а также выполнившей искусствоведческий анализ исследованного материала.

Пещеры Дуньхуана (более точно говорить о пещерах Цянфодун — «Пещерах тысячи будд») после их открытия подвергались деструктивному воздействию — природному и антропогенному. В 1920-е гг. значительный урон стенописи Дуньхуана нанесли войска атамана Б.В. Анненкова (1889–1927), оказавшиеся в Синьцзяне в 1920 г. [15], а также американский исследователь Уорнер Ленгдон (1881–1955), работавший в Дуньхуане в 1924 г. [16]. Целый ряд реставраций, проводившихся в ходе XX в., также в значительной мере исказил изначальный облик пещер. Вот почему подробное описание каждой пещеры с акцентом на особенности устройства, декора, композиции, цветовую гамму выделяет работу С.Ф. Ольденбурга как важнейший источник для реконструкции буддийской живописи на протяжении IV–XIV вв.

Дуньхуанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга

Академик Ольденбург готовил «Описание пещер Чан-фо-дуна...» непосредственно на месте проведения работ, однако в силу многих обстоятельств, прежде всего административной нагрузки на посту неперменного секретаря РАН (с 1925 г. — АН СССР), издать работу не успел. Тем не менее сохранилось немало свидетельств того, что он работал над вопросом издания своего труда. Так, в отчёте С.Ф. Ольденбурга за 1923–1924 гг. о работе в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока говорится: «...вёл индивидуальную работу: по изучению среднеазиатского буддий-

ского <искусства> (материалы, собранные в Дуньхуане и Восточном Туркестане), предположено к напечатанию заграницей, ввиду отсутствия у нас средств на таблицы»¹. В отчёте Института истории искусств, опубликованном в 1924 г., также отмечается, что С.Ф. Ольденбург работал над темой «Росписи и статуи Дунь-хуанских пещер», и более того, намечавшийся к изданию третий том (четвёртый выпуск) «Ежегодника Российского Института истории искусств» должен был быть полностью посвящён публикации его исследования «Живопись Дунь-Хуанских пещер» [11, с. 204], причём в отчёте оговаривалось: «фототипические таблицы к этому выпуску уже готовы» [там же, с. 211].

«Описание пещер «Чан-фо-дуна» близ Дуньхуана»: начальный этап подготовки к изданию

В декабре 1935 г. Елена Григорьевна Ольденбург, вдова академика С.Ф. Ольденбурга, решает просить президиум АН СССР образовать комиссию по изданию трудов супруга. Фактическим делопроизводителем комиссии должна была стать О.А. Крауш. Издателем материалов экспедиции в Дуньхуан становится в декабре 1935 г. академик Щербатской. Однако конфликт с И.А. Орбели — директором Государственного Эрмитажа, где хранились находки экспедиции, препятствует началу работы.

Президиум АН СССР выделяет средства на работу О.А. Крауш по перепечатке материалов экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, над редактированием которых в 1938 г. работает академик Ф.И. Щербатской. Очередным серьёзным препятствием для продолжения работы становится тяжёлая болезнь Щербатского. Ему требуется время на то, чтобы поправить здоровье. Но затем работа возобновляется. Е.Г. Ольденбург и академик Щербатской

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

разрабатывают план по изданию работ С.Ф. Ольденбурга.

В 1940 г. работа над машинописью заканчивается: подготовлены три экземпляра, два из которых в переплетённом виде сданы в Институт востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН) и Государственный Эрмитаж. Не переплетённый и отредактированный Ф.И. Щербатским экземпляр сдан в Архив РАН [1–2].

В 2005 г. с машинописного экземпляра, хранящегося в Государственном Эрмитаже, был выполнен перевод «Описания пещер...» на китайский язык [13].

Текст работы сохранился и в виде рукописных черновиков, находящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹. В 1938–1940 гг. О.А. Крауш² и Е.Г. Ольденбург³ на их основе подготовили машинописный набор⁴, который был отредактирован Ф.И. Щербатским⁵.

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана»: машинописный экземпляр

Как показало пристальное исследование машинописного экземпляра работы С.Ф. Ольденбурга, машинопись была подготовлена к печати. Качество выполнения работы оказалось низким, и оно не позво-

ляет пользоваться данным экземпляром для научной работы.

Машинопись, определённо, велась под диктовку. Этот вывод следует из характера ошибок, допущенных при печати. В частности, показательной является следующая: в рукописи⁶ значит: «а ниже», в машинописи же⁷ — «они же», не подходящее по смыслу, но производимое так же.

В машинописи имеется большое число лакун, которые должны были быть заполнены вручную. Лакуны заполнялись синими и красными чернилами (Ф.И. Щербатским), а также простым и синим карандашами. Значительное количество лакун осталось незаполненными, иногда вследствие затруднений при чтении рукописи, иногда — вследствие наличия лакуны в рукописном тексте. Кроме того, некоторые разделы исправлялись карандашом после внесения чернильных вставок. Ряд страниц (448–449 об.) полностью написан от руки. Часть слов, написанных синими чернилами, исправлялась и красными чернилами, и карандашом (см., например, л. 138, особенно л. 146). При этом карандашом работало несколько сверщиков. Судя по почерку, одним из них также был Ф.И. Щербатской, вносявший эпизодическую правку.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 171.

² Крауш Ольга Александровна (1902–1942) — стенографистка; в конце 1920-х гг. — гражданская жена А.Е. Ферсмана, востоковед-иранист, ученица А.А. Фреймана и Э.А. Бертельса в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1929–1932), управляющий делами и учёный секретарь Таджикско-Памирской экспедиции (1932–1934), заместитель учёного секретаря БАН (1935–1936), в январе–июне 1936 г. — личный секретарь неперменного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова, в 1938 г. — сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1939 г. — м.н.с. ИВ АН СССР. Была знакома с С.Ф. Ольденбургом, в фонде которого сохранились её письма (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 303). Проживала в одном доме с семьёй С.Ф. и Е.Г. Ольденбург (Васильевский остров, 7 линия, д. 2).

³ Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, в первом браке — Головачёва; 1875–1955) — супруга С.Ф. Ольденбурга (с 1923 г.), племянница Д.А. Клеменца; сотрудник Государственного Эрмитажа (1924–1932, 1944–1950), Института востоковедения АН СССР (1932–1941).

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175; описание пещеры 120n также хранится в фонде Ф.И. Щербатского (СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 4. Д. 560. Л. 1–8).

⁵ Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942) — российский учёный-востоковед, индолог, крупный специалист по истории индийских философских и религиозных учений, в частности буддизма; член-корреспондент (1910), действительный член РАН (1918).

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 171/6. Л. 45 об.

⁷ Там же. Д. 175. Л. 949 об.

К стилистическим отличиям рукописи и машинописи относится несовпадение при обозначении числительных. Без какой-либо системы, однако, не во всех случаях, там, где в рукописи числительные обозначены цифрами, в машинописи даётся буквенное обозначение, и наоборот.

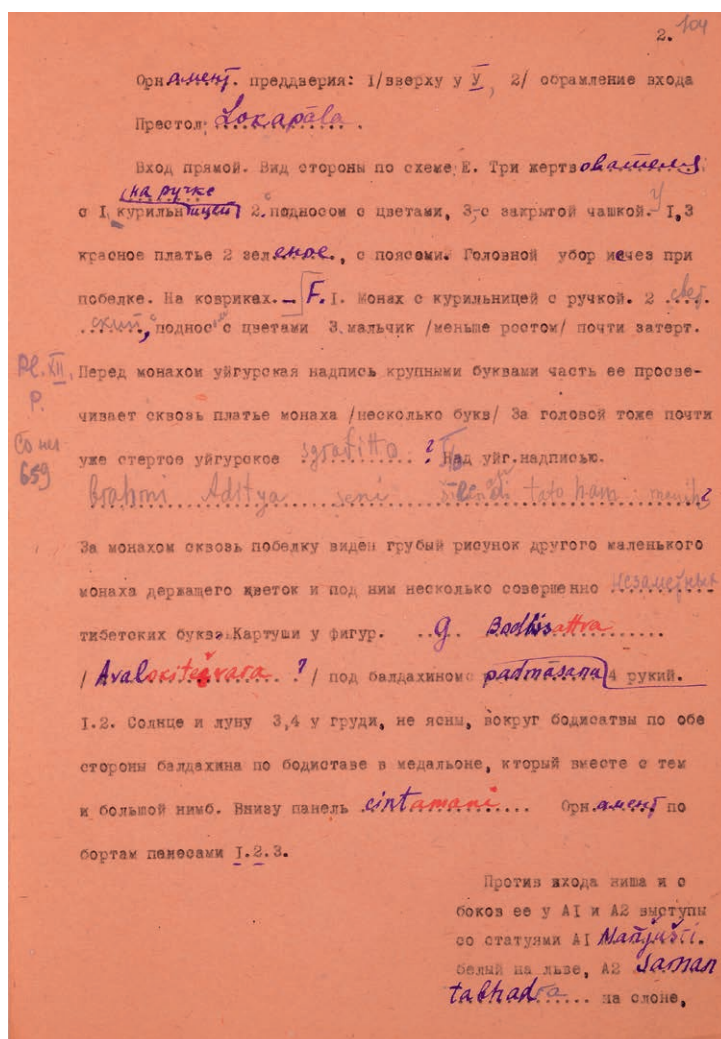
Равным образом без какой-либо последовательности вместо рукописных вариантов buddha/bodhisattva (чаще всего в сокращениях) в машинописи появляется кириллическая передача, и наоборот. Это свидетельствует о том, что машинопись готовилась под диктовку, без уточнения формата рукописи.

Диакритика в машинописи составлялась несистематически, часто ошибочно: так, Avalokitēśvara (правильно Avalokiteśvara) постоянно пишется с долгим ē. Так как рукописный текст С.Ф.Ольденбурга перепечатывала О.А.Крауш, не знакомая с санскритской диакритикой, то, очевидно, именно по этой причине в тексте оказалось много орфографических ошибок при передаче специальных терминов (dvarapāla вместо dvārapāla, cintāmāṇi вместо cintāmaṇi и т.д.): правка Ф.И.Щербатского носила весьма несистемный характер. Впрочем, многие эти ошибки восходят ещё к рукописной версии «Описания пещер...».

Вероятно, ввиду отсутствия соответствующего знака на клавиатуре печатной машинки вопросительные знаки, столь многочисленные в рукописном варианте, в машинописи пропущены.

Вместо арабской цифры 1 в машинописи используется римский знак I, что объясняется той же причиной — набором соответствующих знаков на клавиатуре печатной машинки.

Важнейшими же недостатками машинописи по сравнению с рукописью явля-

Ил. 3. Образец машинописного текста
«Описания пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» (пещера № 6)
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 104)
© Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН

ются неточности при передаче номенклатуры. Многократно ссылки на те или иные фрагменты стенописи, передаваемые в рукописи штрихом (A', B', C'), в машинописи изображались так, как если бы штрих был тождествен цифре 1 (A-1, B-1, C-1). Цифра 1 и штрих над буквой передавали разные фрагменты декора и устройства пещеры. Соответственно, ссылки на такие фрагменты машинописи и переводы на иностранные языки «Описания пещер...», сделанные с машинописи, без учёта этой особенности работы редакторов машинописного варианта, заведомо ведут в неверном направлении (ил. 3).

В тексте описаны 449 пещер: три пещеры (№ 65, 68, 111) указаны в содержании второй тетради, но их описание не сохранилось. Таким образом, фактически всего описаний — 446. Нумерация пещер не является сквозной¹: с одной стороны, имеют место пропуски, с другой — сбои. Так, наряду с № 136F имеет место № 136f, именно так нумерация и обозначена в описи (Л. 657 машинописи). Одна пещера (№ 120v) в машинописи (Л. 707) не получила полного обозначения: вместо буквенного дополнения в номере ошибочно был поставлен знак вопроса. Описание пещеры № 119b не завершено. После л. 469 и 469 об. снова идёт л. 469 (правильно — 470). Две разные пещеры необъяснимо получили одинаковый номер (136a), что говорит о неполной подготовленности рукописи С.Ф. Ольденбурга к печати.

Последовательность описания пещер № А — № 5а в машинописи не выдержана. Не своё место занимает одна из копий описания пещеры № 119. По этой причине части разделов пришлось поменять местами, для того чтобы соблюсти порядок, заданный самим С.Ф. Ольденбургом. Очевидно, что машинопись не была закончена и пребывала в беспорядке, так как в ней присутствовало более 100 листов совершенно постороннего текста — как машинописного, так и печатного — на различные сюжеты: античная историческая география, арабская географическая литература, сельскохозяйственное освоение Памира. Вероятно, для машинописи предназначались чистовые стороны использованных листов бумаги.

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунхуана»: рукопись текста

Установление низкого качества машинописи явилось тем фактором, который вынудил начать работу по подготовке «Опи-

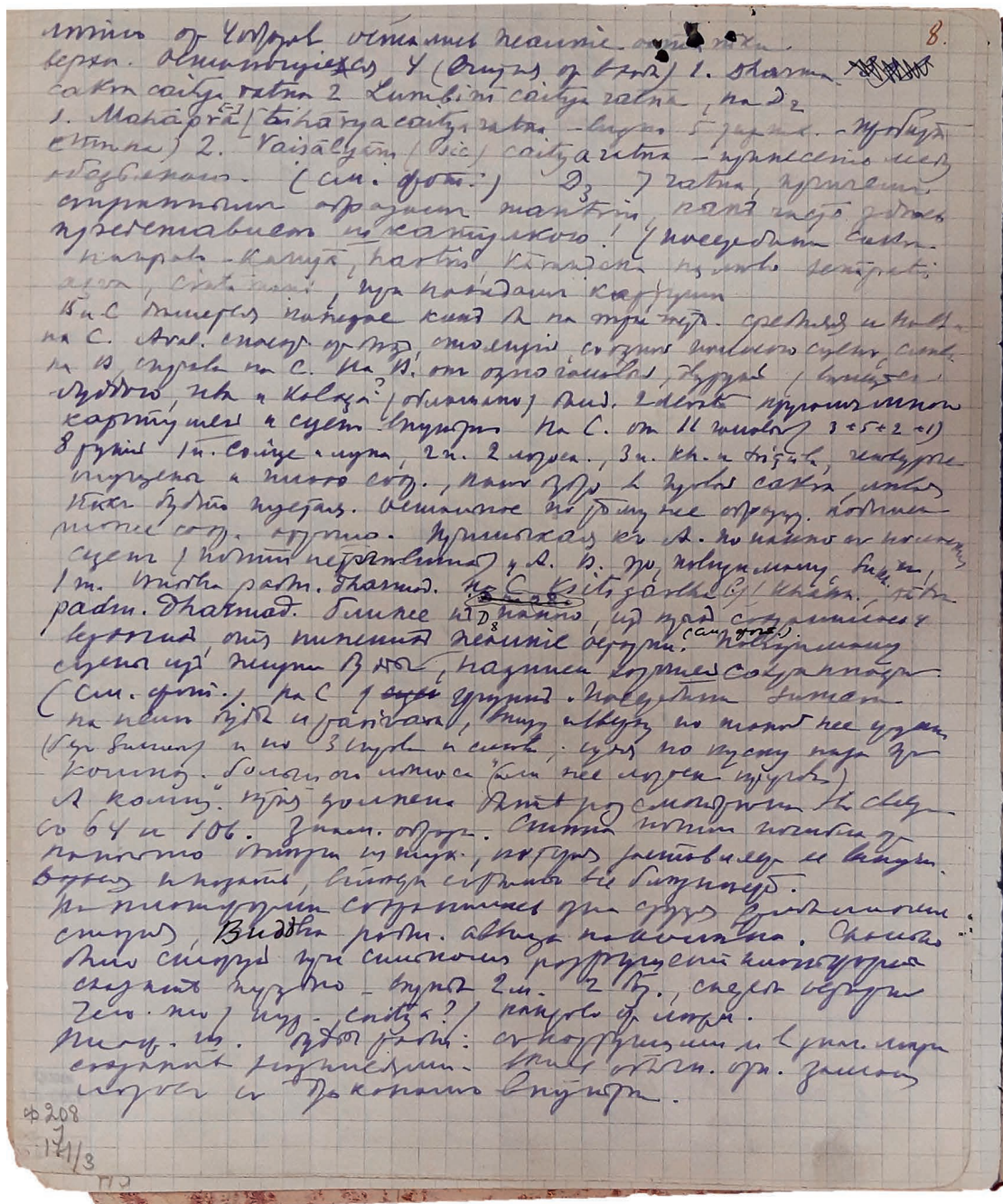
сания пещер...» к печати заново, фактически с нуля, отталкиваясь от черновых рукописных записей (ил. 4). Эта работа проделана М.Д. Бухариным и И.В. Тункиной.

Листы рукописи частью пронумерованы дважды: в правом и левом верхнем углах, и эти системы нумерации не совпадают: слева номера даны красными чернилами, справа — карандашом. Почерк мелкий, слова, как правило, сокращены. Числительные чаще всего переданы цифрами, что делает чтение текста неудобным, так как в таких предложениях отсутствуют падежные согласования, как, например, в описании пещеры № 31: «... может быть, впрочем из 4 стоящих фигур 2 будда».

Читается рукописный текст с очень большими затруднениями. Знаки препинания расставлялись бессистемно, зачастую не расставлялись вовсе. Орфография санскритская не унифицирована. Как правило, верхний левый угол описания занят планом пещеры. Эти планы, однако, не воспроизведены в машинописи, хотя для них оставлялось место. Другим важным затруднением при работе с текстом является отсутствие однозначных объяснений номенклатуры — буквенных и цифровых обозначений тех или иных элементов архитектурного устройства и стенописи. Некоторые обозначения раскрываются на планах, некоторые становятся ясны из текста. Некоторые (например, -а-, -b-, -с-) однозначно не раскрываются.

В рукописи иногда присутствует несколько экземпляров описания одной и той же пещеры, и эти описания неодинаковы. Скорее всего, Ольденбург готовил чистовые варианты описаний. Так, например, описания пещеры С разнятся как объёмом, так и структурой текста. Пещера № 26 также описана дважды, и эти описания не являются копией друг друга. Номер 86а использован для двух описаний, сделанных на разных листах. Воз-

¹ В современных исследованиях нумерация пещер, использованная С.Ф. Ольденбургом, не применяется; см., например [9–10]. См. также [12, с. 266–267, 269 и др.]: речь идёт о предметах искусства, привезённых экспедицией С.Ф. Ольденбурга из пещер № 321, № 445, хотя такие номера Ольденбургом не использовались.

Ил. 4. Образец рукописного текста «Описания пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» (пещера № 6).
 (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 8)
 © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

можно, именно просмотр в рукописи вызвал появление в машинописи — и в содержании второй тетради, и в самом машинописном тексте — двух описаний с одним и тем же номером (86а). Можно предположить, что номер второй пещеры следует исправить на 86b. Для описания двух разных пещер использован и номер 136а. Два номера 136а указаны и в маши-

нописном содержании четвёртой тетради (Л. 656 об., 657, 660). Это обстоятельство явно вызвало недоумение у Ф.И.Щербатского, который простым карандашом подчёркнул номер второй пещеры 136а и поставил вопросительный знак в машинописи. Затем, однако, вопросительный знак был перечёркнут. Для удобства пользования вторая пещера обозначена 136а'.

При этом в содержании второй тетради указаны пещеры № 65, № 68, № 111, а в содержании четвёртой — № 136, но само описание этих пещер ни в рукописи, ни в машинописи не сохранилось. Также не сохранились описания пещер 161b и 161c, хотя после описания пещеры 161 следует описание 161d. В публикации фотоархива II РТЭ фигурирует пещера 165с [12], ни в самом «Описании пещер...», ни в описи фотоархива¹ такая пещера не упоминается.

«Предварительный беглый осмотр пещер Чан-Фо-Дуна для выяснения хода работ» С.Ф. Ольденбурга

В ходе работы с дуньхуанскими материалами С.Ф. Ольденбурга была выявлена ранее неизвестная работа, предшествовавшая началу составления «Описания пещер...», — «Предварительный беглый осмотр пещер Чан-Фо-Дуна для выяснения хода работ». Данный раздел в рукописи «Описания пещер...» занимает всего несколько строк, однако он составляет самостоятельное дело в фонде С.Ф. Ольденбурга². Так как по содержанию текст «Предварительного беглого осмотра...» предшествует «Описанию пещер...» и представляет собой краткий конспект будущей работы, решено выделить эту предварительную работу в отдельную публикацию.

«Предварительный беглый осмотр...» имеет свою ценность, которая состоит не только в том, что он является неотъемлемой частью работы II РТЭ, но и в том, что он содержит планы отдельных пещер, отсутствующие в иных итоговых документах экспедиции.

Так же интересны эмоциональные оценки уровня живописи пещер.

Текст «Предварительного беглого осмотра...» составлен в основном карандашом, который местами сильно выцвел. Читается данный раздел с большим трудом, чтение многих фрагментов предположитель-

но, некоторых — едва ли возможно. Усложняют работу с документом обильное использование сокращений, часть из которых не поддаётся раскрытию, а также отсутствие систематической пунктуации.

Записи не велись последовательно. Определённо С.Ф. Ольденбург возвращался в те или иные пещеры неоднократно, а сам порядок записей отражает порядок посещения пещер. Записи об отдельных пещерах встречаются неоднократно, на разных листах, выстроить последовательное описание пещер можно, только совершенно пренебрегая пагинацией. На некоторых листах текст идёт снизу вверх, что привносит дополнительную путаницу. По этой причине нумерация листов в итоговом издании приводится только в случае необходимости, а сам текст «Предварительного беглого осмотра...» даётся в соответствии не с пагинацией, а с порядковыми номерами пещер — так же, как и в «Описание пещер...». Некоторые записи сохранились в сильно фрагментированном виде. Тем не менее, удалось восстановить текст и этой работы, важнейшей для изучения истории исследования живописи Цянфодуна.

Новые архивные материалы по истории работ Восточно-Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга

Кроме работ С.Ф. Ольденбурга, итоговых для деятельности II Русской Туркестанской экспедиции, в научный оборот введён целый ряд других материалов. Так, В.Г. Ананьев и М.Д. Бухарин выявили и подготовили к печати ранее неизвестную работу В.Д. Головчинер «Китайский Туркестан», М.Д. Бухарин практически завершил работу с материалами Первой экспедиции (1909–1910 гг.): подготовлены к печати записная книжка С.Ф. Ольденбурга, в которой фиксировался ход

¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182.

² Там же. Д. 173. Л. 1–44.

работ и архитектурные планы различных городищ Восточного Туркестана, усилиями исследовательского коллектива реконструированы биографии участников работ обеих экспедиций: В.С. Биркенберга (Е.В. Аброськина), Б.Ф. Ромберга (М.Д. Бухарин), Д.А. и Н.А. Смирновых (Е.В. Аброськина, М.Д. Бухарин, С.Л. Шевельчинская) и консула А.А. Дьякова (М.К. Басханов), оказывавшего помощь экспедиции.

Важнейшую часть работы составила подготовка к печати полевых дневников участников работ, при этом дневник С.М. Дудина имеет более высокую ценность, так как в нём даётся искусствоведческий анализ живописи Цянфодуна. Дудин был далеко не во всём согласен с руководителем работ, между ними шла постоянная дискуссия по тем или иным вопросам. Дневники С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудина, Б.Ф. Ромберга и Н.А. Смирнова готовили к печати М.Д. Бухарин, И.В. Тункина и С.Л. Шевельчинская, записные книжки С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. — М.Д. Бухарин.

Несколько архивных дел были объединены под условным названием «Разрозненные части отчётов и научных трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций в 1909–1910 и 1914–1915 гг.». Их составили материалы как подводящие итоги археологического исследования Северо-Западного Китая, так и передающие те или иные, относительно частные, особенности ведения работ. Над этими материалами работали М.Д. Бухарин и И.В. Тункина при участии М.К. Басханова.

Значительный объём информации по истории изучения Западного и Восточного Туркестана содержится в письмах. М.Д. Бухариным подготовлены к изданию письма Р. Пишеля (руководителя германского Турфанского комитета) к В.Р. Розену и переписка С.Ф. Ольденбурга с В.В. Бартольдом, И.В. Тункиной и С.Л. Шевельчинской — письма Д.В. Коссиковского

к С.Ф. Ольденбургу, а М.К. Басханов представил анализ содержания этих документов.

Планы по дальнейшему изучению Восточного Туркестана рассматривались на Первом заседании Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г. Соответствующий документ подготовили к печати М.Д. Бухарин и И.В. Тункина. В.Г. Ананьев выявил и подготовил к изданию два документа, демонстрирующих место С.Ф. Ольденбурга в музееведении и искусствоведении — речи И.А. Орбели «С.Ф. Ольденбург как искусствовед» и «С.Ф. Ольденбург как музеевед».

В результате благодаря поддержке РФФИ мировая наука обогатилась ценнейшим источниковым и исследовательским материалом, объединённым в два внушительных тома, изданные — также при поддержке РФФИ — в самом конце 2020 г.:

- ♦ Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Том IV: Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2020;
- ♦ Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX веков. Том V: Вторая Русская экспедиция 1914–1915 гг.: С.Ф. Ольденбург. Описание пещер Чанфодуна близ Дунь-хуана / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, М.Б. Пиотровского, И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2020.

Работа с материалами Второй Русской Туркестанской экспедиции — одного из выдающихся свершений российской науки XX в. — не закончена. Наиболее важный объём информации содержит фотоархив экспедиции, хранящийся в Государственном Эрмитаже. Его подготовка к полному изданию — важнейшая задача российской исторической науки на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Время Ольденбурга. Post factum. I. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга // Диалог со временем. 2019. № 3 (68). С. 318–329.
2. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.: Время Ольденбурга. Post factum. II. Сохранение научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга в письмах и документах // Диалог со временем. 2020. № 2 (71). С. 408–424.
3. Бухарин М.Д. (отв. ред.): Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
4. Бухарин М.Д. (отв. ред.): Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М.: Памятники исторической мысли, 2018.
5. Бухарин М.Д., Шевельчинская С.Л. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 3: Фотоархив Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
6. Бухарин М.Д. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的П.К.科兹洛夫写给С.Ф.奥登堡的信 [Элосы кэсюэюань данъаньгуань Шэнбидэбао фэньгуань шоуцан дэ П.К. Кэцзылофу се гэй С.Ф. Аодэнбао дэ синь: Письма П.К. Козлова к С.Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук] // 丝绸之路考古 [Сычоу чжилу каогу: Археология Шелкового пути]. 2020. Вып. 4. С. 169–188.
7. Бухарин М.Д. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的М.М.别列佐夫斯基写给С.Ф.奥登堡的信 [Элосы кэсюэюань данъаньгуань Шэнбидэбао фэньгуань шоуцан дэ М.М. Белецзофусыци се гэй С.Ф. Аодэнбао дэ синь: Письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН] // 旅顺博物馆学苑 [Лушунь боугуань сюэюань: Академия Музея Лушунь. 2019] / Ван Чжэньфэнь (ред.). Лушунь: Лушунь боугуань, 2020. С. 145–167.
8. Бухарин М.Д., Тункина И.В. С.Ф. Ольденбург. 奥登堡院士未公布的科学遗产 (纪念俄罗斯新疆探险考察队工作结束100周年) [С.Ф. Аодэнбао юаньши вэй гунбу дэ кэсюэ ичань (Цзинянь Элосы Синьцзян таньсянь каояньдуй гунцзо цзешу 100 чжоунянь): Неизданное научное наследие академика С.Ф. Ольденбурга (к 100-летию завершения работ русских Синьцзянских экспедиций)] // 丝路文明 [Сычоу вэньмин: Цивилизация Шелкового пути]. 2020. Вып. 5. С. 183–197.
9. Гуань Юхуэй. Тайны Дуньхуана. Росписи пещер. СПб., 2019.
10. Жун Синьцзян. 18 лекций о Дуньхуане. М.: Восток-бук, 2019.
11. Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств // Задачи и методы изучения искусств / Отв. ред. А.Ф. Некрылова. СПб., 2012.
12. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. IV / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вэй Тунсянь. Шанхай, 2000. С. 328. Р. 165с (D.361)-1.
13. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. VI / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вэй Тунсянь. Шанхай, 2005. С. 29-327.
14. Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки / О.П. Дешпанде (науч. ред.). СПб., 2008.
15. Попов А.В. Несостоявшийся поход в Индию: атаман Борис Владимирович Анненков и его отряд в Синьцзяне // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. 2007. 1. С. 7–20.
16. Langdon W. A Study of a Ninth-Century Grotto at Wan Fo Hsia. Cambridge, 1938.
17. Pelliot P. Les grottes de Touen-Houang. Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. T. I–VI. Paris (Mission Pelliot en Asie Centrale. I). 1920–1924.

18. Wang Jiqing. Aurel Stein's Dealings with Wang Yuanlu and Chinese Officials in Dunhuang in 1907 // Sir Aurel Stein. Colleagues and Collections / Ed. by Helen Wang. L., 2012 (British Museum online publication). P. 1–6.
19. Whitfield S. Aurel Stein on the Silk Road. London, 2004.

ENGLISH

Russian Turkestan Expeditions in 1909–1910 and 1914–1915: Findings and Prospects of the Study of Archives

Mikhail Dmitrievich Bukharin — Academician of RAS, Doctor of Sciences in History, Chief Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, head of the project “The Second Russian Turkestan Expedition of Academician Sergei Oldenburg in 1914–1915. Unpublished Materials from RAS Archives” (18-09-00213).

E-mail: michabucha@gmail.com

In 2018–2020, a group of researchers of the project “The Second Russian Turkestan Expedition of Academician Sergei Oldenburg in 1914–1915. Unpublished Materials from RAS Archives” have identified and prepared for publication the entire body of primary scientific documents from RAS archives. The documents fully cover the work of Russian researchers in studying Qianfodong and Turpan Oasis. Through their efforts, the works that undoubtedly represent the greatest achievements of Russian Oriental studies in their entire history are being introduced to academia. The biographies of all the participants of the works have been largely restored, and their previously unknown correspondence has been prepared for publication. The key result of the research was the preparation for publication of Academician Sergei Oldenburg's “Description of the Qianfodong Caves near Dunhuang”. The importance of Oldenburg's paper in the site study has only increased over the past century.

The most promising areas for further work include the restoration and preparation for printing of the photographic archive of the Second Russian Turkestan Expedition consisting of over 2,000 images stored in the State Hermitage Museum. The publication of this photographic archive will completely fill a major gap in the history of Russian Oriental studies.

Keywords: Archaeology, China, East Turkestan, Xinjiang, Qianfodong, Buddhism, archive, art, mural painting

REFERENCES

1. Anan'ev V.G., Bukharin M.D. Vremya Ol'denburga. Post factum. I. E.G. Ol'denburg i akademicheskoe soobshchestvo v dele sokhraneniya nauchnogo naslediya akademika S.F. Ol'denburga // Dialog so vremenem. 2019. № 3 (68). S. 318–329 (in Russian).
2. Anan'ev V.G., Bukharin M.D.: Vremya Ol'denburga. Post factum. II. Sokhranenie nauchnogo naslediya akademika S.F. Ol'denburga v pis'makh i dokumentakh // Dialog so vremenem. 2020. № 2 (71). S. 408–424 (in Russian).
3. Bukharin M.D. (otv. red.): Vostochnij Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 1: Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossijskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniya. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).

4. Bukharin M.D. (otv. red.): Vostochniy Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 2: Geograficheskie, arkhologicheskie i istoricheskie issledovaniya (Arkhivy Rossijskoy akademii nauk i Natsional'noj akademii nauk Kyrgyzskoi respubliki). M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).
5. Bukharin M.D., Shevel'chinskaya S.L. Vostochnii Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 3: Fotoarkhiv Pervoi Russkoi Turkestanskoi ekspeditsii 1909–1910 gg. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).
6. Bukharin M.D. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的P.K.科兹洛夫写给S.F.奥登堡的信 [Elosy kesyueyuan' dan"an'guan' Shenbidebao fen'guan' shoutsan de P.K. Ketszylofu se gej S.F. Aodenbao de sin': Pis'ma P.K. Kozlova k S.F. Ol'denburgu iz sobraniya Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossijskoi akademii nauk] // 丝绸之路考古 [Sychou chzhilu kaogu: Arkheologiya Shelkovogo puti]. 2020. Vyp. 4. S. 169–188.
7. Bukharin M.D. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的 M.M. 别列佐夫斯基写给 S.F.奥登堡的信 [Elosy kesyueyuan' dan"an'guan' Shenbidebao fen'guan' shoutsan de M.M. Beletszofusytszi se gej S.F. Aodenbao de sin': Pis'ma M.M. Berezovskogo S.F. Ol'denburgu iz sobraniya SPF ARAN] // 旅顺博物馆学苑 [Lushun' bouguan' syueyuan': Akademiya Muzeya Lushun'. 2019] / Van Chzhen'fen' (red.). Lushun': Lushun' bouguan', 2020. S. 145–167.
8. Bukharin M.D., Tunkina I.V. S.F. Ol'denburg. 奥登堡院士未公布的科学遗产 (纪念俄罗斯新疆探险考察队工作结束100周年) [S.F. Aodenbao yuan'shi vej gunbu de kesyue ichan' (Tszinyan' Elosy Sin'tszyan tan'syan' kaoyan'duj guntszo tszeshu 100 chzhounyan'): Neizdannoe nauchnoe nasledie akademika S.F. Ol'denburga (k 100-letiyu zaversheniya rabot russkikh Sintszyanskikh ekspeditsii)] // 丝路文明 [Sychou ven'min: Tsivilizatsiya Shelkovogo puti]. 2020. Vyp. 5. C. 183–197.
9. Guan' Yukhiej. Tajny Dun'khuana. Rospisi peshcher. SPb., 2019 (in Russian).
10. Zhun Sin'tszyan. 18 lektcii o Dun'khuane. M.: Vostok-buk, 2019 (in Russian).
11. Kratkii otchyot o deyatel'nosti Rossiiskogo instituta istorii iskusstv // Zadachi i metody izucheniya iskusstv / Otv. red. A.F. Nekrylova. SPb., 2012. S. 187–247 (in Russian).
12. Pamyatniki iskusstva iz Dun'khuana, khraryashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe. T. IV / Otv. red. L.N. Men'shikov, Vei Tunsyan'. Shankhai, 2000. S. 328. R. 165s (D.361)-1 (in Russian).
13. Pamyatniki iskusstva iz Dun'khuana, khraryashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe. T. VI / Otv. red. L.N. Men'shikov, Vei Tunsyan'. Shankhai, 2005. S. 29-327 (in Russian).
14. Peshchery tysyachi budd. Rossiiskie ekspeditsii na Shyolkovom puti. K 190-letiyu Aziatskogo muzeya. Katalog vystavki / O.P. Deshpande (nauch. red.). SPb., 2008 (in Russian).
15. Popov A.V. Nesostoyavshiisya pokhod v Indiyu: ataman Boris Vladimirovich Annenkov i ego otryad v Sin'tszyane // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. 2007. 1. S. 7–20 (in Russian).
16. Langdon W. A Study of a Ninth-Century Grotto at Wan Fo Hsia. Cambridge, 1938 .
17. Pelliot P. Les grottes de Touen-Houang. Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. T. I–VI. Paris (Mission Pelliot en Asie Centrale. I). 1920–1924.
18. Wang Jiqing. Aurel Stein's Dealings with Wang Yuanlu and Chinese Officials in Dunhuang in 1907 // Sir Aurel Stein. Colleagues and Collections / Ed. by Helen Wang. L., 2012 (British Museum online publication). P. 1–6.
19. Whitfield S. Aurel Stein on the Silk Road. London, 2004.

Индекс УДК 902.652

Код ГРНТИ 03.41.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-23-38

Н.И. ШИШЛИНА*

«Шерстяной путь» эпохи поздней бронзы: культурный, хронологический и географический контексты

Внедрение технологий по производству новых продуктов питания и потребления — революция вторичных производств — качественно изменило траекторию экономических преобразований эпохи бронзы. Среди таких инноваций — появление и распространение шерстяного волокна у народов, населявших северную Евразию в III–II тыс. до н.э. Разработанные новые подходы к изучению древнего шерстяного текстиля из памятников северной Евразии бронзового века, включающие технологический анализ, радиоуглеродное датирование, расшифровку геохимической подписи, позволили впервые обсудить не только время появления шерстяного волокна в текстильном производстве эпохи бронзы, очертить культурные ареалы, но и предложить к обсуждению новую гипотезу о сложении в начале II тыс. до н.э. «Шерстяного пути», объединившего регионы предгорной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы на западе с Южной Сибирью и Китаем на востоке. Находки шерстяных изделий и радиоуглеродные даты чётко маркируют распространение инновации сначала из Переднего Востока с юга на север, потом из предкавказских степей с запада на восток. Высказано предположение, что одним из путей распространения шерстяных изделий на запад мог быть путь из южных степных районов Восточной Европы через Причерноморские степи.

Ключевые слова: северная Евразия, эпоха бронзы, шерстяное волокно, геохимическая подпись, прямое радиоуглеродное датирование

Введение

Векторы и механизмы распространения технологической инновации — шерстяного волокна — в северной Евразии до настоящего времени обозначены лишь схематично. В российской историографии общепринятым является мнение,

согласно которому шерстяное волокно связано с началом разведения домашних овец и коз. Однако самые ранние овцы были покрыты волосами [1], и потребовалось не менее пяти тысяч лет для выведения шерстяной овцы [2]. Первые документированные свидетельства

* **Шишлина Наталья Ивановна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея, руководитель проекта ««Золотое руно» бронзового века северной Евразии: анализ культурного, географического и хронологического контекста» (18-09-00015).

E-mail: nshishlina@mail.ru

появления шерстяных тканей из козьего пуха и овечьей шерсти относятся только к концу IV тыс. до н.э.: Анатолия, Арслантепе [3], Восточный Иран, Шахр-и-Сохта [4]. На большей части северной Евразии основным сырьём для производства текстиля на протяжении 3500–2000 гг. до н.э. было растительное волокно – лён, конопля, крапива, стебли дикорастущих злаков, стебли и листья водных растений, лыко деревьев, кожа, сухожилия животных [5, 6].

Задачи и методы исследования

Задачами проекта «"Золотое руно" бронзового века северной Евразии: анализ культурного, географического и хронологического контекста» были определение траектории и хронологии распространения нового текстильного сырья – шерстяного волокна и технологии производства тканей, выявление культурных ареалов, которые стали передаточной средой инноваций.

Для их решения была собрана база данных фрагментов текстиля эпохи бронзы из памятников северной Евразии и разработан комплекс методов.

Технологический анализ был направлен на определение структуры материалов и характеристик тканей и нитей. Методы микроскопии в отражённом неполяризованном свете и в проходящем поляризованном свете, растровая электронная микроскопия (SEM) позволили определить природу волокна и технологические характеристики образцов.

Новые подходы были разработаны при проведении радиоуглеродного анализа с применением ускорительной масс-спектрометрии (AMS): перед отбором проб текстиль исследовали под микроскопом и исключали фрагменты, подвергшиеся реставрации.

Полученные ^{14}C даты калибровали в программе OxCal 4.3 с применением калибровочной кривой IntCal13 [7, 8]. При работе с ^{14}C датами, полученными по шерстяному текстилю, из статистического анализа ис-

ключали даты со стандартным отклонением больше >70 и образцы, которые показали значительное смещение от ожидаемых значений C/N для кератина. Где это оказалось возможным, было проведено радиоуглеродное датирование иных углеродсодержащих образцов из того же погребального контекста, где был найден шерстяной текстиль: древесины, семян, кожи, костей животных. Перекрёстное датирование разных углеродсодержащих образцов, включая шерстяной текстиль, подтвердило, что радиоуглеродный возраст образцов текстиля с незначительным смещением C/N совпадает с радиоуглеродным возрастом других синхронных образцов, а значительное смещение C/N в образцах шерстяного текстиля может указывать на несоответствие их радиоуглеродного возраста радиоуглеродному возрасту других синхронных углеродсодержащих образцов.

Полученные ^{14}C данные анализировали с использованием байесовского моделирования в программе OxCal 4.3 вместе с сопоставительной выборкой опубликованных AMS-данных по шерстяному текстилю и сопроводительных образцов из памятников Кавказа, Анатолии и западного Китая. Это позволило включить в анализ археологические и географические данные, предложить модель хроно-пространственных фаз и оценить их соотношение [9].

Мы также полагали, что шерстяной текстиль сохраняет «изотопную» подпись ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$), расшифровка которой позволяет оценить однородность/вариативность изотопного состава и получить дополнительную информацию, связанную с его вероятным происхождением, и в итоге очертить возможные ресурсные ареалы, откуда могло происходить сырьё.

Изотопные отношения стронция в ископаемых и современных костных и зубных тканях как человека, так и животных применяются для реконструкции их перемещений. Пилотные исследова-

ния [10] показали, что изотопные отношения стронция шерсти овец, а следовательно, и изотопные отношения стронция археологического шерстяного текстиля отражают сигнал биодоступного стронция соответствующих пастбищ, где овцы могли выпасаться. Это позволяет выявить возможные сырьевые ареалы.

Для верификации результатов по вариациям отношений стронция в тканях дополнительно определялся изотопный состав азота и углерода. Изотопный состав коллагена травоядных животных зависит от изотопного состава пастбищных растений и может изменяться в зависимости от климата и типа освоенных пищевых ресурсов. В волосах изотопный сигнал меняется быстрее. Они растут в среднем на 1 см в месяц и отражают изотопный сигнал, связанный с рационом животного в достаточно короткий промежуток времени. Полученные данные дают лишь общее представление об изотопном составе сырья и тех пастбищах, где овцы или козы могли выпасаться, нежели характеризуют каждый индивидуальный фрагмент [11], однако их можно учитывать при определении потенциального ареала происхождения шерстяного сырья.

Результаты

Собранная база данных состоит из 60 фрагментов текстиля и кожи из 32 памятников эпохи бронзы северной Евразии (рис. 1).

Технологический анализ. Производственный цикл изготовления изделия из шерстяной ткани сложен, требует многодневных трудозатрат значительного количества людей с разными производственными навыками. Это должно было отразиться в материальной культуре. Находки текстиля крайне редки и не всегда возможно восстановить полный технологический процесс производства изделия. Выявление хотя бы нескольких этапов технологического процесса позволяет реконструировать и оценить уровень

текстильного производства в бронзовом веке северной Евразии.

Благодаря технологическому анализу фрагментов текстиля собранной базы данных были реконструированы производственные циклы:

(1) производство сырья;

(2) формирование нити: упорядочивание волокон в витую структуру сучением вручную, с использованием веретена или при помощи прялки. Основой прядения является крутка нити – в левую («S») или правую («Z») сторону;

(3) изготовление первичного текстильного изделия из нитей при помощи различных техник: плетения, валяния, вязания, ткачества;

(4) крашение;

(5) создание вторичного текстильного изделия.

Основное сырьё во всех образцах – достаточно однородное пуховое волокно; в некоторых присутствуют немногочисленные волокна остевого и мёртвого волокна. Ровные, гладкие нити с параллельными волокнами свидетельствуют, что шерсть, скорее всего, не стригли, а вычёсывали/выдёргивали. Возможно, далее руно сортировали, готовя для прядения, отделяя переходный/мёртвый волос, разделяя пух. Во всех исследованных шерстяных образцах формирование нити осуществлялось при помощи прядения. Использовались как одинарные, так и двойные нити диаметром 0,3–1,3 мм. Встречается S (левая), но преобладает Z (правая) крутка нитей.

В зависимости от атрибуции первичного текстильного изделия и техники его изготовления текстильные образцы делятся на четыре категории: ткань, плетёная тесьма, шнур, нить. Тканые образцы представлены тканями с перевитой основой и полотняного переплетения (рис. 2). Плетение тесьмы осуществлялось по диагонально-полотняной и диагонально-саржевой схемам, использовались нити разной крутки (рис. 3). Известны шнуры разной толщины, нити разной крутки, выяв-

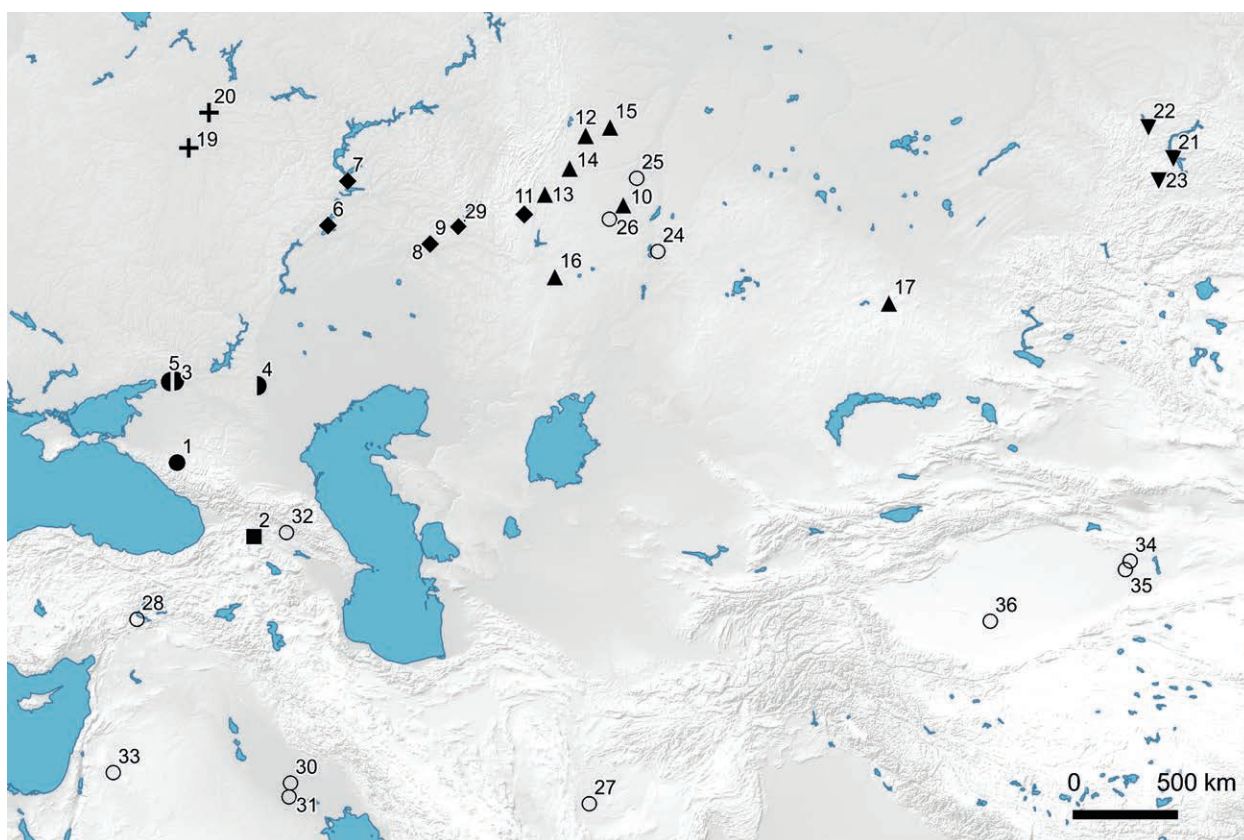

Рис. 1. Памятники бронзового века с фрагментами шерстяного и хлопкового текстиля:

- 1 — Царская (Новосвободная); 2 — Бедени; 3 — Шахаевский I; 4 — Ергени; 5 — Бугуруста;
 6 — Алексеевский II; 7 — Золотая Нива II; 8 — Герасимовский III; 9 — Герасимовский I; 10 — Алексеевский;
 11 — Тавлыкаевский II; 12 — Черняки II; 13 — Агаповка II; 14 — Степное VII; 15 — Алакуль;
 16 — Ушкаттинский I; 17 — Тундык; 18 — Кайран I; 19 — Берёзовый Рог; 20 — Борисоглебовский I;
 21 — Усть-Ерба; 22 — Ужур; 23 — Уйбат; 24 — Бестамак; 25 — Джангильды-5; 26 — Лисаковский;
 27 — Шахри-и-Сохта; 28 — Арслан-тепе; 29 — Боголюбовский; 30 — Гирсу; 31 — Ур;
 32 — Ананаури; 33 — Дхувейла; 34 — Гумугоу; 35 — Сяохэ; 36 — Келияхе

лено использование протравных растительных красителей для получения красных оттенков [12].

Большинство исследованных шерстяных изделий относится к элементам костюма: одежде и аксессуарам.

Радиоуглеродное датирование. Самый ранний шерстяной текстиль — это фрагмент из позднемайкопского погребения Северного Кавказа (2910–2600 гг. до н.э.).

Дата по этому фрагменту текстиля также соотносится с ^{14}C датой, полученной для комплекса с шерстяной тканью из «Царской гробницы» Арслан-тепе в Анатолии [3]. Однако фрагмент текстиля с Северного Кавказа сделан из смешанных шерстяных и хлопковых нитей и считается неместным; его происхождение может

быть связано с кругом культур юго-восточных регионов Переднего Востока и, возможно, культур, расположенных ещё южнее [13–14]. На Кавказе в это время известны ткани только из льна или других диких лубяных растений [15].

Предпочтение использования растительного волокна, а также хронологический разрыв между ^{14}C датой смешанного хлопково-шерстяного текстиля из майкопского захоронения в Царской и другими ^{14}C датами шерстяного текстиля и материалов из памятников Кавказа подчёркивает отсутствие в этом регионе устойчивой технологической традиции производства шерстяного текстиля в то время. Только спустя несколько столетий технология производства тканей из нового

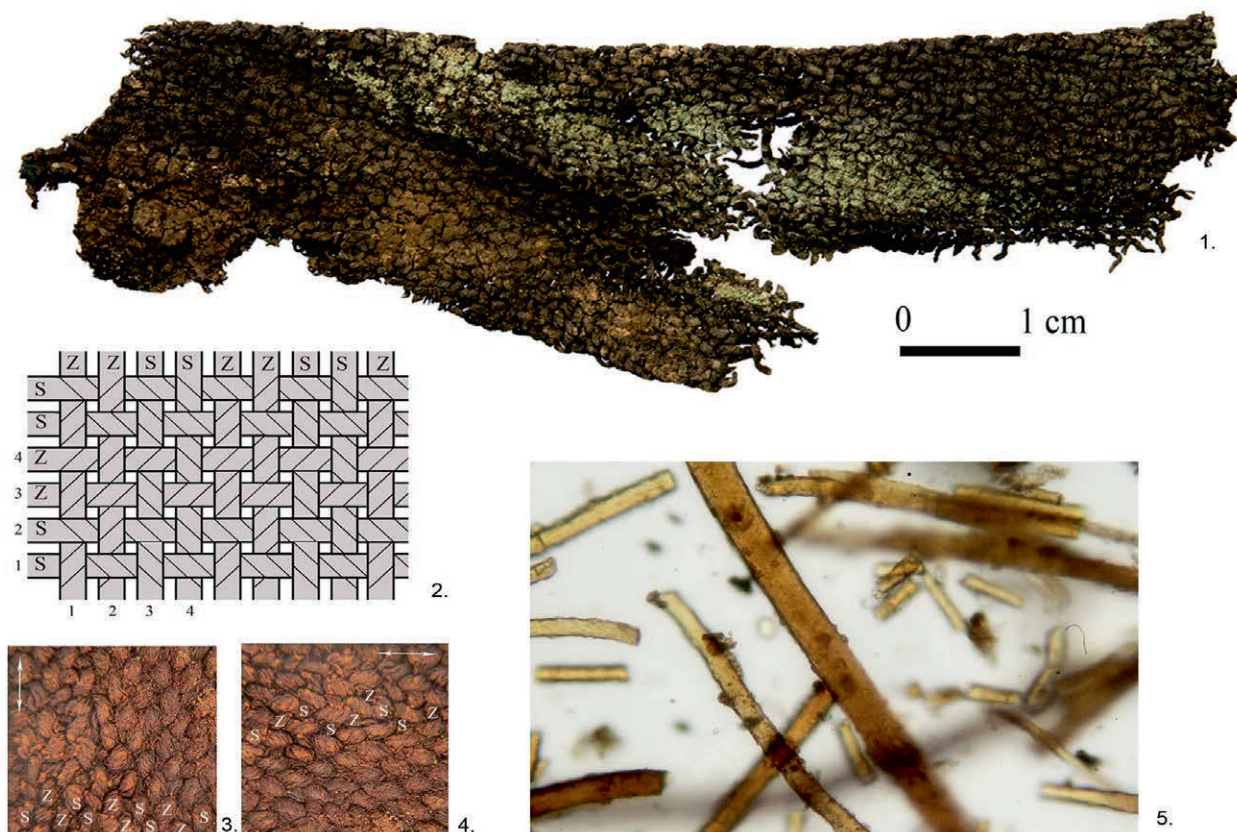

Рис. 2. Рязанская обл., могильник Берёзовый Рог, погребение 20. Фрагмент шерстяной ткани полотняного переплетения

сырья вышла за пределы юго-западной Азии и Анатолии. Даты по скорлупе ореха из могильника Ананаури (2470–2350 гг. до н.э.) [16] и шерстяной ткани из могильника Бедени (2140–2040 гг. до н.э.) определяют временной интервал распространения этой технологии на Южном Кавказе. Даты по образцам из могильников Ергени, Шахаевская и Бугуруста в Калмыкии и в Нижнем Подонье катакомбной и бабинской культур, где шерстяные ткани датируются интервалом 2400–2000 гг. до н.э., указывают, что распространение этой технологии в степной зоне Восточной Европы происходило практически синхронно.

Это позволяет высказать предположение, что степняки контактировали с южными соседями, возможно, заимствуя у них технологические текстильные навыки и новое сырьё.

В районах, расположенных севернее, наблюдается устойчивая тенденция рас-

пространения раннего шерстяного текстиля. Образцы шерсти из ранних позднелевосточных (мог. Борисоглебовский) погребений лесной зоны Восточной Европы датируются около 2150–1900 гг. до н.э. В районах, расположенных к востоку, распространение шерстяного волокна имело скачкообразный характер. Весь шерстяной текстиль срубной и алакульской культур в степной зоне Поволжья, Приуралья, Зауралья и Казахстана попадает в интервал 1925–1475 гг. до н.э. Даты по раннему текстилю соседних регионов Синьцзяна (западный Китай) почти синхронны степным датам и попадают в близкий интервал 1675–1500 гг. до н.э. Даты по фёдоровскому (позднему андроновскому) текстилю южной Сибири находятся в интервале 1550–1325 гг. до н.э.

Геохимическая подпись. Отношения вариаций стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах тканей Южной Сибири — из могильников Ужур,

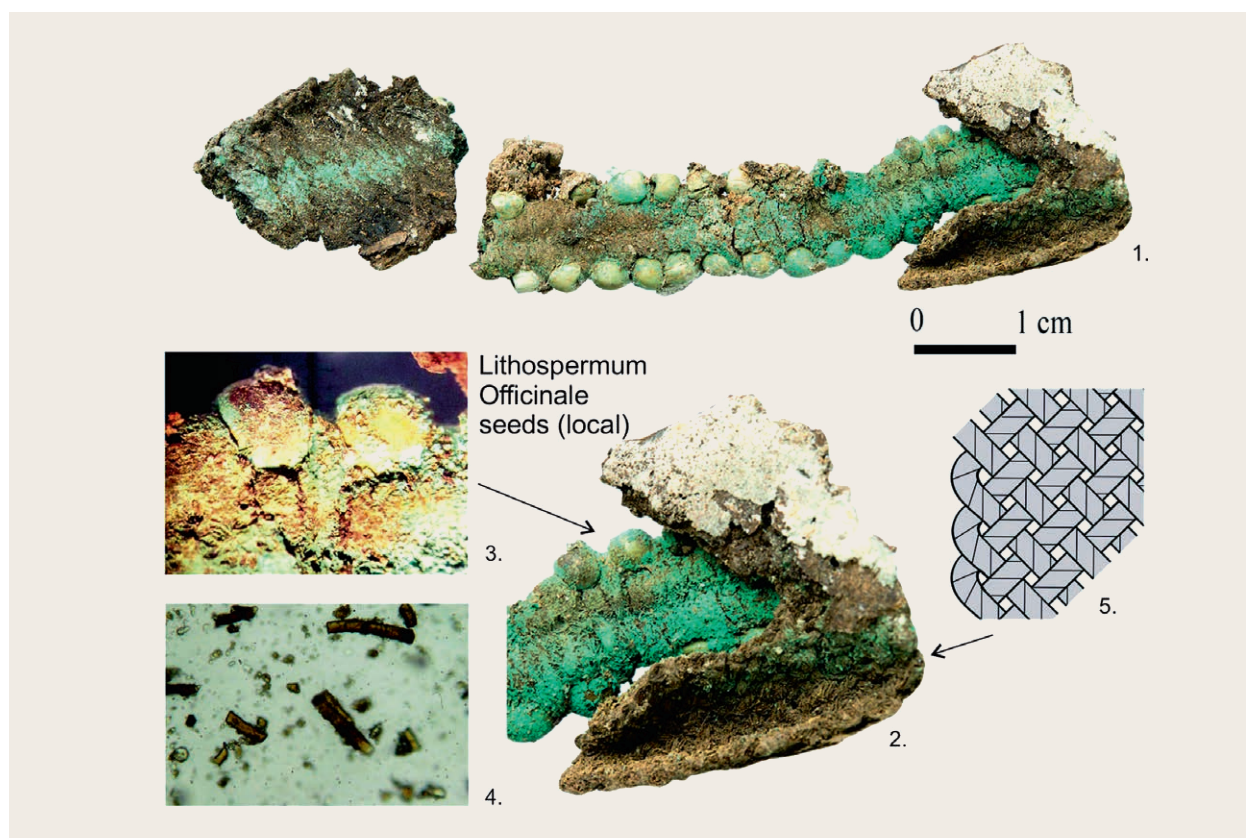

Рис. 3. Ростовская область, могильник Шахаевский 1, курган 4, погребение 32. Фрагмент детали головного убора с плетёной шерстяной тесьмой

Рис. 4. Вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах тканей Южной Сибири из могильников Ужур и Уйбат и фоновых природных образцах улиток

Уйбат — различны: более радиогенное (высокое) во фрагменте пояса из Ужура и более низкое — в текстиле из Уйбата (рис. 4). Эти результаты свидетельствуют, что происхождение сырья — шерсти животных — должно быть связано как минимум с двумя разными ареалами, где мог проводиться их выпас. Отношения вариаций стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в изделии из Уйбата, однако, оказались выше, чем изотопные показатели в двух биодоступных фоновых образцах — улитках, собранных рядом с могильником.

Отношения вариаций стронция в образце шерстяной ткани из Берёзового Рога (Рязанская обл.) — 0,71019 — отличается от отношений вариаций стронция фоновых улиток, собранных у озера Шагара, расположенного примерно в 80 км, — 0,70981. Такая же ситуация характеризует и шерстяную ткань могильника Черняки II (Челябинская обл.): $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ — 0,70988, т.е. выше вариаций в фоновых образцах

улиток, собранных как в пределах 1 км от местоположения памятника (0,70895–0,70934), так и неподалёку от более отдалённых памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Южного Зауралья – могильниках Алакульский и Степное (0,70813–0,70917) (рис. 5).

Отношения вариаций стронция шерстяной тесьмы из Герасимовского могильника (Оренбургская область) – 0,70915 – соотносятся с местным геохимическим сигналом.

Фоновые сопоставительные изотопные данные пока очерчивают довольно широкие географические регионы. Однако можно предположить местное (уральское) происхождение только оренбургского текстиля. Южносибирские, лесные, южноуральские ткани изготавливались из пряжи овец, которые выпасались далеко от могильников, т.е. за пределами лесных (среднее течение р. Оки и её притоков), лесостепных (среднее течение р. Миасс), степных водораздельных пастбищ в междуречье р. Беи и Уйбата.

Разница величины изотопа углерода в коллагене кости и кератине волос шерстяного руна составляет 2–3‰, изотопный состав азота в коллагене и кератине близок [17]. В качестве сопоставительного фона привлечены изотопные данные по коллагену костей овец эпохи бронзы и изотопный состав образцов костей современных овец, выпасавшихся на естественных угодьях Калмыкии, Нижнего Подонья, Адыгеи.

Изотопный состав азота и углерода кератина археологического шерстяного волокна бронзового века отличается вариативностью значений: $\delta^{13}\text{C}$ варьирует от –27,1 до –21,5‰; $\delta^{15}\text{N}$ – от 1,6 до 12,7‰ (рис. 6).

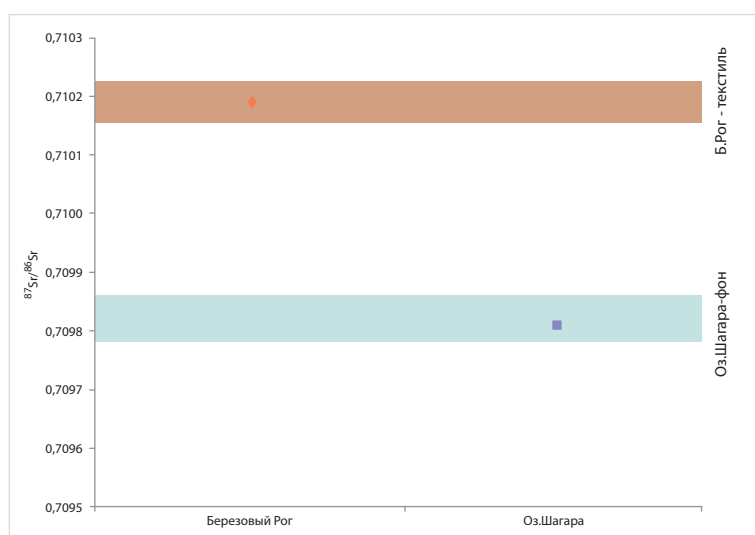
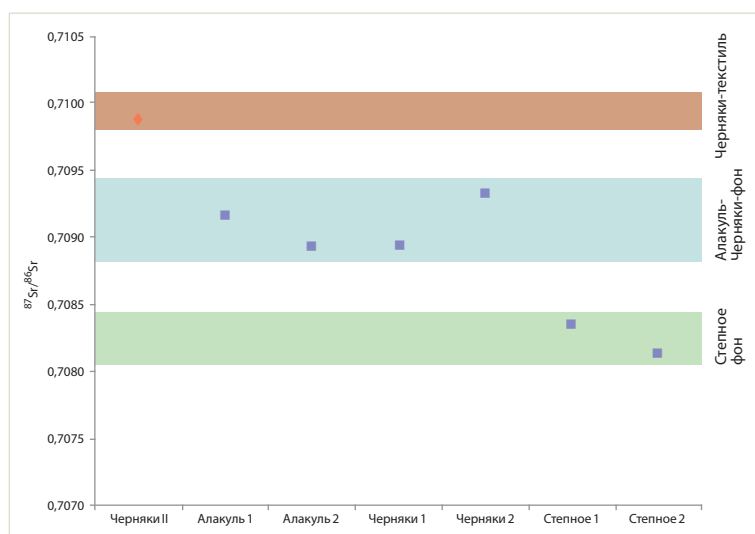

Рис. 5. Вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах тканей могильников Берёзовый Рог (Рязанская область), Черняки (Челябинская область) и фоновых природных образцах улиток

Изотопный состав в коллагене археологических овец из памятников степной, лесостепной, лесной и предгорной зон Восточной Европы также различен. Овцы из памятников, расположенных на границе степи и лесостепи Нижнего Поволжья, приморского Дагестана, лесной зоны центра Русской равнины, характеризуются низкими величинами азота и углерода. Максимальный разброс данных по изотопному составу показали и образцы современной шерсти овец, выпасавшихся на угодьях, расположенных в особых климатических и ландшафтных условиях

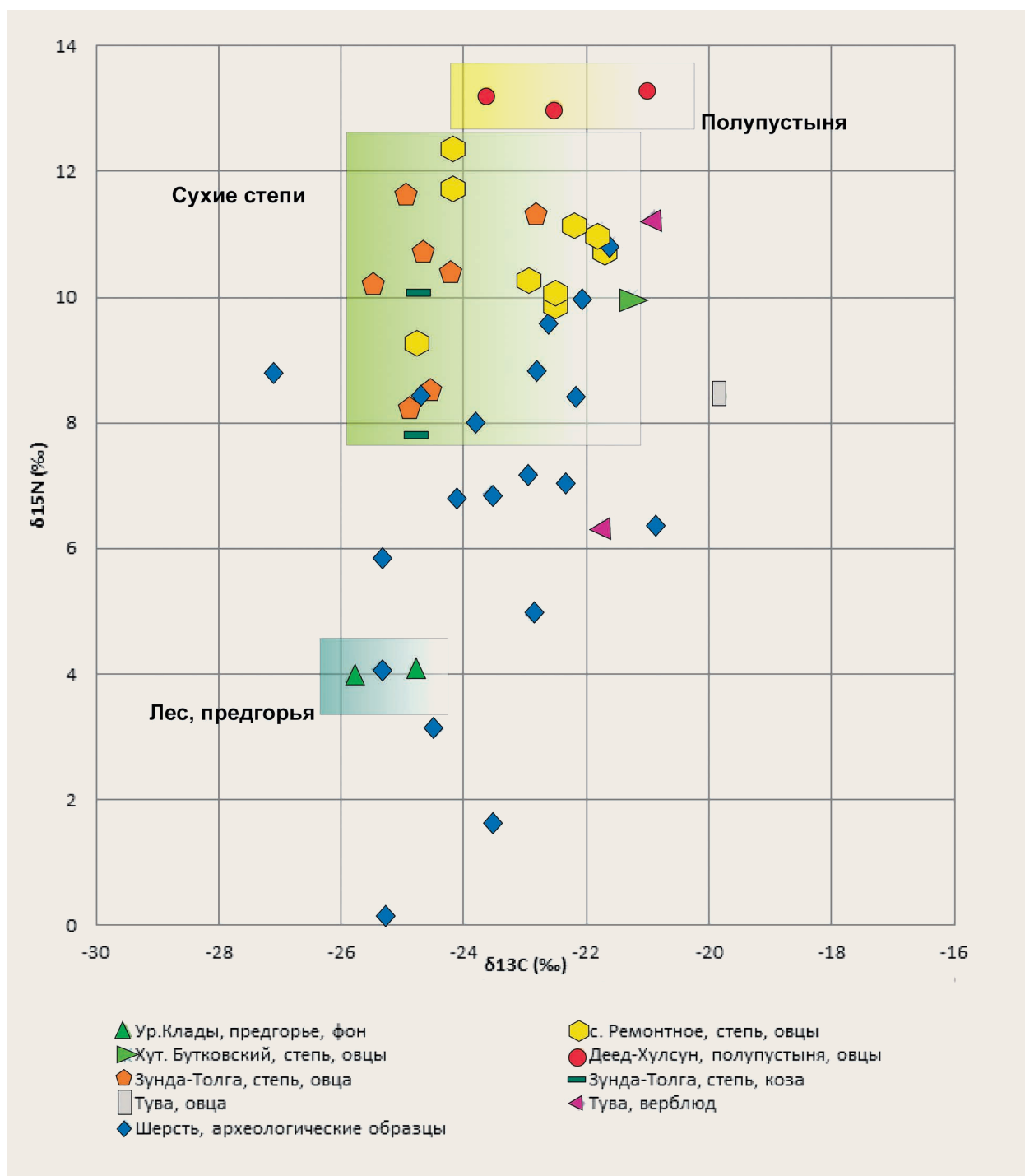

Рис. 6. Изотопный состав азота и углерода кератина археологического шерстяного волокна бронзового века ($\delta^{13}\text{C}$; $\delta^{15}\text{N}$) и шерсти современных овец

с преобладающим C_3 типом пастбищных растений, на пастбищах с включением растений C_4 , на равнинных и предгорных пастбищах.

Таким образом, вариации изотопного состава археологического шерстяного волокна соотносятся как с вариация-

ми изотопного состава коллагена костей овец из археологических памятников эпохи бронзы Северного и Южного Кавказа, сухих и аридных степей юга Русской равнины, Урала, Южной Сибири и Казахстана, так и с вариациями руна современных овец, выпасавшихся на разных пастбищах.

Обсуждение

Результаты технологического анализа шерстяных изделий отражают высокий уровень мастерства на всех этапах производственного текстильного цикла практически во всех регионах северной Евразии начиная с конца III – первой половины II тыс. до н.э.: на Кавказе, в степных, лесостепных и лесных регионах Восточной Европы, Приуралья и Зауралья, Западной и Южной Сибири, Казахстана. Это развитые технологии первичной обработки и сортировки волокна довольно высокого качества, веретённое прядение, применение различных текстильных техник плетения и ткачества, начало использования протравных красителей и создание сложносоставных текстильных изделий.

Такие катакомбные степные технологии, как прядение, плетение тесьмы диагонально-саржевого и диагонально-полотняного переплетения, оригинальные конструкции конусовидных шапочек, осваиваются мастерами срубно-андроновского степного мира позднейшей эпохи, ткачи которых используют уже авторские решения: новые комбинации направления нитей, степень и порядок крутки, ткани полотняного переплетения; новый тип одежды и аксессуаров. Этот «стиль местных ткачей и дизайнеров» указывает, что в развитии новой технологии появляются нововведения, связанные с местными текстильными традициями. Шерстяные ткани и тесьма становятся более праздничными и нарядными; появляется новая специализация – краситель текстиля. Фрагмент войлочной основы, на которую нашивались бронзовые украшения, подтверждает ранее высказанное мнение, что традиция войлока распространяется в степной среде, хотя его происхождение связано с комплексными оседлыми поселениями Ирана и Анатолии III тыс. до н.э. Войлок из погребения Чесменка 3 начала II тыс. до н.э. может считаться пока самым ранним изделием этого типа в Восточной Европе.

Специальные аксессуары для хранения украшений – шерстяные сумочки – ха-

рактерны для алакульской культуры. Пояса (рис. 7) и фрагменты одежды известны в алакульских и фёдоровских памятниках. Среди элементов одежды выделяются головные уборы с коническим верхом, зачастую орнаментированные вышивкой бусами из различных материалов.

Судя по новым радиоуглеродным данным, местное производство шерстяного волокна на Южном Кавказе и в степном Предкавказье началось примерно в одно и то же время – с 2400 гг. до н.э., причём на юге с середины III тыс. до н.э. шерстяное волокно использовалось вместе с растительным, в первую очередь льняными, джутовыми и другими волокнами; а в катакомбной и бабинской культурах – наравне с кожей и сухожильными нитями, а также дикорастущими растениями.

В конце III тыс. до н.э. новое текстильное сырьё и шерстяные ткани быстро распространяются далее на север в лесостепную и лесную зоны. Это привело к тому, что в течение 200–250 лет технология производства шерстяных тканей быстро интегрировалась в экономику культур северной Евразии, распространившись далее на восток – на Урал, Казахстан и Южную Сибирь (рис. 8) [9]. Имеющиеся ^{14}C данные, полученные по фрагментам шерстяного текстиля и войлока из памятников культуры Сяхэ-Гумугоу, свидетельствуют о быстром распространении этой технологии далеко на восток, вплоть до Китая. Шерстяной текстиль в Синьцзяне появился чуть позже, чем на Южном Кавказе, в степной катакомбной культуре, лесной зоне Восточной Европы; однако китайские шерстяные ткани синхронны алакульскому и срубному текстилю Поволжья, Приуралья и Казахстана.

Таким образом, полученные ^{14}C AMS-даты фиксируют сначала траекторию продвижения технологии изготовления шерстяного волокна с севера на юг. Происходит ассимиляция новых навыков в среде, где уже в III тыс. до н.э. основой экономики становится подвижное пастушество, в составе стада присутствуют и козы,

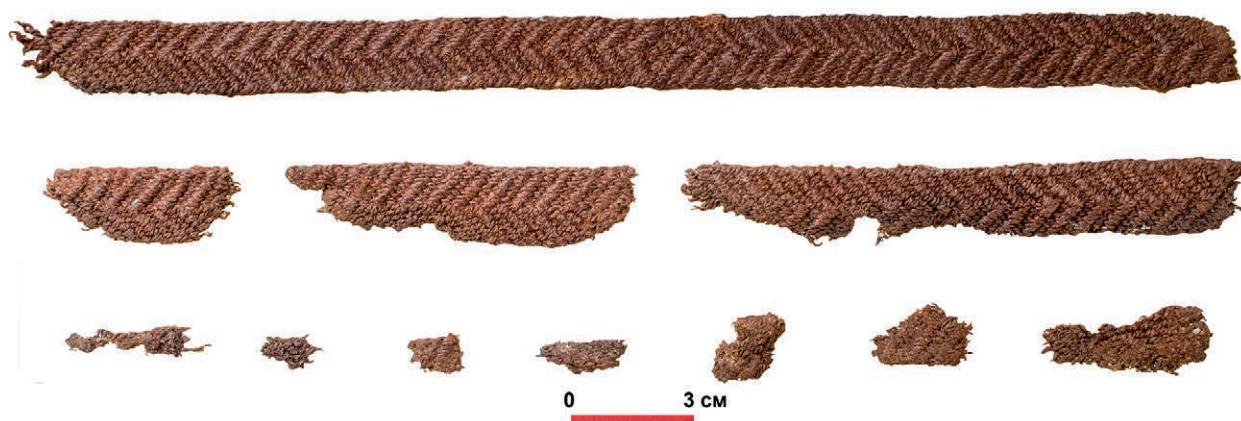

Рис. 7. Шерстяные пояса из могильника Ужур Красноярского края

и овцы, и появляется продукт вторичных производств — шерстяное волокно. Далее определена вторая основная географическая тенденция распространения шерстяного волокна — с запада на восток.

Заключение

Инновационная технология производства шерстяного сырья меняет структуру и конечный продукт вторичного производства: появляется шерстяное волокно и ткани.

Полученные хронологические фазы (см. рис. 8) и сопоставительный анализ с данными вспомогательной выборки (^{14}C датами из памятников Анатолии, Южного Кавказа и Китая) [9] свидетельствуют о существовании культурного и технологического обмена между регионами Переднего Востока и Кавказа и особой роли степных групп второй половины III тыс. до н.э. (нескольких поколений ткачей) в быстром распространении новой технологии. Можно предложить следующие хронологические и общие исторические этапы этого процесса:

- ♦ после 3300 гг. до н.э. происходит обмен престижными изделиями между группами передневосточной культурной среды и группами Северного Кавказа, благодаря которому в одном из элитных погребений появляется смешанный текстиль из шерсти и хлопка, который датируется примерно 2910–2600 гг. до н.э.;

- ♦ в середине III тыс. до н.э. происходит распространение шерстяного текстиля и сопутствующих экономических стратегий за пределы Переднего Востока/Анатолии — на Южный Кавказ; судя по полученным датам для фрагментов текстиля и синхронных материалов, это происходит в 2550–1925 гг. до н.э. Почти такой же интервал получен по датам северных степных регионов. Это позволяет утверждать, что распространение инновационной технологии с южного Кавказа в степную зону и далее на север вплоть до лесной зоны происходит в 2450–1900 гг. до н.э.;
- ♦ в интервале 1925–1775 гг. до н.э. произошло быстрое распространение технологии производства шерстяного волокна (и сопутствующих технологий) через степь и лесостепь на Волгу, южный Урал, Казахстан, вплоть до Китая. Между 1700–1225 гг. до н.э. новая технология постепенно распространяется через степной пояс на западный Алтай, Саяны и южную Сибирь.

Группы ремесленников-ткачей Кавказа и прилегающей степи (круг синхронных беденской и катакомбной культур) разделяли многие экономические стратегии и благодаря разветвлённой обменной сети второй половины III тыс. до н.э. стимулировали продвижение технологических навыков, связанных с производством шерстяного волокна и тканей. В течение примерно 200 лет в этих регионах

Рис. 8. Суммированная модель смоделированных калиброванных интервалов, демонстрирующая «фазы» распространения шерстяного текстиля и сопутствующих технологий с использованием OxCal v4.3.2 [7, 8]

распространился вторичный продукт, связанный с новым характером использования животных, в первую очередь овец и коз, — шерстяное волокно. Неизвестно, появились ли животные, руно которых можно было уже прясть, в результате многоступенчатого обмена с южными соседями или это стало результатом селекции пастухов катакомбной культуры. Однако очевидно, что в степи производство шерстяных тканей было очень локальным, практически домашним производством.

Быстрое распространение новых технологических навыков произошло в начале II тыс. до н.э. и связано со срубными ремесленниками-ткачами Среднего По-

волжья, Урала, алакульскими Приуралья и Зауралья, северного Казахстана и фёдоровскими южной Сибири.

К середине II тыс. до н.э. через степную и лесостепную зоны северной Евразии — от Кавказа и прилегающей степи до Казахстана — протянулся «Шерстяной путь» с разветвлённой сетью многоступенчатого многокультурного обмена, объединивший разнокультурные группы западных, восточных, северных и южных регионов предгорной, полупустынной, степной, лесостепной, лесной зон северной Евразии (рис. 9) [9].

Эта система «коротких дорог» протянулась сначала с юга на север — из Перед-

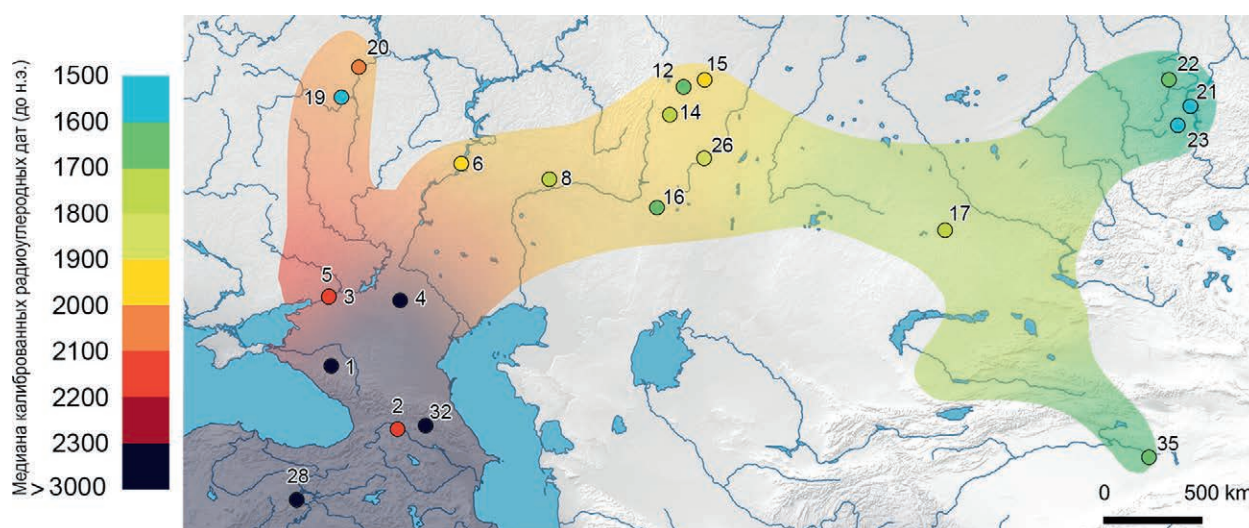

Рис. 9. ^{14}C AMS-даты распространения шерстяных тканей по памятникам эпохи бронзы северной Евразии [9]

него Востока в Евразийские степи, а потом — с запада на восток, и за 400–500 лет связала регионы лесной и лесостепной зон Восточной Европы на западе с Южной Сибирью на востоке. По крайней мере, находки шерстяных изделий и ^{14}C даты чётко маркируют основные направления распространения этой инновационной технологии.

По-видимому, появление в Таримском бассейне Китая одежды из шерсти является подтверждением существования с начала II тыс. до н.э. «Шерстяного пути», объединившего регионы северной Евразии. Одежды мумий из Урумчи состоят из войлочных шапок, украшенных на отворотах простыми вышивками, накидками из шерстяных тканей полотняного переплетения, орнаментированных толстыми нитями. Одна из шапок украшена двумя перьями [18]. Такое же украшение имеет одна из шапочек, найденная в поздняяковском могильнике Борисоглебовский. ^{14}C даты, полученные по образцам полотняных шерстяных тканей из Тарима, соотносятся с самыми ранними датами шерстяных образцов срубной, поздняяковской, алакульской культур степной и лесостепной зон, но всё-таки они позднее ^{14}C данных, полученных по текстильным шерстяным образцам Южного Кавказа и степной

зоны Восточной Европы. Учёные полагают, что ранние обитатели Таримского региона были выходцами с Кавказа, которые принесли с собой новые технологии, включая и текстильные [18]. Однако сравнительный технологический анализ фрагментов текстиля из Тарима, степных и лесостепных регионов Южной Сибири, Зауралья и Урала, а также Южного Кавказа, скорее показывает бóльшую близость самых ранних китайских полотняных тканей с тканями из памятников эпохи поздней бронзы северной Евразии. Безусловно, уникальная сохранность текстильных изделий Таримского региона и фрагментарность северных степных и лесостепных образцов не позволяют считать такой сравнительный анализ полным. Но можно отметить общие детали: преобладание тканей полотняного переплетения, использование растительных красителей красных оттенков, особое отношение к головным уборам с использованием перьев в качестве деталей украшений. Кавказские шерстяные изделия этого времени отличаются применением смешанных шерстяных и льняных волокон, неспряденных нитей, иной техникой изготовления тканей. Южнокавказские ткачи использовали вязание, кроме полотняного, саржевое переплетение, украшение

тканей вывязанными или ткаными узорами.

Синхронность шерстяных деталей одежды срубной и алакульской культур Поволжья, Приуралья, Казахстана и одежд индивидов из Синьцзяна, а также сравнительный анализ, демонстрирующий близкий технологический уровень производства китайского шерстяного текстиля и текстиля евразийских степных и лесных зон, позволяют высказать предположение, что их происхождение могло быть связано с одним и тем же культурным и технологическим ареалом/ареалами.

Вероятно, параллельное распространение инновационной технологии производства шерстяного волокна проходило намного южнее в ином культурном окружении западной и центральной Азии: Месопотамии, Турана, центральной Анатолии, Леванта. Именно здесь начиная с начала III тыс. до н.э. распространяются не только тканые шерстяные изделия, но и ворсовые ткани, войлок, ковры, производство которых к концу II – началу I тыс. до н.э. достигло уровня ремесленного производства [2]. Предположительно, войлок был одним из первых текстиль-

ных продуктов азиатского текстильного ареала [2, 4]. Отсюда по южным траекториям через Иран и Копет-Даг эти продукты и технология их производства попадают и на север – на территорию Южного Кавказа [19] и на восток – в Центральную Азию и Китай.

Остаётся вопрос, как шерстяные ткани оказались в Западной Европе. Проведённое прямое радиоуглеродное датирование фрагмента шерстяного текстиля из Боснии и Герцеговины очерчивает временной интервал появления шерстяных тканей в Западной Европе – 1600–1500 гг. до н.э. [20]. Предположительно, ранее этого хронологического рубежа шерстяные ткани на этой территории неизвестны и, таким образом, шерстяные ткани из северной Евразии примерно на 200–300 лет древнее, чем западноевропейские. Можно предположить, что один из путей распространения инновационной технологии производства шерстяных тканей мог быть путь из южных степных районов Восточной Европы на запад. Но недостающее звено – Причерноморские степи, где пока не известны шерстяные ткани этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barber E.J.W. Prehistoric textiles. Princeton: Princeton University press, 1992. 472 с.
2. Good I. Textiles. In Companion to the Archaeology of Ancient Near East / D.T. Potts (ed.). Vol. I. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 336–346.
3. Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieru A., Sadori A., Schultz M., Schmidt-Schultz T. Companion to the Archaeology of Ancient Near East // Paleorient. Vol. 27/2, 2001, P. 105–139.
4. Good I. Invisible exports in Aratta: Enmerkar and the three tasks. In Gillis C., Nosch M-L. (eds.) Ancient textiles: production, craft and society. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 168–173.
5. Gleba M., Mannering U. (eds.), Textiles and Textile Production in Europe from Prehistory to AD 400 / Edited by M. Gleba and U. Mannering. Ancient Textile Series 11. Oxford: Oxbow Books, 2012. 512 p.
6. Ryder M.L. Wool at Danebury: a speculation using evidence from elsewhere. Oxford Journal of Archaeology. Vol. 12 (3). P. 305–320.
7. Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51(3). 2009. P. 1023–1045.
8. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., HattĹ C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hug-

- hen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney, C.S.M., van der Plicht J. IntCal 13 and Marine 13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0-50,000 Years cal BP // Radiocarbon. Vol. 55 (4). 2013. P. 1869–1887.
9. Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазовская Э.П., Анкушева П.С., ван дер Плихт Й. Шерстяные ткани бронзового века северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. № 15 (5). 2020. С. 18–127.
 10. Frei K.M., R. Frei, U. Mannering, M. Gleba, M.L. Nosch & H. Lyngstrøm. Provenance of ancient textiles – a pilot study evaluating the strontium isotope system in wool // Archaeometry. Vol. 51, 2009, 252–276. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00396.x>.
 11. Szpak P., Millaire J.-P., White Ch.D., Lau G.F., Surette F., Longstaffe F.J. Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses // Current Anthropology. Vol. 56, 3. 2015. P. 449–459.
 12. Анкушева П.С., Орфинская О.В., Корякова Л.Н., Куприянова Е.В., Казизов Е. С., Логвин А.В., Новиков И.К., Шевнина И.В. Текстильная культура позднего бронзового века Урало-Казхстанского региона // Уральский исторический вестник. Вып. 2 (67). 2020. С. 16–25.
 13. Betts A., van der Borg K., de Jong A., McClintock C., van Stryndonck M. Early Cotton in North Arabia // Journal of Archaeological Science. Vol. 21. 1994. P. 489–499.
 14. Moulherat Ch., Tengberg J., Mille B. First evidence of cotton at Neolithic Mehrgarh, Pakistan: Analysis of Mineralized fibers from a Copper bead // Journal of Archaeological Sciences. Vol. 29. 2002. P. 1393–1401.
 15. Kvavadze E., Narimanishvili G., Bitadze L. Fibres of *Linum* (flax), *Gossypium* (cotton) and animal wool as non-pollen palynomorphs in the layer Bronze Age burials of Saphar-Kharaba, southern Georgia // Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 19. 2010. P. 479–494.
 16. Boaretto E., Lev R., Regev L. Radiocarbon dating of the early-bronze age burial site “Kurgan-Ananauri № 3”, Georgia // Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Tbilisi Georgian National museum, P. 284–291.
 17. O’Connel T.C., Levin M.A., Hedges R.E.M. The Importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // Levin M. et al. (ed.) Prehistoric steppe adaptation and the horse. Cambridge: Cambridge University Press, P. 253–268.
 18. Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies London: Thames & Hudson, 2000. 352 p.
 19. Kvavadze E. Palinological study of organic remains from the Ananauri kurgan // Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Tbilisi Georgian National museum. 2016, P. 156–192.
 20. Grömer K., Jørgensen L.B., Baković M.M. Antiquity. Missing link: an early wool textile from Pustopolje in Bosnia and Herzegovina // Antiquity. Vol. 92 (362). 2018. P. 351–367.

ENGLISH

‘The Wool Road’ of the Late Bronze Age: Cultural, Geographical, and Chronological Context

Natalya Ivanovna Shishlina – Doctor of Sciences in History, Principal Researcher of the Archaeological Department, State Historical museum, head of the project “‘The Golden Fleece’ of the Bronze Age of Northern Eurasia: Analysis of the Cultural, Geographical, and Chronological Context” (18-09-00015).
E-mail: nshishlina@mail.ru

Innovative technologies for new products and consumption, a secondary product revolution, have dramatically changed the course of the Bronze Age economic transformations. Changes included introduction of an innovative technology of wool production and its spread among

the Northern Eurasia population during 3000–2000 BC. Sophisticated methods of studying the ancient wool textile obtained from the Bronze Age sites of Northern Eurasia, i.e. technological analyses, radiocarbon dating, and the identification of the isotope signature preserved in the wool textile, made it possible not only to discuss the time the wool fiber appeared in the Bronze Age textile production and to determine the cultural context and areas but also to discuss a new hypothesis on the formation of so called Wool Road in early 2nd millennium BC – a route that connected the foothills, forest-steppe, and forest regions of Eastern Europe in the West and South Siberia and China in the East. The discovery of wool textiles and their radiocarbon dating clearly defines the spread of the innovative textile strategies out of the Near East from the South to the North, then from the North Caucasus Piedmont areas from the West to the East. The author suggests that one of the ways the wool textile spread to west was from the southern steppe region of Eastern Europe via the Black Sea steppes.

Keywords: Northern Eurasia, Bronze Age, wool fiber, geochemical signature, direct radiocarbon dating

REFERENCES

1. Barber E.J.W. Prehistoric textiles. Princeton: Princeton University press, 1992. 472 c.
2. Good I. Textiles. In Companion to the Archaeology of Ancient Near East / D.T. Potts (ed.). Vol. I. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. R. 336–346.
3. Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieru A., Sadori A., Schultz M., Schmidt-Schultz T. Companion to the Archaeology of Ancient Near East // Paleorient. Vol. 27/2, 2001, P. 105–139.
4. Good I. Invisible exports in Aratta: Enmerkar and the three tasks. In Gillis C., Nosch M-L. (eds.) Ancient textiles: production, craft and society. Oxford: Oxbow Books, 2007. R. 168–173.
5. Gleba M., Mannering U. (eds.), Textiles and Textile Production in Europe from Prehistory to AD 400 / Edited by M. Gleba and U. Mannering. Ancient Textile Series 11. Oxford: Oxbow Books, 2012. 512 p.
6. Ryder M.L. Wool at Danebury: a speculation using evidence from elsewhere. Oxford Journal of Archaeology. Vol. 12 (3). R. 305–320.
7. Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51 (3). 2009. P. 1023–1045.
8. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., HattĹ C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. Int Cal 13 and Marine 13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0-50,000 Years cal BP // Radiocarbon. Vol. 55 (4). 2013. P. 1869–1887.
9. Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Khommel' P., Zazovskaya E.P., Ankusheva P. S., van der Plikht J. Sherstyanye tkani bronzovogo veka severnoj Evrazii: novye radiouglerodnye dannye // Rossiiskie nanotekhnologii. № 15 (5). 2020. C. 18–127 (in Russian).
10. Frei K.M., R. Frei, U. Mannering, M. Gleba, M.L. Nosch & H. Lyngstrøm. Provenance of ancient textiles – a pilot study evaluating the strontium isotope system in wool // Archaeometry. Vol. 51, 2009, 252–276. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00396.x>.
11. Szpak P., Millaire J-P., White Ch.D., Lau G.F., Surette F., Longstaffe F.J. Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses // Current Anthropology. Vol. 56, 3. 2015. P. 449–459.

12. Ankusheva P.S., Orfinskaya O.V., Koryakova L.N., Kupriyanova E.V., Kazizov E. S., Logvin A.V., Novikov I.K., Shevnina I.V. Tekstil'naya kul'tura pozdnego bronzovogo veka Uralo-Kazakhstanskogo regiona // Ural'skii istoricheskii vestnik. Vyp. 2 (67). 2020. С. 16–25 (in Russian).
13. Betts A., van der Borg K., de Jong A., McClintock C., van Stryndonck M. Early Cotton in North Arabia // Journal of Archaeological Science. Vol. 21. 1994. P. 489–499.
14. Moulherat Ch., Tengberg J., Mille B. First evidence of cotton at Neolithic Mehrgarh, Pakistan: Analysis of Mineralized fibers from a Copper bead // Journal of Archaeological Sciences. Vol. 29. 2002. P. 1393–1401.
15. Kvavadze E., Narimanishvili G., Bitadze L. Fibres of Linum (flax), Gossypium (cotton) and animal wool as non-pollen palynomorphs in the layer Bronze Age burials of Saphar-Kharaba, southern Georgia // Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 19. 2010. P. 479–494.
16. Boaretto E., Lev R., Regev L. Radiocarbon dating of the early-bronze age burial site “Kurgan-Ananaury № 3”, Georgia // Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Tbilisi Georgian National museum, P. 284–291.
17. O'Connel T.C., Levin M.A., Hedges R.E.M. The Importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // Levin M. et al. (ed.) Prehistoric steppe adaptation and the horse. Cambridge: Cambridge University Press, P. 253–268.
18. Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies London: Thames & Hudson, 2000. 352 p.
19. Kvavadze E. Palynological study of organic remains from the Ananauri kurgan // Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan 3. Tbilisi: Tbilisi Georgian National museum. 2016, P. 156–192.
20. Grömer K., Jørgensen L.B., Baković M.M. Antiquity. Missing link: an early wool textile from Pustopolje in Bosnia and Herzegovina // Antiquity. Vol. 92 (362). 2018. P. 351–367.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 321.01.340.11:1

Код ГРНТИ 10.07.27

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-39-51

Т.Ф. ЯЩУК*

Систематизация российского законодательства в советский период

В статье рассмотрены причины, формы и этапы систематизации законодательства в советский период. Причины имели двойственное происхождение. Они вытекали из потребности приспособить законодательство для проведения хозяйственной и социальной модернизации и обуславливались общей логикой развития права, его отраслевой институционализацией.

Выделены следующие хронологические этапы систематизации законодательства: 1918–1920-е гг.; 1930 – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. На первом этапе состоялась комплексная кодификация советского права, определившая его систему. На втором этапе разрабатывались проекты кодексов СССР, но они не были утверждены. На третьем этапе были кодифицированы все основные отрасли советского права. Кодексы 1920-х гг. заменены актами, содержащими актуальные нормы, впервые приняты кодексы по ряду отраслей. По предметам совместного ведения СССР и союзных республик утверждались основы законодательства СССР и республиканские кодексы.

Хотя кодификация являлась основной формой систематизации советского законодательства, наряду с ней широко применялась инкорпорация. Выпускались хронологические и систематические собрания законов. В конце 1920-х гг. предпринята первая попытка составления свода законов СССР, но Свод законов СССР и Свод законов РСФСР были подготовлены и выпущены только в 1980-е гг.

На протяжении всего советского периода систематизация законодательства являлась важным направлением юридической политики государства.

Ключевые слова: история права, советское законодательство, советское право, систематизация законодательства, кодификация

* **Ящук Татьяна Фёдоровна** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, руководитель проекта «Систематизация российского законодательства в советский период» (18-011-00467а).
E-mail: yashukomsu@mail.ru

Советское законодательство как историко-юридический феномен, процесс его эволюции, а также деятельности государства с целью приведения в определённую систему требуют адекватной научной оценки. Необходимость упорядочения законодательства всегда обусловлена двумя группами причин: первые связаны с внешними факторами (социально-экономическими вызовами, политическим заказом и др.), вторые — отражают объективный процесс развития права, формализованного в его источниках. Этапы систематизации законодательства соотносятся с основными периодами истории государства и права России. Причудливый симбиоз идеологических и технократических принципов, на которых базировались советское общество и государство, не могли не отразиться на состоянии законодательства, представлениях о назначении систематизации, её содержании, достигнутых результатах и юридических последствиях.

В теории права выделяются несколько форм систематизации законодательства (учёт, инкорпорация, консолидация, кодификация) [1, с. 503]. Все они применялись в советский период, однако универсальный набор формальных юридических средств трансформировался под воздействием актуальных для данного времени политических установок, что определило специфику каждого этапа систематизации советского законодательства.

Систематизация законодательства в 1918–1920-е гг.

В начале советского периода развитие законодательства представлялось в виде создания свода законов русской революции, призванного заменить Свод законов Российской империи. Сохранилось несколько черновых набросков схемы будущего издания. Относительно завершёнными оказались разделы, связанные с судостроительством и уголовным правом, при составлении которых за основу брались Судебные уставы 1864 г. и Уголовное уло-

жение 1903 г. Считается, что для переходных периодов более подходящей является не инкорпорация, разновидность которой и представляют своды законов, а кодификация. Советское право изначально «стало формироваться путём кодификации» [2, с. 6]. Выбор в пользу кодификации объясняется и особенностью отечественной правовой системы, а именно её принадлежностью к континентальной правовой семье, в которой кодекс [3, с. 170] занимает важнейшее место среди источников права.

Сочетание в революционных преобразованиях социалистического и демократического начал обусловило содержание первых советских кодексов 1918 г. Ими стали Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) и Кодекс законов о труде (КЗоТ). КЗАГС 1918 г. (рис. 1) не был поддержан православной церковью за подрыв не только религиозных, но и моральных основ семьи [4, с. 174], но заложенные в нём демократические и гуманистические принципы вошли в арсенал отечественного семейного права и «оказались гораздо долговечнее, чем государственный строй, при котором они создавались» [5, с. 118].

КЗоТ РСФСР 1918 г. (рис. 2) стал вторым советским кодексом. Действуя в полном объёме только до 1920 г. [6, с. 56], он успел сформировать базовые принципы и нормы советского трудового законодательства. Концептуальное видение отраслевой дифференциации советского права выразил П.И. Стучка, который писал: «Тогда представляли себе картину развития приблизительно так: гражданский оборот представляет собой небольшой оазис, подчинённый гражданскому кодексу и гражданскому суду. Рабочий класс будет жить по законам кодекса о труде... Крестьянин о земле будет спорить по земельному кодексу» [7, с. 104]. Отдельно выделялись публичные отрасли, связанные с государственным принуждением.

Рис. 1. КЗАГС РСФСР 1918 г.

Дальнейшая кодификация подтвердила высказанное предположение. В период гражданской войны велась активная законопроектная работа по подготовке Уголовного кодекса, но его утверждение состоялось уже в условиях новой экономической политики.

Помимо УК РСФСР за короткий период 1922–1923 гг. был принят ряд кодексов: Гражданский кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, Земельный кодекс РСФСР, Лесной кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Кроме того, КЗоТ 1918 г. был заменён новым КЗоТом 1922 г., который адекватно отражал реально складывающиеся трудовые отношения, а в 1926 г. был утверждён Кодекс законов о браке, семье и опеке.

Благодаря важности собраний кодексов для регулирования общественных отношений, их высокой практической вос-

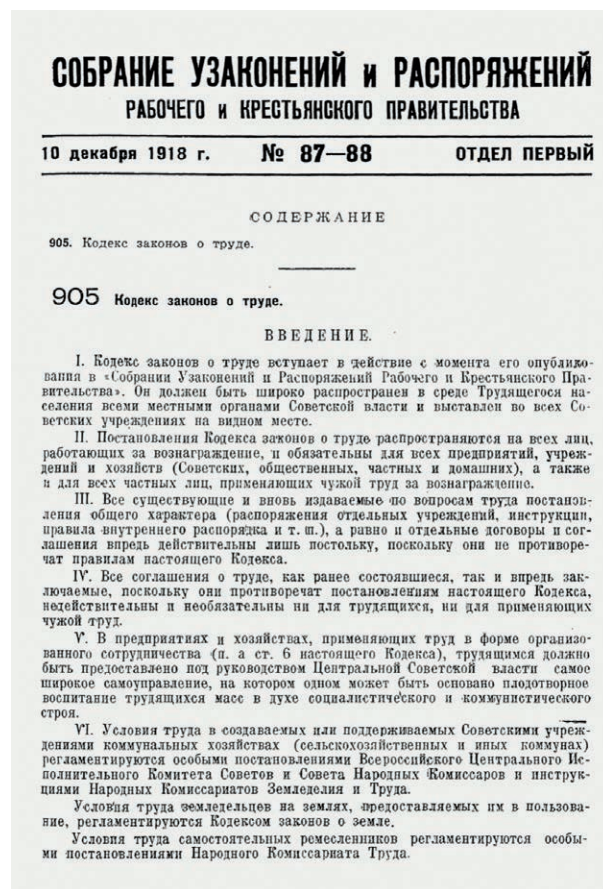

Рис. 2. КЗоТ РСФСР 1918 г.

требованности в правоприменительной деятельности утвердилась практика их регулярных публикаций большими тиражами (рис. 3).

После образования СССР, то есть новой сложной федерации, стала меняться конституционная и отраслевая иерархия законов. В отраслях, которые согласно конституционным нормам находились в совместном ведении Союза ССР и республик, надлежало иметь основы союзного законодательства и республиканский кодекс. Однако данное установление было выполнено только в отношении уголовного права, где в 1924 г. приняты Основы, с учетом которых в 1926 г. утверждён Уголовный кодекс РСФСР. Разрабатывались проекты Административного, Жилищного, Строительного кодексов, которые не стали законами. Состоявшаяся кодификация, как и обсуждаемые проекты, во многом сформировали систему советского права и определили

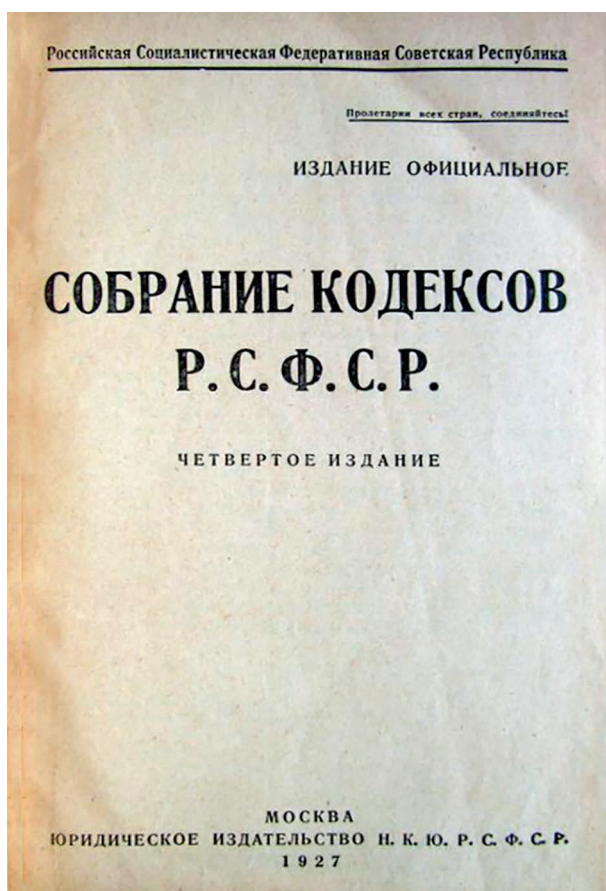

Рис. 3. Собрание кодексов РСФСР 1920-х гг.

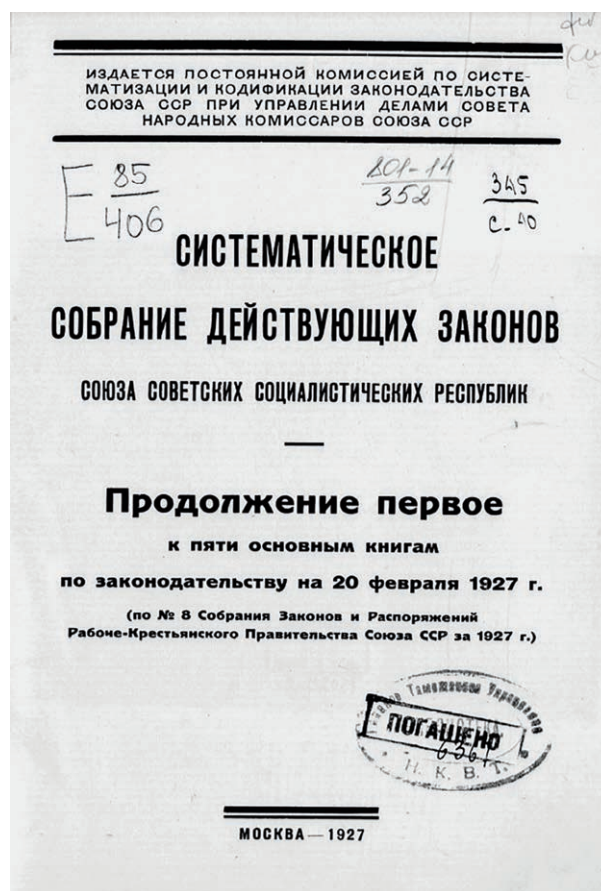

Рис. 4. Систематическое собрание действующих законов СССР

дальнейшие направления её структурного развития.

Создавались условия для дальнейшего упорядочения законодательства в форме инкорпорации, под которой понималась, с одной стороны, «очистка законодательства от норм, утративших своё значение, а с другой стороны – издание действующих законов таким образом, чтобы была обеспечена техническая возможность быстрой и безошибочной подборки всех действующих законодательных материалов по тому или иному вопросу» [8, с. 4].

В результате были подготовлены и опубликованы Систематическое собрание действующих законов СССР (рис. 4) и Систематическое собрание Законов РСФСР. Союзное собрание тематически объединяло пять книг («Политический строй», «Хозяйственный строй», «Финансово-бюджетный строй», «Культурное строительство»,

«Судебный строй»), которые публиковались на протяжении 1926–1927 гг.

Инкорпорация республиканского законодательства в виде Систематического собрания Законов РСФСР, действующих на 1 января 1928 г., состоявшего из двух томов, также выстраивалась по предметному принципу (рис. 5).

Данные издания оценивались составителями как фундамент, на котором относительно легко возвести здание советского законодательства. Само здание представлялось в виде свода законов СССР, который должен был объединить все действующие законы. Изначально он планировался в трёх томах, названия которых неоднократно корректировались, но содержание концентрировалось вокруг ранее выделенных институтов: государственный строй и социально-культурное строительство, хозяйственный строй, финансовое законодательство. Три тома планируемого свода

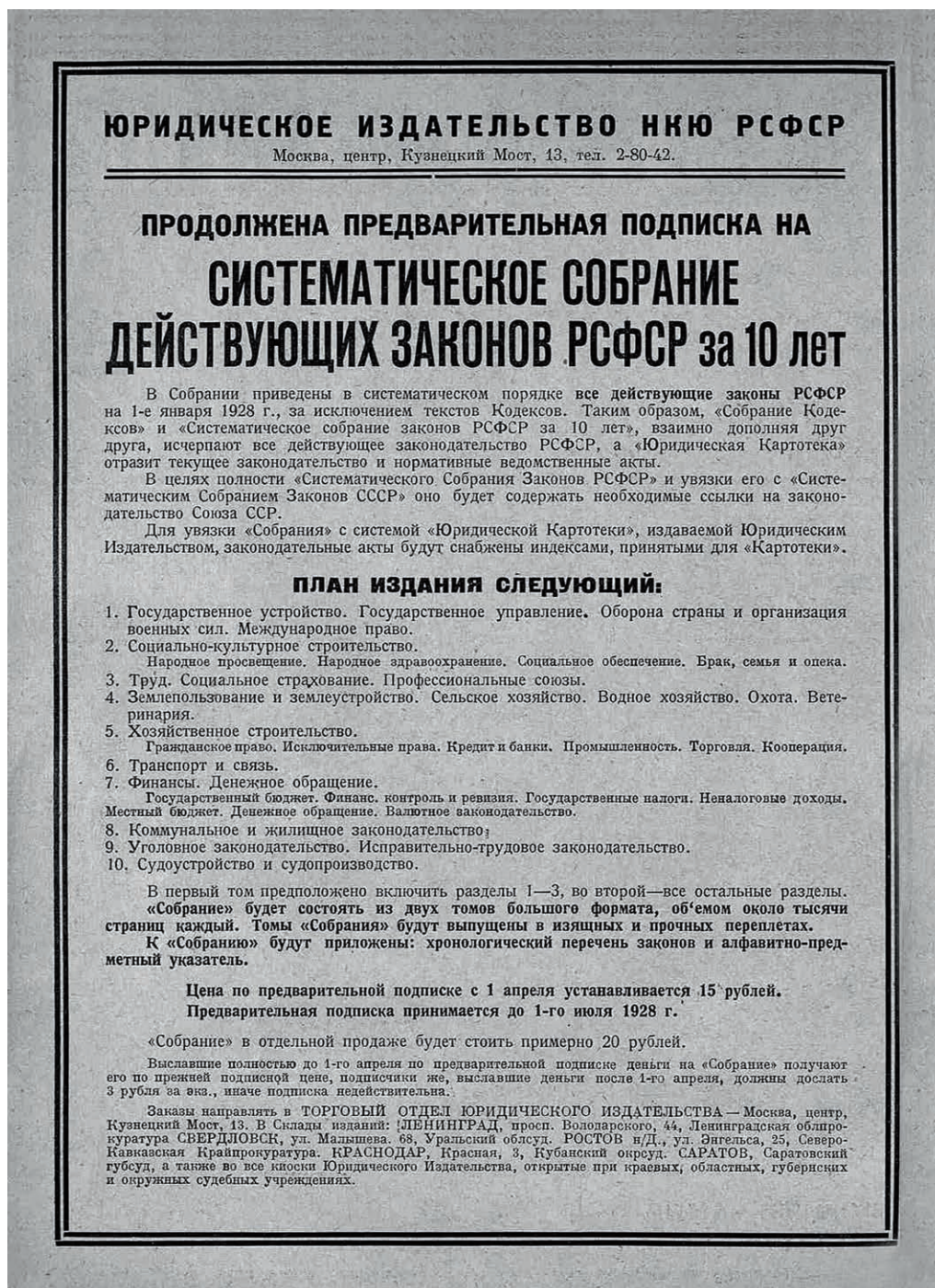

Рис. 5. Систематическое собрание законов РСФСР

были практически завершены, собирался материал для четвертого тома. Дальнейшую перспективу проекта предопределила трансформация политического режима в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Свод, который являлся «фотомонтажем» законодательства периода нэпа, не соответствовал

новым запросам, и его публикация признавалась нецелесообразной.

Кодификационные проекты 1930 – середины 1950-х гг.

В данный период существенно изменилось направление и формы деятельно-

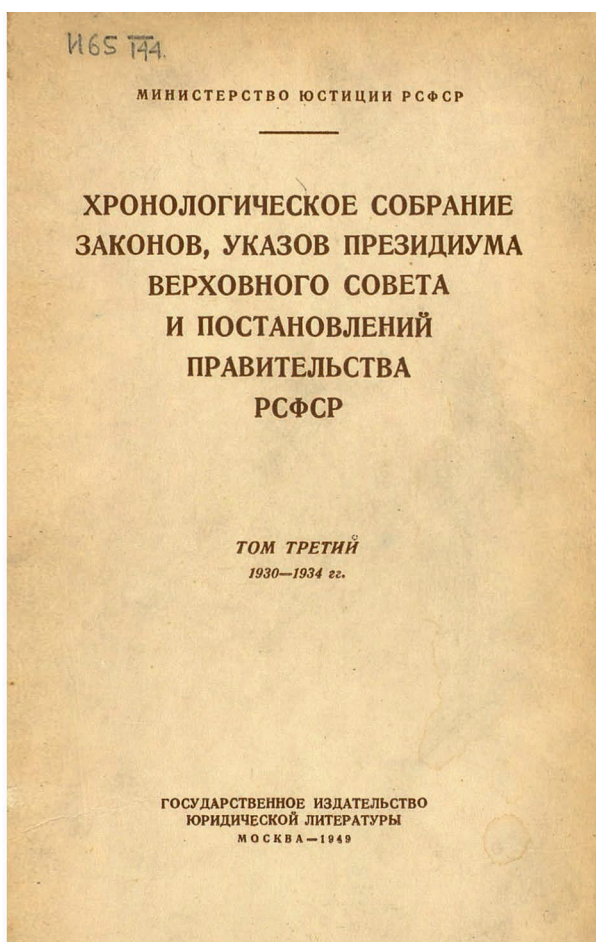
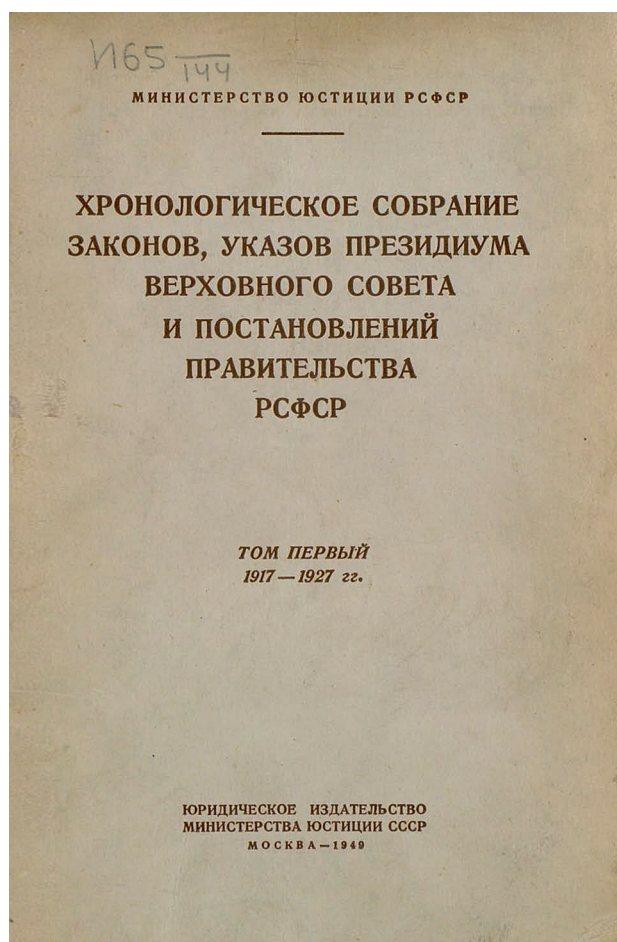

Рис. 6. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР 1949 г.

сти по упорядочению законодательства. Во-первых, произошёл отказ от попыток создания генеральных систематизаций в виде Свода законов. Во-вторых, приоритетной формой оставалась кодификация, которая рассматривалась как эффективный способ использования законодательства для реализации государственной политики. В-третьих, кодификация перемещается с республиканского на союзный уровень.

В большей степени новшества затронули сферу публичного права. Во второй половине 1920-х гг. разворачивается критика УК РСФСР 1926 г. как не соответствовавшего интересам революционной законности. Однако представленный к обсуждению проект Н.В.Крыленко, как и другие варианты УК СССР, разрабатываемые в 1929–1930 гг., не получили поддержки [9, с. 59–60].

Конституция СССР 1936 г. прямо отнесла к ведению СССР издание законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, уголовного и гражданского кодекса. Такой подход оценивался «едва ли не как основной способ упорядочения правовой жизни большой и разношерстной страны» [10, с. 22]. Работа по составлению проектов возлагалась на Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН). В 1939 г. на своей Первой научной сессии ВИЮН представил к обсуждению относительно завершённый проект Уголовного кодекса СССР, схему структуры Гражданского кодекса СССР, а также концепции Уголовно-процессуального кодекса СССР и Гражданского процессуального кодекса СССР [11, с. 30–36].

Великая Отечественная война прервала кодификационные работы, но уже в 1946 г.

такая деятельность возобновилась. Несмотря на серьёзную правительственную поддержку, ни один из проектов не получил легального утверждения, т.е. не стал законом. Причины их неудачной юридической судьбы имеют разное происхождение и объяснение, но главная заключалась в том, что «нет успешного кодекса без социальной потребности в нём, т.е. кодекс должен идти не только и не столько «сверху», сколько «снизу» [12, с. 2]. Составление общесоюзных кодексов было инициировано верховной властью. Союзные республики с такими предложениями не выступали, отсутствовали и иные заинтересованные субъекты правотворческой деятельности. В 1949 г. было выпущено Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, работа над которым началась ещё в довоенный период (рис. 6).

Основным итогом этапа стала отработка методик отбора и обобщения нормативного материала, что впоследствии значительно упростило и ускорило подготовку систематизированных изданий, а также основ законодательства Союза ССР по отдельным отраслям и республиканских кодексов.

Систематизация законодательства во второй половине 1950-х – 1980-е гг.

Политические и государственные реформы, начавшиеся во второй половине 1950-х гг., задали новый вектор систематизации законодательства. Во-первых, расширение прав союзных республик привело к прекращению попыток составления кодексов СССР. Во-вторых, требовалась новая кодификация, свободная от деформаций тоталитарного режима и отражающая экономические, социальные изменения, произошедшие в стране с 1920-х гг. В-третьих, следовало провести «ревизию» всего отложившегося нормативного материала, наиболее целесообразную в рамках генеральной систематизации, т.е. сопровождающейся созда-

нием систематических собраний и сводов законов.

На данном этапе использовалась апробированная в 1920-е гг. последовательность выполнения отдельных видов работ по систематизации законодательства. На первом месте вновь оказалась кодификация, которая теперь проводилась по единообразной схеме, учитывающей федеративную природу государства. Предыдущий опыт показал, что идея «кодекса СССР» не могла быть реализована ни по политическим, ни по юридическим причинам. Более «проходным» оказался относительно «мягкий» вариант, что получило соответствующее закрепление в актах систематизации. По каждой отрасли права, подлежащей кодификации, сначала принимались основы законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем – республиканский кодекс. Первым на новых основаниях было кодифицировано уголовное право (в 1958 г. приняты Основы, в 1960 г. – УК РСФСР).

Единого, теоретически обоснованного и формально определённого подхода к распределению норм между Основами и кодексами не сложилось. По этой причине одни Основы были очень подробными и кодексы почти дословно повторяли содержащиеся в них нормы (как, например, в земельном законодательстве), другие – ограничивались некоторым набором общих положений, зато республиканские кодексы отличались высокой детализацией, приближающейся к казуальности (законодательство об административных правонарушениях). В целом союзный центр контролировал процесс подготовки республиканских кодексов, верифицировал их проекты на предмет соответствия Основам.

На протяжении советского периода расширялось предметное поле кодификации. Количество Основ законодательства Союза ССР и союзных республик, кодексов увеличивалось. Кодификационным регулированием были охвачены обособившиеся отрасли советского права, име-

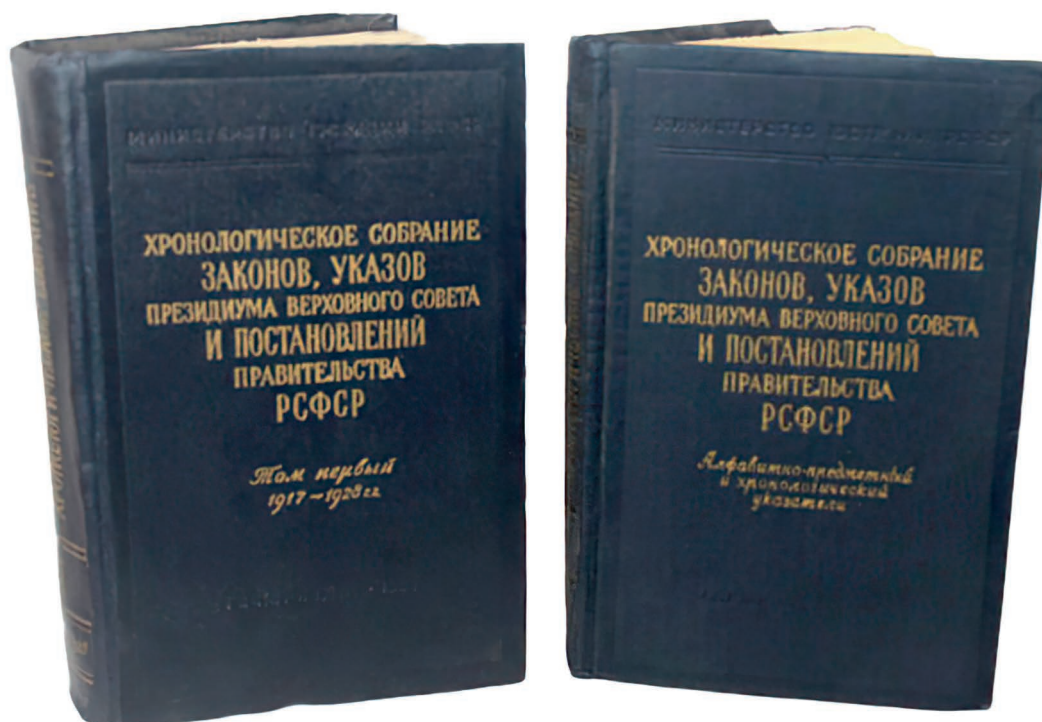

Рис. 7. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, действовавших на 1 января 1958 г.

ющие свой предмет и метод правового регулирования.

Одновременно с кодификацией началась работа по упорядочению всего массива советского законодательства. Обращение к российскому историческому опыту 1830-х гг. показывало, что наиболее полное представление о состоянии законодательства достигается в процессе и в результате составления полного собрания законов. Его оценка позволяет проводить дальнейшие действия с законодательным материалом: отбирать актуальные нормы, выявлять и отменять фактически утратившие силу, устанавливать пробелы в правовом регулировании, намечать способы их преодоления, в том числе и посредством кодификации. Советская практика также давала локальные примеры хронологических инкорпораций. Учитывая методические принципы, на которых строилось Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР 1949 г.,

в течение 1958–1960 гг. было выпущено новое Хронологическое собрание. Оно отразило либерализацию политического режима, что подтверждается включением некоторых ранее не публиковавшихся актов (рис. 7).

Колоссальные усилия были потрачены на составление Хронологического собрания законов СССР, его общий объем насчитывал 64 тома. Однако оно не было напечатано, и официального объяснения данного факта не давалось. Причастные к подготовке лица пытались доказать, что оно не имело самостоятельной ценности, а было нужно только как основа для составления Систематического собрания действующих законов СССР.

Систематическое собрание действующих законов СССР действительно было выпущено в 1973–1974 гг. в составе 50-ти томов. Главным редактором выступил В.И.Теребилов — министр юстиции СССР. Оно подразделялось на 32 крупных раздела, каждый из которых отражал отрасль права (например, раздел IV «Гражданское

законодательство») или охватывал определённую предметную область (например, раздел XII «Законодательство о сельском хозяйстве»).

Законодательный материал поддерживался в актуальном состоянии путём периодического издания дополнительных томов: последовательно было выпущено 10 таких томов (с 51 по 60). Для удобства пользования изданы справочные книги (кн. 1, кн. 2, кн. 3), которые в совокупности считались 61-м томом. Несмотря на широкий спектр опубликованных актов, Систематическое собрание предназначалось для служебного пользования, о чём извещал гриф, помещённый на его титульном листе. Но даже с учётом этого негативного факта выпуск Собрания делал законодательство более доступным, понятным и удобным в применении. За 10 лет в ходе подготовки Систематического собрания СССР (рис. 8), а также в процессе текущего правотворчества признаны утратившими силу более 16 тыс. общесоюзных законодательных актов и решений правительства СССР. Кроме того, около 9 тыс. актов отменены частично (отдельные части, главы, статьи и группы статей). Общее число общесоюзных актов, в которые были внесены частичные изменения, превысило 17 тыс. [13, с. 54],

Выпуск Систематического собрания действующего законодательства РСФСР (рис. 9) состоялся в 1977–1982 гг., что более чем на 10 лет превысило ранее намеченные сроки. Как и союзное, оно включало 32 раздела, хотя количество томов было существенно меньше (19 против 50). К Собранию прилагался отдельный 20-й том справочного содержания. В него вошли хронологический перечень актов, помещённых в Собрание, и алфавитно-предметный указатель. Планировалось регулярное дополнение Собрания новыми актами. Действительно, в 1982 г. вышло дополнение первое (т. 21–23), которое отражало изменение законодательства по состоянию на 1 января 1981 г.

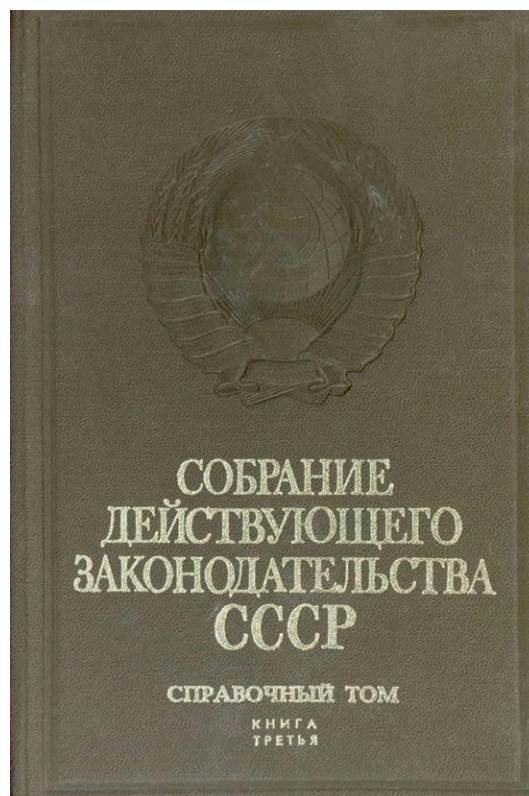

Рис. 8. Собрание действующего законодательства СССР

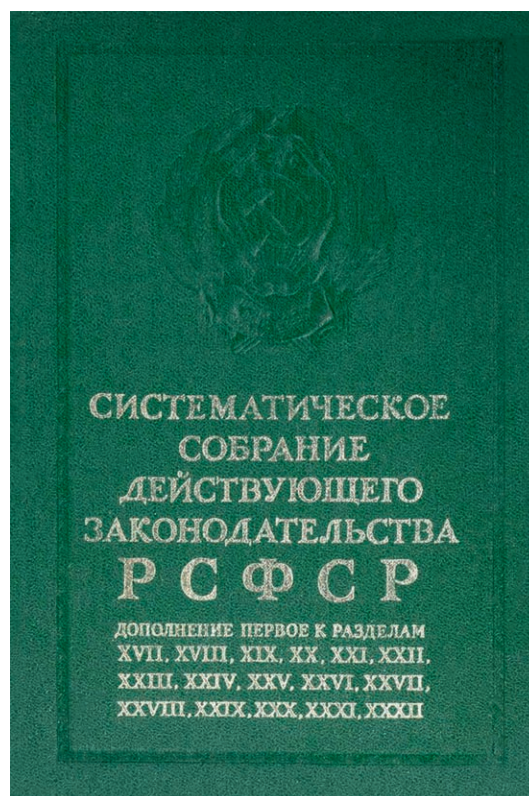

Рис. 9. Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР

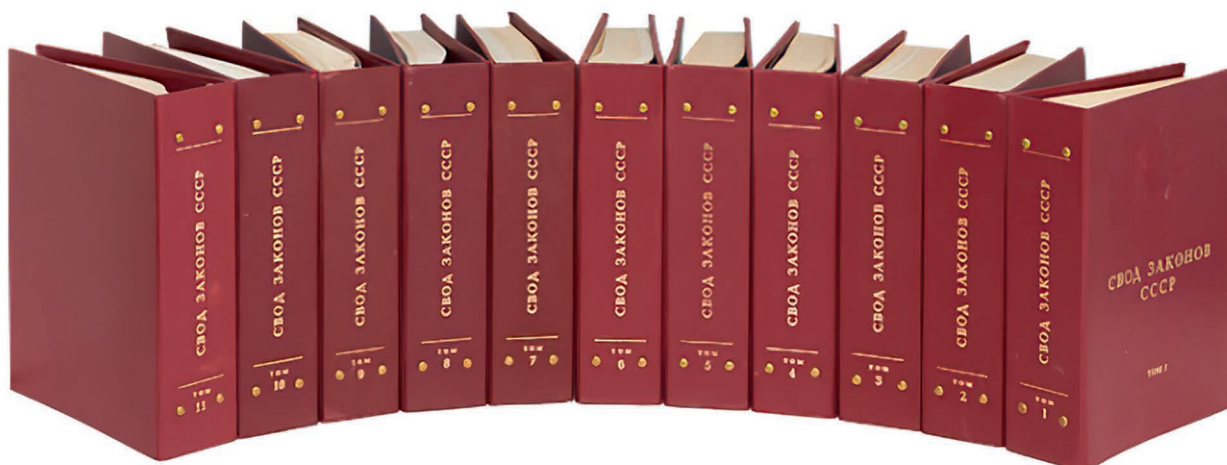

Рис. 10. Свод законов СССР

Вопрос о юридической силе собраний действующего законодательства не получил официального разрешения, поэтому данные собрания имели характер официозный, а не официальный инкорпорации.

Наиболее совершенной и сложной формой генеральной систематизации считается сводообразование [14, с. 398]. Учитыва-

вая хороший задел, который обеспечили систематические собрания, такая работа была выполнена достаточно оперативно. В 1980–1985 гг. были выпущены 11 томов Свода законов СССР: 10 томов включали законодательный материал, последний том имел справочный характер (рис. 10). Содержательно Свод делился на 7 тематических разделов.

В конце 1986 г. завершилась работа над Сводом законов РСФСР (рис. 11). Он включал 1089 законодательных актов и постановлений правительства, из них более трети ранее широко не обнародовались. Оба Свода законов печатались большим тиражом, рассылались в организации, поступали в библиотеки, продавались в книжных магазинах. С изданием Сводов в целом удалось преодолеть проблему множественности актов по одному и тому же вопросу, восполнить наиболее очевидные пробелы в законодательстве, принять необходимые кодексы и иные акты.

Своды законов «не наделялись ни позитивной, ни негативной юридической силой» [15, с. 335], но получили статус официальных источников переопубликования нормативных актов, однако степень официальности не была уточнена. Все усилия составителей ушли на отбор актов, законопроектные работы, а на «придание юридической силы

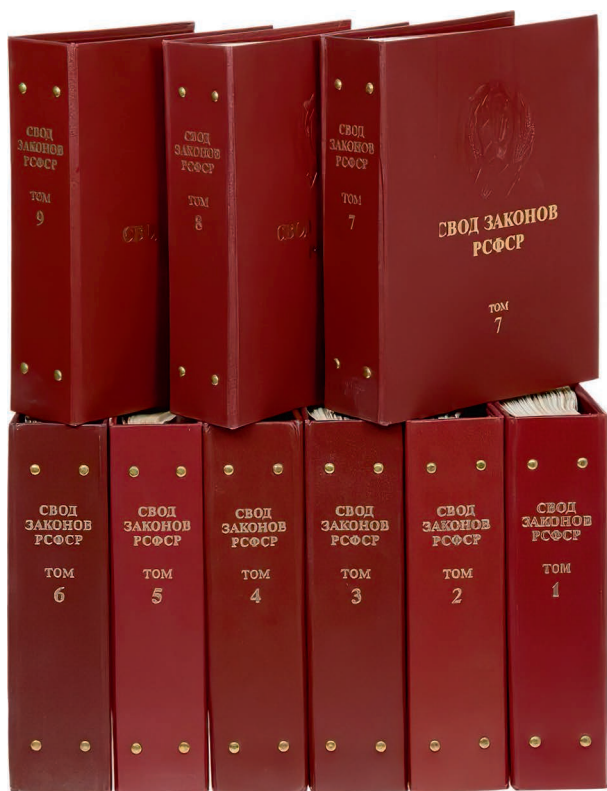

Рис. 11. Свод законов РСФСР

Своду как источнику, заменяющему или отменяющему прежде изданные источники, «пороху» не хватило» [16, с. 133]. Очень коротким оказался и период практического использования сводов законов. Стремительно обновлялась политическая система государства, развивались явления, которые получили образные и точные названия «парад суверенитетов» и «война законов». В конце 1991 г.

СССР как субъект международного права прекратил своё существование.

Результаты систематизации законодательства советского периода представляют ценный источник по истории государства и права России, а опыт организации такой деятельности имеет ценность при использовании различных форм систематизации законодательства в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Статут, 2010.
2. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.
3. Robbers Gerhard. Einführung in das deutsche Recht. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos Verl. Ges., 1994.
4. Черных А.И. Становление России Советской. 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники ист. мысли, 1998.
5. Максимова О.Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М.: Зерцало-М, 2011.
6. Иванов А.Б. Первая кодификация российского трудового права (к 100-летию принятия Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г.) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2018. №3. С. 53–57.
7. Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права. М.: Изд-во Ком. Академии, 1927.
8. Алфавитно-предметный указатель к индексам «Юридической картотеки». М., НКЮ РСФСР, 1927.
9. Ящук Т.Ф. Нереализованные проекты кодификации советского законодательства в 1920–1930-е гг. // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 57–61.
10. Петров А.А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 19–27.
11. Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 130–136.
12. Кабрияк Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007.
13. Пиголкин А.С. Совершенствование законодательной техники // Советское государство и право. 1968. № 1. С. 50–57.
14. Кодан С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2008. Вып. 8. С. 385–401.
15. Систематизация законодательства в Российской Федерации / Под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
16. Казьмин И.Ф., Мицкевич А.В., Рахманина Т.Н. Кодификация и систематизация законодательства на современном этапе // Советское законодательство: пути перестройки / Отв ред. А.В. Мицкевич. М.: Юрид. лит., 1989. С. 121–145.

ENGLISH

Systematization of the Russian Legislation in the Soviet Period

Tatyana Fyodorovna Yashchuk – Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at Dostoyevsky Omsk State University, head of the project “Systematization of the Russian Legislation in the Soviet Period” (18-011-00467a).
E-mail: yashukomsu@mail.ru

The paper studies the reasons, forms, and stages of the systematization of the national legislation in the Soviet period. The reasons are of two origins: due to the need to adapt legislation for economic and social improvement and to the general logic of the development of law and its institutionalization by sectors.

The author defines the following historical stages in the systematization of legislation: 1918–1920s; 1930 – mid-1950s; late 1950s – 1980s. The first stage included a comprehensive development of codes of the Soviet legislation that defined the legislation system. Drafts of the Soviet codes were developed in the second stage; however, they were not approved. At the third stage all major branches of the Soviet legislation were defined as codes. Codes of the 1920s were replaced by acts with current regulations; for the first time in the Soviet history codes were adopted in a number of sectors. Based on the subjects of joint jurisdiction of the USSR and the Union republics, the fundamentals of the Soviet legislation and republican codes were adopted.

Despite the fact that codification was the primary form of systematization of the Soviet legislation, incorporation was widely used as well. Chronological and systematic collections of laws were published. In the late 1920s, the State first attempted to compile a code of laws of the USSR; however, the USSR Code of Laws and the RSFSR Code of Laws were prepared and published only in the 1980s.

Throughout the Soviet period, the systematization of legislation was an important area of state legal policy.

Keywords: history of law, Soviet legislation, Soviet law, systematization of legislation, codification

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Problemy teorii prava // Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3. M.: Statut, 2010 (in Russian).
2. Pashentsev D.A. Kodifikatsiya kak instrument konstruirovaniya zakonodatel'stva v nachal'nyi period sovetskogo gosudarstva (k 100-letiyu pervykh sovetskikh kodeksov) // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. № 11. S. 5–13 (in Russian).
3. Robbers Gerhard. Einfuhrung in das deutsche Recht. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos Verl. Ges., 1994.
4. Chernykh A.I. Stanovlenie Rossii Sovetskoi. 20-e gody v zerkale sotsiologii. M.: Pamyatniki ist. mysli, 1998 (in Russian).
5. Maksimova O.D. Zakonotvorchestvo v Sovetskoi Rossii v 1917–1922 godakh. M.: Zertsalo-M, 2011 (in Russian).
6. Ivanov A.B. Pervaya kodifikatsiya rossiiskogo trudovogo prava (k 100-letiyu prinyatiya Kodeksa zakonov o trude RSFSR 1918 g.) // Vestnik YArGU. Seriya Gumanitarnye nauki. 2018. №3. S. 53–57 (in Russian).

7. Stuchka P.I. Vvedenie v teoriyu grazhdanskogo prava. M.: Izd-vo Kom. Akademii, 1927.
8. Alfavitno-predmetnij ukazatel' k indeksam "Yuridicheskoy kartoteki". M., NKYU RSFSR, 1927 (in Russian).
9. Yashchuk T.F. Nerealizovannye proekty kodifikatsii sovetskogo zakonodatel'stva v 1920–1930-e gg. // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2018. № 4. S. 57–61 (in Russian).
10. Petrov A.A. Osnovy zakonodatel'stva SSSR i soyuznykh respublik v kontekste razvitiya idei formal'nogo prioriteta kodifitsirovannykh aktov // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2016. № 2. S. 19–27 (in Russian).
11. Pervaya nauchnaya sessiya Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk // Problemy sotsialisticheskogo prava. 1939. № 2. S. 130–136 (in Russian).
12. Kabriyakh R. Kodifikatsii / Per. s fr. L.V. Golovko. M.: Statut, 2007 (in Russian).
13. Pigolkin A.S. Sovershenstvovanie zakonodatel'noy tekhniki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1968. № 1. S. 50–57 (in Russian).
14. Kodan S.V. Akty sistematzatsii zakonodatel'stva: yuridicheskaya priroda i mesto v sisteme istochnikov rossiskogo prava // Nauchnij ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN. 2008. Vyp. 8. S. 385–401 (in Russian).
15. Sistematzatsiya zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii / Pod red. A.S. Pigolkina. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2003 (in Russian).
16. Kaz'min I.F., Mitskevich A.V., Rakhmanina T.N. Kodifikatsiya i sistematzatsiya zakonodatel'stva na sovremennom etape // Sovetskoe zakonodatel'stvo: puti perestroiki / Otv red. A.V. Mitskevich. M.: Yurid. lit., 1989. S. 121–145 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 004.738.5 316.77 811.161.1
Код ГРНТИ 19.31,41 16.21.33,35,61 16.31.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62

**М.В. ИВАНОВА,
Н.И. КЛУШИНА***

Креативные возможности языка в интернет-коммуникации

В статье излагаются результаты изучения реализации креативной функции языка в интернет-коммуникации, поскольку именно такая исследовательская позиция позволяет непротиворечиво описать функционирование языка в Интернете и объяснить наблюдаемые и неоднозначно оцениваемые со стороны учёных (как новации или как деструкции) процессы в языковой системе, происходящие под влиянием интернет-среды. Обновление традиционных норм общения в интернет-коммуникации происходит, с одной стороны, под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего цифровой трансформации), с другой — из-за установки пользователей Интернета (как адресанта, так и адресата) на креативное использование языка. Новые экстралингвистические условия бытования языка (мультимедийность, нелинейность, модульность, гипертекстуальность и др.) высвобождают в первую очередь его креативный потенциал, поскольку новизна сама по себе, по своей сути креативна и требует модернизации традиционных, уже известных и изученных форм коммуникации.

Влияние креативной функции языка прослеживается как на микроуровнях языковой системы (особенно ярко на фонетическом и лексическом уровнях), так и на макроуровне целого текста (возникновение новых жанровых форм). На фонетическом уровне под воздействием креативной функции язык Интернета приобретает особый, устно-письменный характер. Причём использование имитации устности в интернет-общении направлено не только на максимальное приближение коммуникации в интернете к разговорности в офлайн-общении, но и на языковую игру, эмоциональность, обновление графического кода с помощью эмодзи (например, эмодзи в значении финальных знаков препинания — точки, восклицательного знака и др.). На лексическом уровне креативная функция языка проявляется в процессе возникновения собственно русских неологизмов и заимствования новых слов для более точного, иногда более ёмкого именованья новых реалий. На текстовом уровне исследование, например, модельного интернет-жанра мультимедийной истории, выявление его осо-

* **Иванова Мария Валерьевна** — доктор филологических наук, декан очного факультета Литературного института им. А.М. Горького, руководитель проекта «Креативная функция языка в интернет-коммуникации» (20-012-00077а).

E-mail: g-vinograd@mail.ru

Клушина Наталья Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: nklushina@mail.ru

бой нарративной структуры и мультимедиального характера подачи информации позволяют говорить о креативном потенциале новых жанровых форм в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: функция языка, креативность, медиастистика, интернет-стистика, интернет-коммуникация, языковая игра, интернет-жанры, устно-письменная коммуникация, неофициальная коммуникация, компенсаторный перлокутивный эффект, постпублицистика

Введение

Интернет-коммуникация сегодня является наиболее перспективной и актуальной областью изучения языковых процессов, формирующихся в новых экстра- и интралингвистических условиях. Изучение интернет-коммуникации с точки зрения современной лингвистики стало востребованным ещё и потому, что цифровая революция коренным образом отразилась на языке, который, приспособляясь к новым технологическим условиям, необратимо трансформируется и обновляется. Интернет-среда стала своеобразной лабораторией, проводящей языковой эксперимент, результаты которого необходимо наблюдать и анализировать.

С точки зрения лингвистики и стилистики феномен Интернета изучен далеко не полно, хотя существует уже большой массив научных работ, как зарубежных (Д. Кристал, Б. Тошович, Е.И. Горошко и др.), так и российских исследователей (С.Ф. Барышева, Е.Н. Горина, М.В. Иванова, Л.Т. Касперова, Н.И. Клушина, Т.И. Колокольцева, М.А. Кронгауз, А.В. Николаева, Н.В. Смирнова, Л.Н. Синельникова, Г.Н. Трофимова и др.), активно занимающихся данной проблематикой.

В современной лингвистике довольно подробно описаны различные интернет-жанры (М.В. Иванова, Л.Т. Касперова, Н.И. Клушина, Н.В. Смирнова и др.), хотя даже относительно полной типологии жанров до сих пор не существует. Детально изучены словообразовательные неологизмы, возникающие в интернет-общении (С.В. Ильясова, Л.В. Рацибурская,

Е.В. Щенникова и др.). Особое внимание уделяется проблемам лингвоэкологии, напрямую связанным с развитием цифровых технологий. Это такие вопросы, как речевая агрессия, троллинг, кибербуллинг, хайп, кликбейт и др. (А.В. Николаева, Л.Н. Синельникова, А.П. Сковородников, В.И. Шаховский и др.). Существуют исследования монографического типа, дающие более полное описание языковых тенденций в интернет-коммуникации, таких как словообразовательные новации, устно-письменный характер, диалогичность, коллоквиализация общения, экспрессивизация, снижение и огрубление речи в Интернете (см., например, коллективную монографию «Интернет-коммуникация как новая речевая формация» под редакцией Т.И. Колокольцевой и О.В. Лутовиновой, переизданную в 2014 г.); наиболее полно особенности интернет-коммуникации с точки зрения стилистики описаны в монографиях Б. Тошовича «Интернет-стистика» (М.: Флинта, 2015) и «Структура интернет-стилистики» (М.: Флинта, 2018); вышла в свет коллективная монография «Мултимедијална стилистика» (Бањалука: Матица српска, 2018), в которой освещается мультимедиаальный характер современной интернет-коммуникации. Данные исследования показывают серьёзный интерес лингвистов к новой форме коммуникации, её лингвостилистическим особенностям, жанровой структуре, к условиям её формирования и реализации.

Однако необходимо отметить очевидные лакуны в изучении интернет-коммуникации с точки зрения её языковой орга-

низации и отсутствие единого модуса в решении данной научной проблемы. Поэтому наш научно-исследовательский коллектив — М.В.Иванова, Н.И.Клушина, С.Ф.Барышева, Л.Т.Касперова и Н.В.Смирнова — поставил принципиально важную задачу — рассмотреть интернет-коммуникацию через призму реализации в ней креативной функции языка, поскольку именно такой угол зрения позволяет непротиворечиво описать функционирование языка в Интернете и объяснить наблюдаемые и неоднозначно оцениваемые со стороны учёных (как новации или как деструкции) процессы в языковой системе, происходящие под влиянием интернет-среды.

Целями нашего исследования стали выявление и описание лингвистических особенностей интернет-коммуникации как коммуникации нового типа, в которой наиболее полно реализуется креативная функция языка.

Функции языка выделяются на различных основаниях, потому в разных научных школах и традициях они формулируются по-разному (см., например, К.Бюлер, Р.О.Якобсон, А.А.Леонтьев, М.А.К.Халлидей, Ю.С.Степанов, Н.Хомский и др.). Креативность в языке Интернета современными исследователями понимается синонимично с игровой функцией языка и отождествляется с понятием языковой игры. В зарубежных (Барт, 1989; Хейзинга, 1992; Лиотар, 1998; Crystal, 2001; Хомский, 2005; Ягелло, 2009 и др.) и российских исследованиях (Гридина, 1996; Санников, 1999; Журавлёва, 2002; Бернацкая, 2010; Купина, 2014 и др.) креативность и языковая игра традиционно совпадают. Мы полагаем, что это не синонимы, поскольку игровая функция только производная, а креативная — базовая, она скорее тождественна поэтической функции, как её понимал Р.О.Якобсон («Лингвистика и поэтика», 1960). Поэтому мы рассматриваем языковую игру как коммуникативный эффект от реализации креативной функции языка в интернет-общении.

Научная гипотеза нашего проекта состоит в том, что реализация креативной

функции языка в интернет-коммуникации приводит к серьёзным (и, возможно, необратимым) сдвигам в языковой системе, к трансформации коммуникативного кода, продуцированию новых жанровых форм и форматов. Данная гипотеза позволяет по-иному посмотреть на языковые процессы, происходящие в интернет-среде и оценить их не только с устоявшихся позиций культуры речи, но и с позиций лингвистического прогнозирования дальнейшего развития языка. Процессы и явления, которые с точки зрения нормативных культурно-речевых позиций многие учёные традиционно рассматривают как ошибки, грубые нарушения правил и табу, в соответствии с нашей концепцией предстают как компенсаторные возможности, позволяющие коммуникантам реализовать свой замысел через креативное использование языкового кода в Интернете.

Креативная и компенсаторная функции русского языка

Новые речевые явления в интернет-коммуникации обусловлены глобальными социально-политическими трансформациями и цифровизацией. Разрушая традиционную литературную норму, эти языковые новации реализуют креативную функцию языка и восполняют «языковые пробелы».

При существенных и глобальных изменениях жизни (облачные технологии, экология, постправда, поколенческая проблема, «Bigdata» и т.д.) не могла не измениться коммуникация в целом. Трансформируются жанры, функциональные стили, тексты, наше традиционное представление о различных формах употребления русского национального языка. Остро встаёт проблема принципиальных обновлений в преподавательской практике. Цифровизация, которая сегодня представлена как главная глобальная тенденция, заставляет поднимать вопрос о трансформации литературного языка в «электронный» цифровой язык, вырабатывая новые подходы

к изучению этой новой языковой реальности. Современные исследователи справедливо считают, что взаимодействие с объектами из гиперпространства требует разработки новых подходов и методов их использования [1, 7, 8].

Обращаясь к рассмотрению цифровой устно-письменной речи с позиций новых возможностей языка, с позиций креатива, следует признать, что это не деформированное соединение двух прежних — устной и письменной — форм. Это новая форма реализации употребления языка в цифровой сфере, поскольку в ней нет механического соединения отдельных черт устной и письменной речи, которые принято выделять в традиционной лингвистике, а есть некая общая и регулярно воспроизводимая всеми пользователями Интернета (в блогосфере, чатах и форумах) гармоничная, хотя и неправильная с позиций литературной нормы, речь [2, 4]. Другими словами, дискурс Интернета, интернет-коммуникация восполнила недостаток в формах употребления русского языка: были письменная литературная и устная разговорная, теперь есть отдельная речевая форма — цифровая, или устно-письменная [9,10].

Креативные возможности русского языка в интернет-коммуникации реализуются в восполнении всех до сих пор отсутствующих элементов языка, всех его недостатков. Так, например, в русском языке наименованиями мужского рода обозначаются лица мужского и женского пола. В грамматике это называется категорией лица; и слова эти, широко и постоянно использующиеся в речевом употреблении, не поменяли мужской род на общий. Поэтому в русской речи регулярно возникает грамматический конфликт, если *инженер*, *прокурор*, *архитектор*, даже *врач* и *учитель* употребляются по отношению к женщине. Рунет исправляет эту несправедливую ситуацию: появляется множество неологизмов-феминитивов: *врачиха*, *учителка*, *ректорица*, *профессориха*, *блогесса* и т.д. Сво-

бодная речевая деятельность в цифровой сфере порождает большое количество лексико-семантических новообразований, например, *хреновацци*, *шикардос*, *туподурочка*, *баблосы*, *майданутый*, *дзюбить* и т.д. Ненормативные и отсутствующие в глагольной парадигме формы *платю*, *шутю*, *угодю*, *победю*, *жгёт*, императивы *наругай*, *ложи*, *ехай*, неправильные образования сравнительной степени наречий *более легче*, *более лучше*, продолжение разрушения древнего склонения на согласный *сколько время?*, совпадения именительного падежа единственного числа с родительным множественного в мужском роде вместо их различий (тоже компенсация утраченных в истории русского языка древних форм продуктивного склонения на *о*-краткий) *помидор-помидоров*, *носок-носков*, а также многие другие неожиданные языковые позиции (типа *заместо*, *ихний* и т.д.) легко изобретаются и свободно используются в речевом пространстве Рунета.

Такие активные процессы в языке, такие восполнения того, чего не было, такое возрождение того, что было и сохранилось в потенциальных возможностях языкового преобразования, могут происходить только при существенных изменениях коммуникации в целом [1,14].

Эпоха постправды, например, влечёт за собой возрастание ценности личных мнений и субъективных факторов во всех сферах, а реальные события и объективность теряют свою значимость. В связи с этим меняются многие традиционные и устоявшиеся формы межличностной и общественной коммуникации [13, 15].

Трансформируется журналистика, удаляющаяся от власти факта и переключаящаяся на власть мнения и интерпретации, разрушается журналистская объективность и в целом информационная традиция [5, 16].

Меняется даже дипломатия: из древнего особого искусства коммуникации она сегодня превращается в одну из цифровых услуг, которая предоставляется государ-

ствами. Учитывая, что дипломатия занимается вопросами войны и мира, недостаточность, ограниченность, неразработанность средств выражения для данной сферы при коммуникации на электронных платформах может привести (и, к сожалению, уже приводит) к бесконечным недопониманиям, неточностям и даже конфликтам.

Исследователи цифровой дипломатии пишут о прямой корреляции между профессиональными экспертными качествами дипломата, работника дипломатической сферы и его умением использовать цифровые платформы [1, 6].

Новые технологии и цифровая коммуникация обострили поколенческую проблему. Конфликт затрагивает не «отцов» и «детей» (здесь уже идёт глобальный разрыв), а развивается в пределах разных возрастных групп «детей» — «миллениалов» и «зетов (Z)». Молодое поколение, родившееся в эпоху «развитого Интернета», воспринимает только простую и короткую информацию, которая укладывается в размеры телефонного экрана, предпочитая видеть картинку вместо текста. По данным опросов, семь из десяти совершеннолетних «зетов (Z)» проверяют смартфоны каждые две минуты, т.е. они ничем не могут серьёзно заниматься, ни на чём не могут сосредоточиться, они (во всяком случае, пока) не способны осуществить и завершить даже небольшое дело. Они могут только просматривать свой телефон [6].

Все явления новой цифровой эпохи, все появившиеся с развитием интернет-коммуникации социальные, лингвистические, культурные, учебные и другие проблемы с неизбежностью заставляют создавать новые модели и разрабатывать принципиально новые подходы к изучению языка и его обучению. А в демократических условиях плюрализма и толерантности, свободы языкового употребления лексические и лексико-грамматические новобразования, «новое просторечие», нетрадиционные грамматика и лексическая сочетаемость, прямые и осознанные уста-

новки на нарушение нормы литературного языка следует оправдать и считать, что новые условия цифровой коммуникации позволяют языку проявить свои креативные возможности, реализовать свой потенциал и компенсаторную функцию, восполняющую все до сих пор отсутствующие элементы и языковые недостатки.

Креативная функция языка на фонетическом уровне

Современные исследователи языка интернет-коммуникации отмечают его устно-письменный характер. Мы полагаем, что определяющим фактором в создании нового, устно-письменного, кода общения в Интернете становится именно реализация креативной функции языка. Использование имитации устности в интернет-общении направлено не только на максимальное приближение коммуникации в Интернете к разговорности в офлайн-общении, но и на языковую игру, эмоциональность, обновление графического кода с помощью эмодзи.

По наблюдениям нашей исследовательской группы, наиболее частотным приёмом проявления устности в интернет-коммуникации становится компрессия, являющаяся доминирующим признаком разговорности.

Фонетическая компрессия в современном интернет-общении происходит за счёт фиксации редуцированных форм произношения; использования графических значков, передающих фонетическую информацию не вербально, а более ёмкими и экономными знаками письменной речи; а также комплексного использования средств передачи фонетических параметров речи [3].

В ходе исследования фонетического уровня интернет-коммуникации членом нашего проектного коллектива С.Ф.Барышева выявила, что в числе редуцированных произносительных форм есть как традиционно-частотные, так и «оказиональные». Безусловно, преобладают случаи первого типа:

– Может кто-нибудь-нибудь посоветует, а то чёт фантазии не хватает;

– далее пешком к г. Белуха и от неё мона сворачивать куда хош потом...

– ща подразгребусь с делами и всё буит..... 😊 😊

– Слух, я те всё расскажу, что тя интересует...

Креативность на фонетическом уровне также активно создаётся с помощью эмотиконов (языка эмодзи), которые «подсказывают» возможности эмоционального интонирования письменной речи, например:

Ура! У нас каникулы 😊,

а также с помощью креативной комбинации стандартных типографских знаков, например:

– Ну вот! Наконец-то настоящая зима)) Снег выпал))

В интернет-коммуникации вырабатываются и новые, креативные способы обозначения тембра речи.

По наблюдениям С.Ф. Барышевой, тембр речи (эмоционально-оценочный уровень) может обозначаться комплексом:

а) «фонетической транскрипции» с разговорным усечением;

– За город, к сожалению, съездить не получилось. Но Тобол видели канеш.

б) произносительного варианта (любого типа) и эмотикона

– Вот ведь... во сколько? До пол-второго не спал... и не позвонил ниХто 😞

– Смифно 😊

в) фоноварианта и обозначения паузации:

– Но, похоже, если не я..., то Хто ещё решится на... правду-матку 😊)))

г) «ироничного» и «разговорного» фоновариантов и графических знаков, выражающих эмоции (скобок, повтора гласного и др.):

– PS: кстати, – «как обычно», это – откуда? где? када?))) риторический вопрос... 😊

Таким образом, тенденция к фонетизации русской письменной речи в интернет-коммуникации раскрепощает креативные ресурсы языка и выявляет его потенции для выражения тех особенностей разговорной речи, которые ранее были латентны.

Креативные ресурсы языка и выявляет его потенции для выражения тех особенностей разговорной речи, которые ранее были латентны.

Креативная функция языка на лексическом уровне

В нашем исследовании рассматривается реализация креативной функции языка и на лексическом уровне. Ярче всего данная функция проявляется в создании и употреблении неологизмов и окказионализмов (*человекник*, *ковид-диссидент*, *сетевые хомячки* и т.п.), активно включаемых в языковую игру пользователей Сети. Новизна сама по себе является проявлением креативности, поэтому неологизация языка Интернета во многом обусловлена именно желанием пользователей Сети быть креативными и оригинальными.

Приметой современной интернет-коммуникации и основной тенденцией в развитии современного языка вообще стал лавинообразный поток заимствований-неологизмов [11]. Отношение к заимствованиям с точки зрения культуры речи традиционно негативное, как к явлению, засоряющему русский язык ненужными дублетами с затемнённой семантикой, часто неблагозвучными, нарушающими национальный облик русской речи. Не отрицая правомерности существования данного подхода, мы всё же рассматриваем усилившийся поток заимствований, большинство которых «провоцируется» именно интернет-коммуникацией, с позиции креативного заряда, заложенного в иноязычные лексемы. А с этой точки зрения заимствования, как показывает наше исследование, способствуют раскрытию потенциала креативности не только интернет-общения, но и называемых ими действий. С этих позиций авторы нашего проекта детально исследовали заимствования-номинации, которые отражают социальные действия, имеющие потенции креативности. Наиболее показательными стали лексемы *челендж*, *перформанс*, *флешмоб*, положительные контексты ко-

торых демонстрируют позитивное отношение участников интернет-коммуникации как к действиям, так и к самим словам, их называющим, например: *Все без ума от флешмобов: как работает модный инструмент* (gbc.ru). *Кто во что горазд: 7 классных флешмобов и челленджей в Instagram. Если заскучили в изоляции, а на лекции и спектакли нет сил, есть другое (тоже вполне творческое) решение. Можно попробовать себя в одном из этих популярных челленджей* (thecity.m24.ru). *Комитет по образованию города Барнаула организовал флешмоб «Мам, я дома», в котором принимают участие учителя и ученики городских школ. Так они пытаются найти плюсы в сложившейся ситуации* (amic.ru/news). *Как развлечься, сидя на карантине уже третью неделю? Три классных флешмоба в соцсетях, которые вы можете повторить, не выходя из дома* (sm-news.ru) [12].

Изучив креативную функцию заимствованных неологизмов, мы можем прийти к промежуточным выводам: «Одной из таких активных номинаций является **флешмоб** (flashmob – вспышка толпы) – жанр креативного действия, когда через Интернет в большой группе пользователей распространяется информация о том, что, как, где и когда надо сделать. Ещё одно заимствование последних лет – **смартомоб** (smartmob – умная толпа) – это цель флешмоба и мощнейшее средство манипуляции толпой. В цифровом обществе также ценится креативность в ключе раскрепощённых **перформансов**, которые пытаются вытеснить традиционные жанры даже в области искусства и культуры. ... Являясь оценочно нейтральными, они привлекают внимание носителя русского языка и вызывают положительную реакцию у большей части общества, особенно молодёжи, так как являются новыми и обозначают нечто “модное и креативное”. СМИ называют флешмобом любое действие, и положительное, и отрицательное, и даже административно наказуемое.

То, что должно быть оценено отрицательно, называется нейтральными заимствованными словами, для многих “размытыми” по значению, но звучащими по-новому, креативно. Следовательно, такие словоупотребления могут влиять на формирование важнейших ценностей современного общества, таких как жизнь, карьера, имидж, семья и др. или менять их» [6].

Креативная функция языка на жанрово-текстовом уровне

Новым и актуальным также является изучение трансформации жанрового канона в интернет-коммуникации, поскольку ведущей чертой современных интернет-текстов становится нарративность, способствующая в полной мере раскрытию креативности авторского замысла. Перспективным и важным предстаёт изучение жанра мультимедиальной истории как доминирующего нарративного жанра в современной интернет-публицистике.

Креативный потенциал гипертекста обусловлен его ведущими характеристиками: нелинейностью, мультимедийностью, интерактивностью. В интернет-пространстве возникают новые типы текстов, функционирование которых возможно только в условиях онлайн-коммуникации. Именно к таким текстам относится мультимедийная история, характеризующаяся синкретичностью вербальных и невербальных средств передачи информации, нарративностью и нелинейной структурой.

Под мультимедийной историей, или лонгридом, понимается сплав текста, фотографий, видео, аудио, графики и интерактивного интерфейса, представленный на веб-сайте в нелинейном формате, при этом каждый способ передачи информации дополняет другой, но не является избыточным.

В рамках нашего проекта было выявлено, что нелинейный формат мультимедийной истории предполагает отсутствие жёстко структурированного повествования, свободу выбора адресата в продвижении через элементы мультимедийной исто-

рии. «Неизбыточный, взаимодополнительный характер элементов мультимедийной истории означает, что каждый её фрагмент передаётся с помощью медиа (вербального текста, видео, аудио, фото, анимации), наиболее убедительно и информативно раскрывающего заданное содержание. Наличие героев, сюжета, драматургии, повествовательных инстанций (журналистский текст перемежается прямой речью персонажей, представленной разными медиа) свидетельствует о такой важнейшей характеристике мультимедийной истории, как нарративность. Значимость плана выражения, гармоничный синтез разных средств передачи информации и воздействия на аудиторию свидетельствуют об эстетизации массмедиа» [18, 19].

По наблюдениям члена нашей исследовательской группы Н.В.Смирновой, Интернет способствует жанрово-стилистической трансформации художественных текстов, предоставляя новые возможности для реализации творческого замысла. Так называемая сетература (сетевая литература, гипертекстуальная литература) демонстрирует лингвокреативный потенциал Интернета в сфере создания нелинейных текстов различных структур с привлечением мультимедийного инструментария и интерактивности.

Особые способы организации текстового пространства в интернет-коммуникации, многомерные отношения между вербальными и невербальными компонентами текста, предполагающие множественность интерпретаций и активное участие адресата в декодировании отправленного сообщения, являются реализацией креативной функции языка на уровне целого текста [17]. Как видим, подобная реализация креативной функции способна формировать новые перспективные и актуальные интернет-жанры, которые расширяют возможности коммуникации в целом.

Выводы и перспективы

Новые, цифровые факторы Интернета, такие как мультимедийность, нелиней-

ность, модульность, гипертекстуальность и др., высвобождают в первую очередь креативный потенциал интернет-коммуникации и приводят к модернизации традиционных, уже известных и изученных форм коммуникации в целом. Также к важнейшим внешним стимулам, оказывающим влияние на функционирование языка в новых условиях, относятся изменения в жизни, в политике и экономике, а также социологические (новое цифровое поколение) и даже биологические (создание цифровой среды обитания) и медицинские (пандемия) факторы перехода многих социальных явлений в виртуальную среду.

Данные экстралингвистические факторы тесно взаимосвязаны с интралингвистическими факторами (в первую очередь с реализацией языковых функций), что отражается на особенностях функционирования языка в интернет-коммуникации на различных уровнях языковой системы.

Под воздействием креативной функции на фонетическом уровне язык Интернета обретает особый, устно-письменный характер. Причём использование имитации устности в интернет-общении направлено не только на максимальное приближение коммуникации в Интернете к разговорности в офлайн-общении, но и на языковую игру, эмоциональность, обновление графического кода с помощью эмодзи. На лексическом уровне креативная функция языка проявляется, во-первых, в обогащении словарного состава новыми лексическими единицами, созданными по продуктивным словообразовательным моделям; во-вторых, в процессе заимствования новых слов для более точного, иногда более ёмкого именования новых реалий. На текстовом уровне формируются новые жанры (мультимедийная история), которые включают в себя многие творческие возможности, предоставляемые интернет-технологиями. А традиционные журналистские жанры (новость) претерпевают серьёзные и неизбежные трансформации.

Таким образом, мы наблюдаем, как Интернет способствует формированию новых языковых явлений, которые апробируются, шлифуются, отсеиваются или, наоборот, входят в узус. Интернет-коммуникация берёт на себя основную роль по формированию новых языковых и жанро-

во-коммуникативных норм современного русского языка — ту роль, которую ранее выполнял язык художественной литературы. Креативная функция языка в Интернете оказывается главной силой, воздействующей на динамику современной нормы языкового употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ivanova M.V. Implementation of the language compensatory function in the modern Internet communication // Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication (TILTM 2020). European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 97. P. 270–278.
2. Барышева С.Ф. Фонетические «заимствования» в интернет-коммуникации // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. С. 13–20.
3. Барышева С.Ф. Паузация как критерий речи в профессиональном теледискурсе // Журналистика в 2019 году. Творчество, профессия, индустрия. М., 2020. С. 492–493.
4. Барышева С.Ф. Виды и способы маркирования стилевых и стилистических произносительных явлений в блогосфере Интернета // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 127–130.
5. Иванова М.В., Клушина Н.И. Нормы в массмедиа: когнитивный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 5–12.
6. Иванова М.В. Новая форма употребления языка в Рунете как поколенческая проблема // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (Москва, РУДН, 08 ноября 2019 г.). М., 2019. С. 26–34.
7. Иванова М.В. Публицистика в цифровую эпоху // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: Сборник научных трудов. Т. 1. М.: РУДН, 2018. С. 347–353.
8. Иванова М.В. Расширение литературной нормы и его исторические основания // Вестник РУДН. Серия «Теория языка, семиотика, семантика». 2017. № 1. С. 124–130.
9. Иванова М.В. Речевая система Рунета // Настоящее и будущее стилистики: Сборник научных статей Международной научной конференции 13–14 мая 2019 г. М.: Флинта, 2019. С. 232–239.
10. Иванова М.В., Клушина Н.И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2018. Т. 16. № 1. С. 50–62.
11. Касперова Л.Т. Глянцевые издания: история и цифровая современность // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 159–169.
12. Касперова Л.Т. Новейшие заимствования и аксиологические ценности современного общества // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 150–160.
13. Касперова Л.Т. Художественная рефлексия в интернет-комментариях // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. С. 87–93.
14. Клушина Н.И. О дигитализации языка // Русская речь. 2018. № 6. С. 52–56.
15. Клушина Н.И. Интернет-коммуникация и её эффекты // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. С. 111–116.

16. Клушина Н.И. Язык цифровой эпохи // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 28–31.
17. Смирнова Н.В. Лингвостилистические теории гипертекста // Там же. 2018. № 4. С. 135–140.
18. Смирнова Н.В. Мультимедийная история как новый формат представления события в интернет-пространстве // Мультимедиялна стилистика. Т. 1. из Словенска стилистика. – Бањалука, 2018. С. 115–120.
19. Смирнова Н.В. Приёмы иммерсивного повествования в мультимедийной истории // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 160–170.

ENGLISH

Creative Opportunities of the Language in Online Communication

Mariya Valeryevna Ivanova – Doctor of Sciences in Philological Sciences, Dean of the Intramural Faculty of Maxim Gorky Literature Institute, head of the project “Creative Function of the Language in Online Communication” (20-012-00077a).

E-mail: g-vinograd@mail.ru

Natalya Ivanovna Klushina – Doctor of Sciences in Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: nklushina@mail.ru

The paper reports the findings of the study of the implementation of the creative function of language in Internet communication. This research perspective allows to consistently describe the functioning of language online and to explain the visible and controversially viewed by academics (as innovative or as destructive) processes in the language system, occurring under the influence of the Internet environment. The revision of traditional standards of communication when communicating via Internet occurs, first of all, due to extralinguistic factors (primarily, digital transformation) and, secondly, due to the Internet interlocutors' (both the speaker and the listener) attitude towards creative use of the language. The new extralinguistic conditions of language (multimedia, non-linear nature, its modules, hypertextuality, etc.) primarily release its creative potential as the novelty is inherently creative and requires the updating of traditional, familiar, and already studied forms of communication.

The influence of the creative function of the language can be traced both at the micro levels of the language system (especially at the phonetic and lexical levels) and at the macro level of the whole text (the emergence of new genres). At the phonetic level, influenced by the creative function, the language of the Internet acquires a special spoken-written character. Moreover, the imitation of orality in Internet communication is aimed not only at achieving maximum similarity of online communication to offline conversation, but also at the language play, emotionalism, updating the graphic code with emoji (for example, the use of emoji as ending punctuation marks, i.e., instead of period, exclamation mark, etc.). At the lexical level, the creative function of the language is evident in the emergence of proper Russian neologisms and borrowings for more accurate, sometimes more succinct denotation of the new reality. At the textual level, the study, e.g., of the model Internet genre of multimedia history, the identification of its special narrative structure and the multimedia nature of presenting the information suggests the creative potential of new genres in the online communication.

Keywords: function of language, creativity, media stylistics, Internet stylistics, language play, Internet communication, nternet genres, oral and written communication, informal communication, compensatory perlocutionary effect, postpublicism

REFERENCES

1. Ivanova M.V. Implementation of the language compensatory function in the modern Internet communication // Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication (TILTM 2020). European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 97. P. 270–278.
2. Barysheva S.F. Foneticheskie "zaimstvovaniya" v internet-kommunikatsii // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. S. 13–20 (in Russian).
3. Barysheva S.F. Pauzatsiya kak kriterij rechi v professional'nom telediskurse // Zhurnalistika v 2019 godu. Tvorchestvo, professiya, industriya. M., 2020. S. 492–493 (in Russian).
4. Barysheva S.F. Vidy i sposoby markirovaniya stilevykh i stilisticheskikh proiznositel'nykh yavlenii v blogosfere Interneta // Aktual'nye problemy stilistiki. 2018. № 4. S. 127–130 (in Russian).
5. Ivanova M.V., Klushina N.I. Normy v massmedia: kognitivnij aspekt // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. № 2. S. 5–12 (in Russian).
6. Ivanova M.V. Novaya forma upotrebleniya yazyka v Runete kak pokolencheskaya problema // Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sredstva massovoi kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy" (Moskva, RUDN, 08 noyabrya 2019 g.). M., 2019. S. 26–34 (in Russian).
7. Ivanova M.V. Publitsistika v tsifrovuyu epokhu // Yazyk i rech' v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov. T. 1. M.: RUDN, 2018. S. 347–353 (in Russian).
8. Ivanova M.V. Rasshirenie literaturnoi normy i ego istoricheskie osnovaniya // Vestnik RUDN. Seriya "Teoriya yazyka, semiotika, semantika". 2017. № 1. S. 124–130 (in Russian).
9. Ivanova M.V. Rechevaya sistema Runeta // Nastoyashchee i budushchee stilistiki: Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchnoj konferentsii 13–14 maya 2019 g. M.: Flinta, 2019. S. 232–239 (in Russian).
10. Ivanova M.V., Klushina N.I. Publitsistika v istorii russkogo literaturnogo yazyka: ot drevnerusskoi slovesnosti k internet-kommunikatsii // Vestnik RUDN. Seriya "Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya". 2018. T. 16. № 1. S. 50–62 (in Russian).
11. Kasperova L.T. Glyantsevye izdaniya: istoriya i tsifrovaya sovremennost' // Aktual'nye problemy stilistiki. 2018. № 4. S. 159–169 (in Russian).
12. Kasperova L.T. Noveishie zaimstvovaniya i aksiologicheskie tsennosti sovremennogo obshchestva // Aktual'nye problemy stilistiki. 2020. № 6. S. 150–160 (in Russian).
13. Kasperova L.T. Khudozhestvennaya refleksiya v internet-komentariyakh // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. S. 87–93.
14. Klushina N.I. O digitalizatsii yazyka // Russkaya rech'. 2018. № 6. S. 52–56 (in Russian).
15. Klushina N.I. Internet-kommunikatsiya i eyo efekty // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. – Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. S. 111–116.
16. Klushina N.I. Yazyk tsifrovoy epokhi // Aktual'nye problemy stilistiki. 2018. № 4. S. 28–31 (in Russian).
17. Smirnova N.V. Lingvisticheskie teorii giperteksta // Tam zhe. 2018. № 4. S. 135–140 (in Russian).
18. Smirnova N.V. Mul'timediinaya istoriya kak novii format predstavleniya sobytiya v internet-prostranstve // Multimedijalna stilistika. T. 1. iz Slovenska stilistika. – Vaňaluka, 2018. S. 115–120.
19. Smirnova N.V. Priyomy immersivnogo povestvovaniya v mul'timediinoi istorii // Aktual'nye problemy stilistiki. 2020. № 6. S. 160–170 (in Russian).

Индекс УДК 7.034 (460)

Код ГРНТИ 18.07.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-63-78

Н.М. СИМ*

Эскориал — идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II

В статье рассматривается архитектура королевской резиденции Филиппа II. Дворец-монастырь Эскориал представлен системой художественных ценностей испанского Ренессанса, выраженной методом воплощения образной абсолютизации эстетики классицизма, который раскрывает идеи величия «римского духа» империи Габсбургов. Благодаря переосмыслению наследия теории архитектурных правил Эскориал был эталоном классической постройки в истории Испании конца XVI в. Христианская идеология становится цементирующей силой государственного управления Империи. Символично, что год завершения Триентского собора (1563) ознаменовал начало строительства Эскориала. Первым исполнителем проекта был архитектор, философ, математик Хуан Баутиста де Толедо, учившийся в Риме и Неаполе у мастеров итальянского Возрождения. Его преемником стал Хуан де Эррера, общепризнанный выразитель стиля архитектуры королевского двора. В статье освещаются наиболее спорные вопросы: проблемы замысла ансамбля, варианты их интерпретаций, роль теоретических источников, библейская семантика и др.

Ключевые слова: Эскориал, Хуан де Эррера, Хосе де Сигуэнса, универсальный план, Филипп II, стиль дезорнаментато, королевская резиденция

Введение

Королю Испании Филиппу II было 28 лет (1556), когда он сменил на троне отца Карла V, унаследовав земли Испании, Сардинии, Сицилии, Южной Италии, Нидерландов, Нового Света (рис. 1). Томмазо Кампанелла в его честь написал памфлет «Монархия испанская», прославляя Империю, которая «благодаря политике мудрого правителя принесёт

всеобщий мир и процветание по воле свыше, по божественному провидению, основанному на таинственном промысле Божьем» [1, с. 44].

Идея промысла была заложена в голову юного короля задолго до этого сочинения в наставнических письмах отца (рис. 2). Аннексия Португалии (1580) стала кульминационным моментом в истории монархии. С этого важного для Ис-

* **Сим Надежда Михайловна** — кандидат искусствоведения, директор Школы живописи «Мир искусств», руководитель проекта «Испанские трактаты по архитектуре XVI – начала XVII веков. От теории к строительной практике» (19-012-00082).
E-mail: nmsim@mail.ru

Рис. 1. Антонис Мор. Портрет Филиппа II. Будапешт. Музей изобразительного искусства. 1554

пании политического события власть Филиппа II стала простирается на Индию, Индонезию и Китай. Надпись на триумфальной арке в Лиссабоне гласила: «Ныне исполнилось пророчество мудрого, что ты единственным царём и единственным пастырем на земле будешь». Это была наивысшая точка величия империи, символом которой станет первая королевская резиденция Габсбургов дворец-монастырь в Эскориале, созданию которого Филипп II посвятит более 30 лет своей жизни [15].

Ансамбль изначально задумывался как соединение духовной и светской власти, куда были включены дворец, храм, монастырь, усыпальница Габсбургов, семинария. В комплекс входили административные постройки, здания научных учреждений, библиотека, аптекарские сады, составляя в совокупности независимую среду, государство в государстве, микро-

косм, образ высшего порядка. Сам король в начале долгого строительного пути чётко определит качественные характеристики задуманного проекта. В инструкции первому архитектору он укажет: «Прежде всего — простота в строительстве, серьёзность в целом; благородство без высокомерия, величие без показной роскоши» [1, с. 43–55].

По истории Эскориала существует огромная научная библиография [3, 11]. Если стилевые характеристики и этапы строительства раскрыты полноценно и признаны большинством исследователей, то проблемы замысла ансамбля и роль теоретических источников в этом контексте остаются спорными по сей день¹.

В этой статье мы выносим на рассмотрение ряд концепций идейного замысла ансамбля как сложившейся модели светской и духовной резиденции императора. Проблематика интерпретаций рассматривается, в первую очередь, на основе литературных источников, среди которых упоминаются теоретические трактаты предшественников, повлиявшие на художественную идею дворца-монастыря, сочинения первого историка Эскориала фра Хосе де Сигуэнса, докладные записки королю архитектора Хуана де Эрреры, отзывы очевидцев строительства [5, 7, 17]. Вторую часть документов составляют визуальные источники: чертежи планов, рисунки и гравюры современников проекта.

«Универсальный план» Эскориала в интерпретации смысловых кодов мироздания

Традиционно любое исследование Эскориала стоит на трёх китах: первоначальная идея Карла V о строительстве Пантеона Габсбургов, описание строительства монастыря в сочинениях духовного наставника короля фра Хосе де Си-

¹ Проблематику стиливой концепции Эскориала в отечественном искусствоведении впервые рассматривали Ю.Ю. Савицкий и Т.П. Каптерева. Подробнее см.: Савицкий Ю.Ю. Архитектура Испании // Всеобщая история архитектуры. М., 1967, т. 5; Каптерева Т.П. Искусство Испании. Очерки. М., 1989.

Рис. 2. Антонио Ариас Фернандес. Карл I и Филипп II. Музей Прадо. Мадрид. 1640

гуэнса и универсальный план Эскориала «Planta Universal», утверждённый Филиппом II (рис. 3). Смысловая проблематика проекта заключается в разносторонних подходах, каждый из которых имеет свою степень достоверности и научного признания. Самой распространённой концепцией является та, что отсылает к историческим событиям 1557 г., когда армия Филиппа II разбила французов в битве при Сен-Кантене. В честь победоносного сражения, в день памяти св.Лаврентия было задумано строительство дворца-монастыря. За основу пространственной композиции, как пишет фра Сигуэнса, был взят план в форме решётки, символизирующий мучения святого [17]. Другая концепция также построена на сочинении Хосе де Сигуэнсы, где он излагает волю Карла V о создании родовой усыпальницы Габсбургов как последний за-

вет, изменивший свой первоначальный замысел о возведении Королевского Пантеона во Дворце Карла V в Гранаде [13, р. 157–170; 10].

Более сложными и противоречивыми являются концепции завуалированных умозрительных «смыслов-кодов» Универсального плана, интерпретированные методом погружения в теологию, астрологию, философию космизма, на которых мы предлагаем остановиться подробнее.

Педро Мартин Гомес рассматривает «смысловые коды» в рукописи Хуана де Эрреры с пояснениями их символических значений, помеченных архитектором условными знаками на чертеже Универсального плана Эскориала, которые выражали систему теологических, космологических и астрологических расшифровок [14]. Как свидетельствуют предметы интерьеров дворца, сюжеты росписи

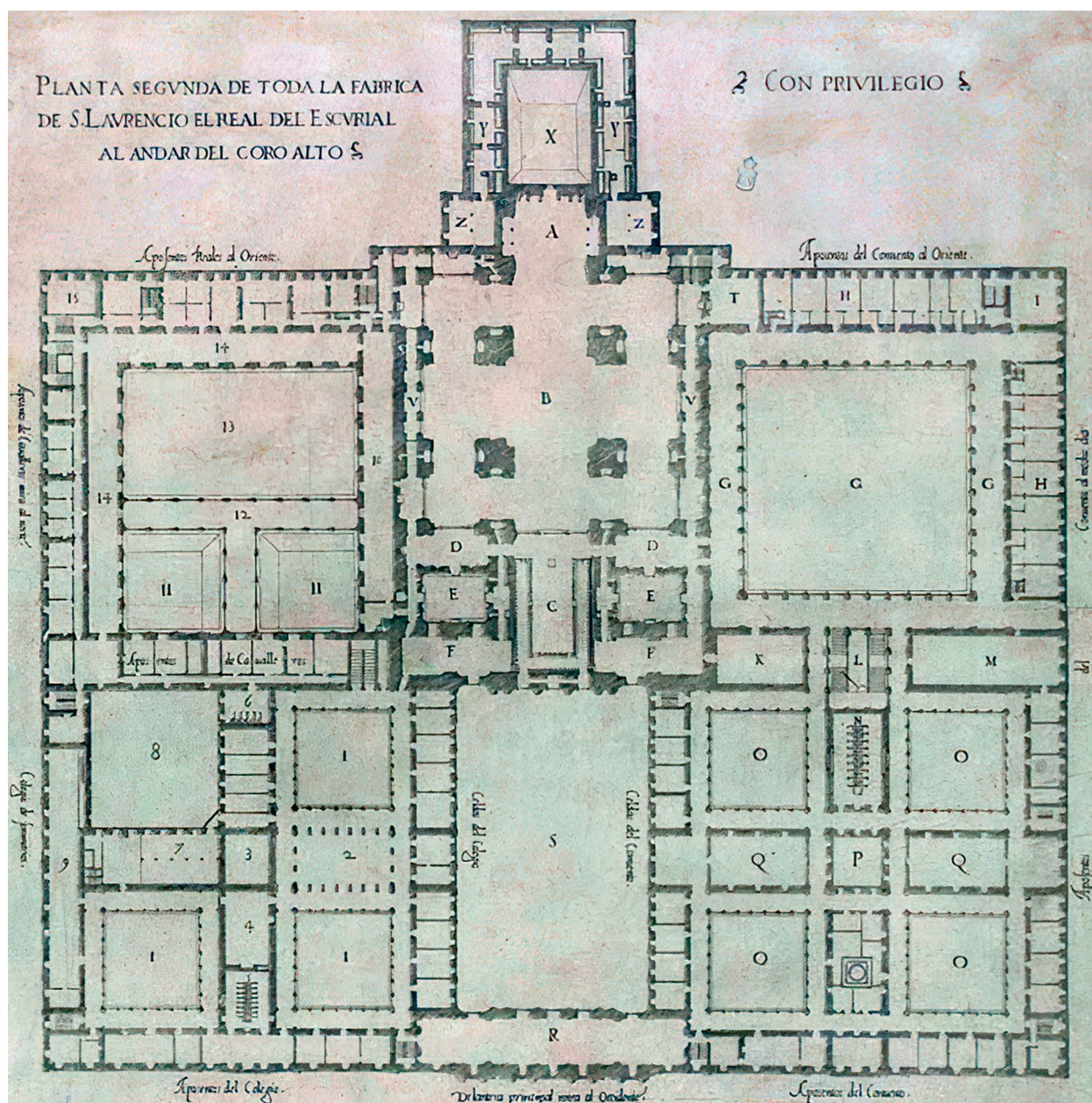

Рис. 3. Педро Перре. Универсальный план. Гравюра 1587. Библиотека Эскориала

его монументальных фресок, собрания рукописных и печатных сочинений королевской библиотеки, Филипп II интересовался проблемами сакральной психологии. Эмблематика стихий природы, нумерология Пифагора, философские взгляды Птолемея, законы движения Земли в свете Священного Писания были не менее интересны королю наравне с глобальными задачами государственной политики [12, с. 85–87].

В гуманистических сочинениях XVI в. господствовала теория вселенной архи-

тектуры с числовыми соотношениями, правилами золотых пропорций. Платон и Витрувий были своеобразной «библией» в архитектуре Возрождения. Гармония чисел Пифагора рассматривалась создателями Эскориала системой приёмов создания идеализированных моделей архитектуры, построенных по законам числовых пропорций. Педро Мартин Гомес утверждает, что священные магические цифры $1+2+3+4=10$ как совершенное число и символ Вселенной были заложены в логическую картину Универсального

плана [14, с. 15]. Он полагает, что за основу такого способа построения умозрительных идей архитектор Хуан де Эррера взял трактат Фра Лука Бартоломео де Пачоли (1445–1517) «Божественная пропорция...»¹, который хранился в королевской библиотеке Эскориала.

Известно также, что Филипп II живо интересовался оккультными тайнами и символами, которые дают ключ к новому смысловому прочтению плана, основанному на магических правилах алхимии, теологии и мистики [19]. Традиционно многие короли той эпохи приглашали придворных алхимиков в надежде получить от них чудодейственные рецепты эликсиров жизни или невероятных способов изобретения драгоценных металлов. Не исключено, что и Филиппа II привлекала практическая сторона преумножения золотого запаса в критический период финансовых проблем страны, связанных с непосильными затратами на военные нужды. Но идеи трансмутации духа даже при дворе короля, в условиях политики контрреформации балансируют на грани дозволенного. Например, за увлечение алхимическими опытами и вольное изложение библейских сюжетов сам фра Хосе де Сигуэнса, по решению суда инквизиции, был заточён в тюрьму. Не миновала эта участь и каноника короля, главного идеолога теологических программ дворца Ариоса Монтана [8, р. 129–133]. Двор окружали мистики, астрологи, маги – шарлатаны. Книги и рукописи в королевскую библиотеку подбирались с учётом интересов Филиппа II. Большую роль в формировании её коллекции сыграл Ариос Монтан, именно он привёз в Испанию картины Босха и реликварий из 7000 мощей в качестве духовного оберега Эскориала.

Универсальный план создавался по правилам витрувианской гармонии пропорций красоты ордера и пространственных решений, основанных на теологии и астральной космологии. В плане была заложена идея структуры амилларевой сферы знаков зодиака и движения планет. Композиционная концепция Универсального плана представляет геоцентрическую систему мироздания, её круговой планетарный цикл. Земля является центром Вселенной, отмеченным в плане углом большого философского квадрата и обозначенным местом расположения королевского дворца. Эррера вводит в пояснительный текст ассоциативную ссылку на 103-й псалом Давида о сотворении мира, где звучит пятая песнь красоты и величия мироздания: «Ты поставил землю на твёрдых основах: не поколеблется она во веки и веки» [14, р. 11–17].

План, как его интерпретирует Педро Гомес, с одной стороны, строится на постулате о подобии микрокосма и макрокосма средневековых алхимиков, их поиске философского камня, рецепт которого, по преданию, принадлежал испанскому мыслителю Раймунду Луллию (ок. 1235–1315)². С другой стороны, используется сочинение «Убегающая Атлантида» мистика Михаэля Майлера (1568–1622), где описан способ построения философского камня совершенными по своей природе фигурами: круга, квадрата и треугольника [12, с. 87]. Идея философского камня как форма соотношений видимого и невидимого, высшего и низшего, материи и духа в виде трансмутации металлов в золото или создания эликсира жизни была предметом неустанный внимания при дворе Филиппа II (рис. 4).

В контексте задуманной идеи Эскориал ассоциируется с домом для челове-

¹ Полное название трактата: «Божественная пропорция. Сочинение, весьма полезное всякому проницательному и любознательному уму, из коего каждый изучающий философию, перспективу, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку или другие математические предметы, извлечёт себя приятнейшее, остроумное и удивительное учение и развлечёт себя различными вопросами сокровеннейшей науки».

² В королевской библиотеке Эскориала числятся печатные и рукописные труды Раймунда Луллию.

Рис. 4. Ганс Вредеман де Врис. Лаборатория алхимика.

Раскрашенная гравюра из книги Г. Хунрата «Амфитеатр вечной мудрости». Гамбург. 1595

ка как форма гармонии микрокосмоса в системе макрокосмоса — дома Создателя, заключённого в орбиту семи планет. Но Эскориал — не только дом для жизни короля. Это одновременно и место королевской спальни, будущего Пантеона Габсбургов, воплощение образа Рая на земле. Согласно 21-й эпиграмме в книге природных тайн, по Майеру, эмблематика философского камня изображена геометрической фигурой окружности в квадрате, вписанного в треугольник. В Универсальном плане Эскориала, отмечает Педро Гонсалес, были заключены две схемы философского камня (рис. 5). Первый, большой, соотносится с домом всех его обитателей, даёт спасение в лоне храма, вписан в окружность. Второй, малый, камень, окружность которого помещена в квадрат главного алтаря и расположенного под ним Пантеона Габсбургов, символизирует образ вечности и Вознесения [14, 21–22].

Итак, план отсылает к астральному представлению Рая на земле посредством

обозначения траектории движения планет с определённой заданной смысловой нагрузкой. Так, траектория Луны на плане символизирует духовный сад в соотношении с монастырскими садами по юго-восточной стороне протяжённых фасадов. Меркурий, влияющий на развитие интеллектуальных способностей и здравого смысла, фиксирует угол квадрата философского камня, пересекая по диагонали квадратный в плане дворец. Венера обращена на восток, к садам любви, олицетворяя чувственность. Солнце соотносится с символом жизни и процветания, охватывая окружностью траекторию движения, включающую в свою орбиту все основные пространственные элементы ансамбля. Марс в большом треугольнике философского камня, знаменует источник энергии, ориентируя на покои короля, Юпитер фиксирует центральную локацию монастырских помещений и место закладки первого камня, символизируя духовное здоровье и изобилие. С Сатурном, в точке юго-западного угла большого квадрата, соотносится символ зрелости и мудрости, отмеченный в плане королевской библиотекой [14, р. 28–30].

Практическое применение чертежа строится на основании закладки первых камней в строгом соответствии с нумерологией Пифагора и, согласно рукописи Эрреры, сопровождаемой подробным описанием смысловых кодов Эскориала. Камни закладок 1, 2, 3, 4 суммарно составляют гармонию числа 10 и расположены строго по сторонам большого и малого треугольников, вписанных в квадраты. Камни одновременно фиксируют точки Меркурия, Марса, Венеры и Солнца на большой и малой окружности орбит. Число 3 соответствует единству частей плана: три камня закладки, три стороны треугольника, по три квадрата на про-

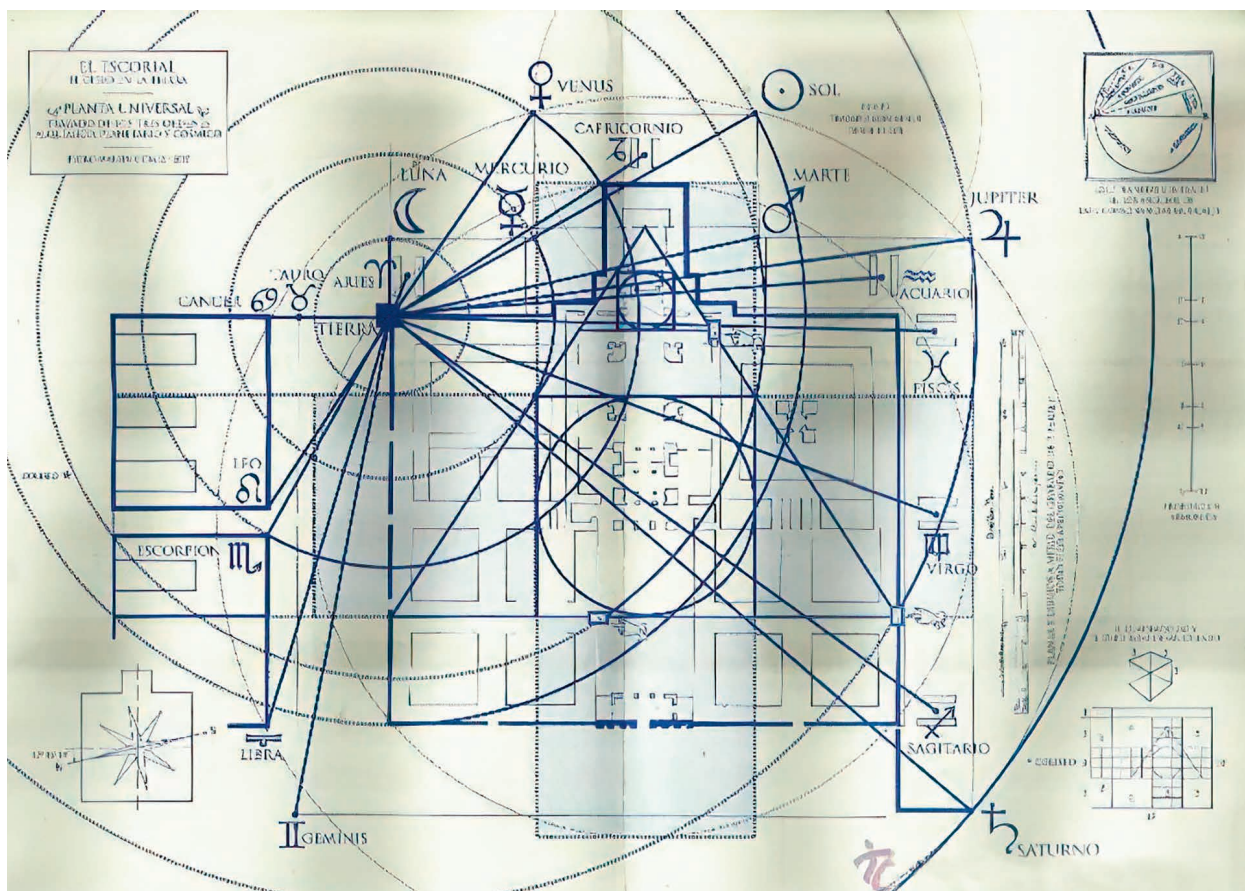

Рис. 5. Универсальный план. Схема Педро Мартина Гомеса (alquimico, planetario, cosmico). 2010

дольной линии главного фасада. Педро Гомес далеко не одинок в своём исследовании, но его погружение в ненаучную сферу изотерических рассуждений и ренессансных оккультных традиций, основанных на принципах теологических учений, вызывает резкую критику сторонников течения «соломонизма».

Библейская семантика дворца-монастыря

Одним из наиболее последовательных исследователей «соломонистов» можно назвать Мануэля Ринкон Альвареса, который обращает внимание, во-первых, на теолога Ариаса Монтано и его влияние на интеллектуальную среду королевского двора. Во-вторых, отсылает к «Комментариям Эзекииля» Хуана Баутиста Вильяльпандо, теоретика и практика в архитектуре второй половины XVI в. [16, р. 254–255]. Как известно, Вильяльпандо предложил

одну из реконструкций храма Соломона: квадратную планировку, как внешнюю, так и внутреннюю, разделённую на девять квадратных дворов, в двух из которых размещались святилище и алтарь (рис. 6). Схожесть композиционных идей храма Соломона и Эскориала давала основание считать Эскориал вторым Иерусалимским храмом, а Филиппа II — вторым Соломоном. Тема в историографии не новая, имеет много вариантов интерпретаций исследований с погружением в развёрнутую иконологическую семантику и философию символических форм [2].

Филипп II питал особый интерес к образу мудрого и благоразумного Соломона, о чём свидетельствуют живописные полотна в интерьерах покоев короля и дворца, фрески на сводах библиотеки и базилики, посвящённые сюжетам из деяний Давида и Соломона (рис. 7). Король — император изображён как великий мудрец

Рис. 6. Хуан Баутиста Вильяльпандо. Реконструкция Храма Соломона. 1595. Библиотека Эскориала

Соломон на фресках собора в Генте. Статуи иудейских царей Давида и Соломона на входном портале собора допустимо соотносить с образами Карла V и Филиппа II подобно тому, как они представлены античными героями в образе Цезаря и Геракла во дворце Карла V в Гранаде или на геркулесовых столбах аллеи Геркулеса в Севилье [16, p. 171; 9, p. 132].

Основная мысль концепции «соломонизма» выражена стремлением представить Эскориал идеальной моделью, подобной божественному творению Давида и Соломона. Ренэ Тейлор, Георг Кублер видят в Универсальном плане Эскориала и храме Соломона схожие пропорции

витувианского человека в соотношении фигуры человека, положенного на оба плана. Но такой подход в исследованиях не нашёл широкой поддержки в силу его натянутой теоретизации [18, p. 38; 9, p. 152–156].

Формирование художественной концепции королевской резиденции

К началу строительства был чётко определен художественный образ Эскориала, документально подтверждённый гравюрами Перре по рисункам архитектора Хуана де Эрреры. Согласно тексту «Истории Эскориала», фра Хосе де Сигуэнса в детальных подробностях излагает хронологию событий: «...король сделал дом... где было достаточно места не только ему и королеве, но и для кабальеров... Посередине двух домов должен находиться храм, куда бы они приходили совершать божественную... литургию» [17, 4].

Сигуэнса даёт подробное описание плана и назначения построек, говорит о необходимости расширения масштабов строительства по мере развития функциональных задач Эскориала. Он

не устаёт повторять, что это строительство было волей божественного провидения, как создание самого выдающегося монастыря ордена Иеронимов. Согласно описанию Сигуэнсы, первоначальная идея была спроектирована с характерными для средневековой Испании многоуровневыми вертикалями башен, но при дальнейшем развитии композиция ансамбля меняется протяжённой горизонталью, опоясывающей единым линейным ритмом все фасады [8].

Изначально планировалось создать монастырь для пятидесяти монахов, потом для ста. План изменился. Все здания подняли на один уровень в два этажа. Убрали

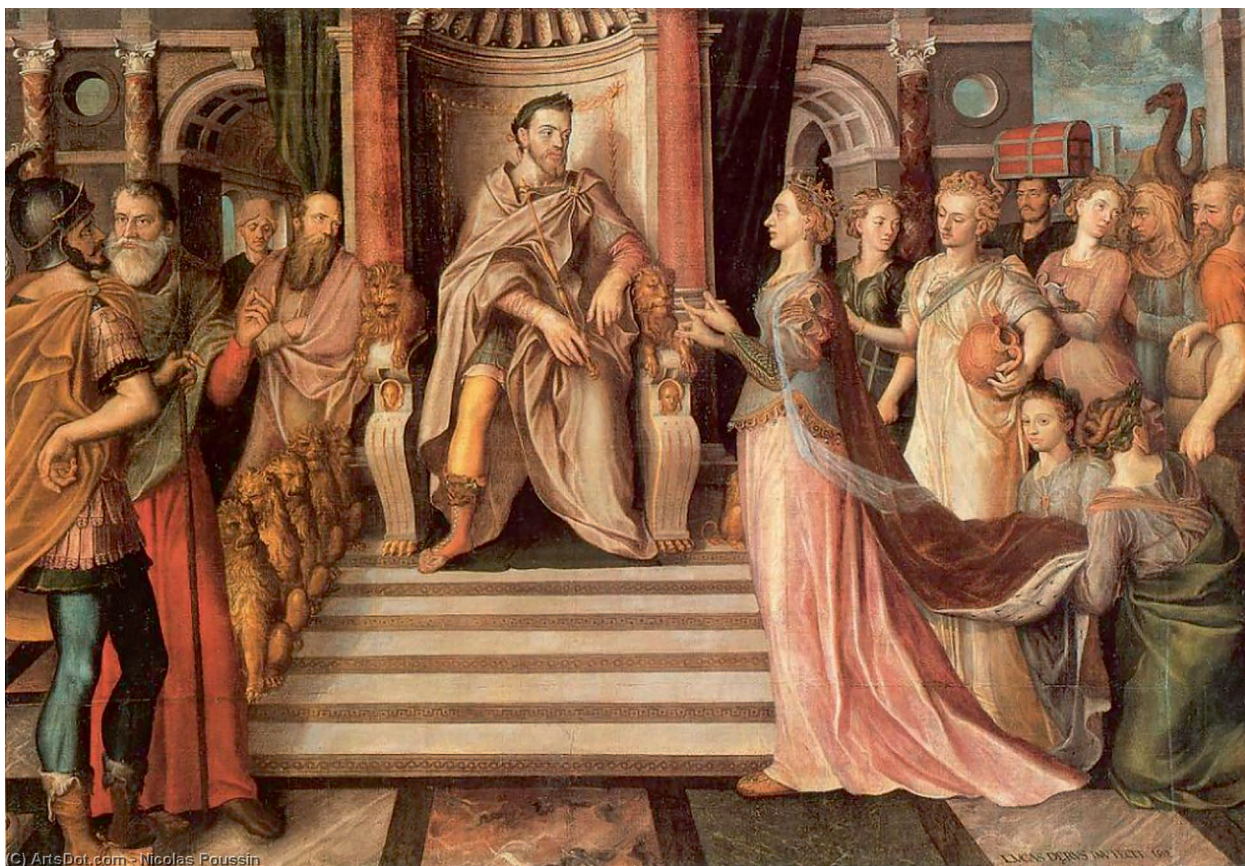

Рис. 7. Лукас де Хир. Визит царицы Савской к царю Соломону. Кафедральный собор. Гент. 1559

башни внутри комплекса, оставив по углам вертикальные акценты из четырёх башен. Сооружение Эскориала велось под неустанным наблюдением короля. Ни один чертёж не проходил без его утверждения [5]. Первым исполнителем замысла проекта стал архитектор, философ, математик Хуан Баутиста де Толедо, учившийся у прославленных мастеров итальянского Возрождения [9, р. 111–117]. Спустя три года после закладки первого камня Эскориала архитектора не стало. Его преемником назначили Хуана де Эрреру, молодого способного помощника, который возглавил строительство, став впоследствии общепризнанным создателем дворца-монастыря и выразителем стиля архитектуры «дезорнаментато».

Эррера обладал интуитивным чутьём в деле строительной техники, владел научными знаниями теории архитектуры¹. Он носил два титула: архитектор его величества и главный мастер королевских строительных работ [20]. В 1583 г. Хуан де Эррера, довольный результатами выполненного проекта, обратился к королю с просьбой документально утвердить своё авторство правом на воспроизведение и распространение гравюр Эскориала. Для этой цели был приглашён фламандский гравёр Педро Перре. Король, также как и архитектор, был заинтересован в тиражировании печатной графики своего детища с видами фасадов, разрезов, планов во всех областях своих двадцати семи королевств. Перре выграви-

¹ Согласно описи, в личной библиотеке Хуана де Эрреры были сочинения Евклида, Архимеда, Витрувия, Альберти, Паччоли, Серлио, Вильяльпандо, Виньолы, рукописи по космологии, астрологии, алхимии, нумерологии. Особенно ценным для Эрреры были произведения Раймундо Лулио, испанского философа и теолога, его идеи «ars magna, ars universalis».

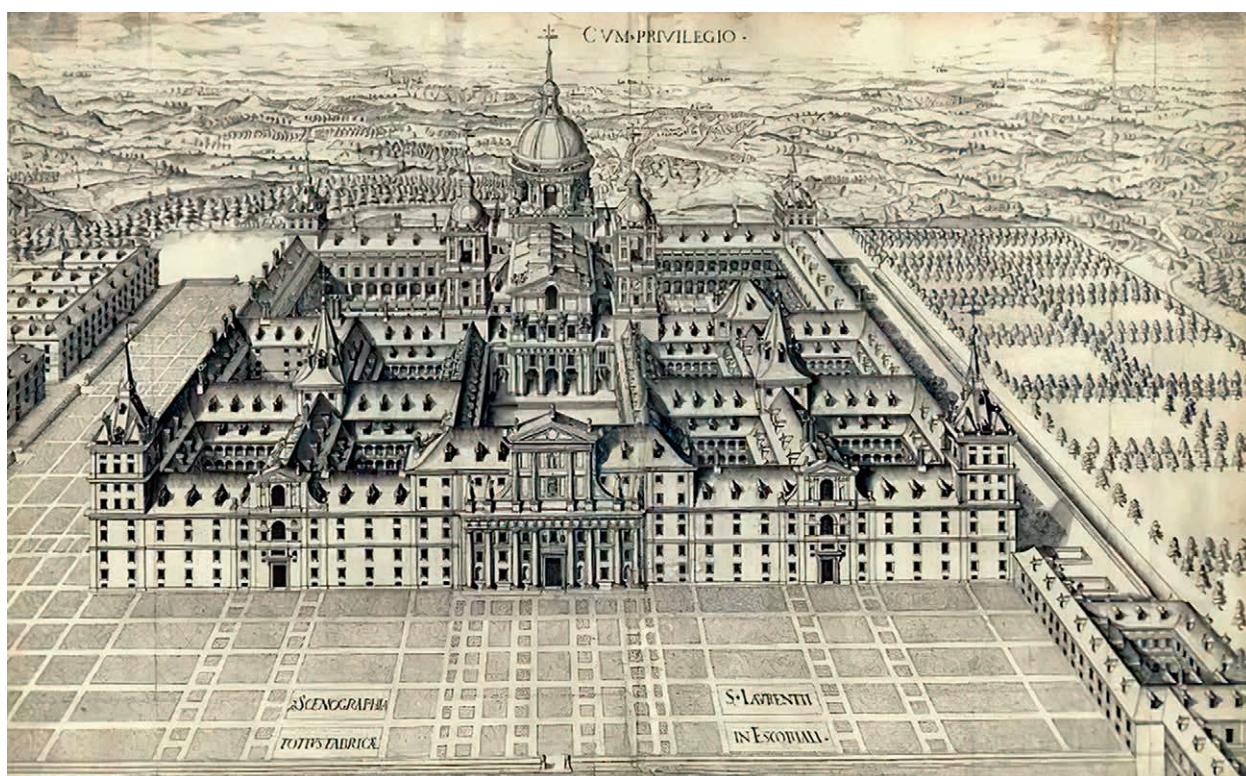

Рис. 8. Педро Перре. Эскориал. Гравюра 1587. Библиотека Эскориала

ровал 12 из 24 рисунков Эрреры (1589). Гравюры продавались вместе с комментариями архитектора, собранными в небольшую книгу под названием «Краткое изложение рисунков и гравюр из Сан-Лоренцо-дель-Эскориал» [7] (рис. 8).

Согласно Универсальному плану и гравюрам, Эскориал представлял собой гигантский прямоугольник, рассечённый главной осью, акцентирующей направление движения. Расположение зданий и внутренних дворов подчинено основному принципу деления плана на геометрически правильные прямоугольные ячейки [6, р. 13–26]. Храм является центром всей объёмно-пространственной композиции. Его ориентация, с запада на восток, определяет положение главного входа сооружения. Поперечная ось с севера на юг членит весь план на отдельные части, где расположены апартаменты королевской свиты, монастырские помещения и семинария. Крестообразные в плане корпуса объединены небольшими квадратными дворишками. К север-

ному фасаду собора примыкает внутренний двор Евангелистов, окружённый галереей, которая объединяет помещения сакристии и зала капитула. В центре двора стоит капелла с четырьмя сквозными проёмами и фигурами евангелистов в нишах работы Хуана Баутисты Манегро. В архитектурном образе и его масштабности сказалось влияние Темпьетто работы Донато Браманте.

Хуану де Эррере удалось достичь гармоничной соразмерности объёмно-пространственной композиции всего комплекса, пропорционального соотношения между куполом собора, угловыми башнями и горизонталями протяжённых фасадов. Все постройки ансамбля, выдержанные в одном монументальном стиле, включены в стройную систему, выражённую методом математической логики, где определяются витрувианские пропорции, ритмический ряд, детали и формы, сведённые к простым геометрическим объёмам – кубу и шару [1, с. 84–86] (рис. 9, 10).

Рис. 9. Эскориал. Вид на южный фасад

Всё сооружение сложено из прямоугольных гранитных блоков, которые тесались в местных каменоломнях. Гранит составляет в ансамбле основной мотив, скелет и плоть здания. Принцип движения лежит в основе пространственной организации, ритм архитектурной композиции развивается в горизонтальном направлении. Простота, математическая ясность и ритмические повторы придают его монументальным сооружениям определённую монотонность. Главный вход ведёт во двор Королей, который акцентирован монументальным порталом собора с тремя арочными проёмами и величественными дорическими полуколоннами. Завершают фронтальную композицию высокие постаменты скульптур ветхозаветных царей Иосафата, Иосии, Манасии, Изекии. По центру предстают основные фигуры Давида и Соломона, отсылающие к интерпретации замысла дворца-монастыря как единства духовных идей отца и сына, Карла V и Филиппа II в символической параллели

библейских образов Давида и Соломона [9, p. 152–156] (рис. 11).

Королевская церковь имеет план в виде греческого равноконечного креста. Три её нефа перекрыты цилиндрическими сводами. На оси среднего нефа расположена главная капелла. Четыре столба средокрестия несут барабан купола. Переход от квадрата к кругу выполнен при помощи парусов. Сферический купол со слегка повышенной стрелой подъёма увенчан фонарём. Все архитектурные элементы так же приведены в строгое соответствие, где господствует монументальный и торжественный дорический ордер из светлого гранита. Художественную выразительность внутреннему пространству придаёт суровый порядок иерархии форм, лишённых каких-либо декоративных украшений и их идеальных пропорциональных соотношений. Смысловая кульминация композиции заключена в кенотафах — скульптурах из бронзы, работы Помпео Леони, в образах коленопреклонённых групп семьи Карла V

Рис. 10. Эскориал. Панорамный вид

Рис. 11. Эскориал. Дворик королей

Рис. 12. Помпео Леони. Фигуры Филиппа II с семейством. Эскориал. Церковь Сан Лоренцо. Бронза. 1598

и Филиппа II, водружённых в боковых капеллах и обращённых к главному алтарю церкви, под которым помещена крипта – пантеон испанских Габсбургов¹ (рис. 12).

Таким образом, на наш взгляд, замыкается логическая цепочка «смысловых кодов» всего комплекса Эскориала. Расставляя приоритеты концептуальных интерпретаций идейных предпосылок создания Эскориала, нам представляется наиболее обоснованным первоначальный замысел как выполнение завета Карла V, ради которого задумывался проект: создание Пантеона Габсбургов [10]. В процессе дальнейшего

многолетнего строительства идея дворца Эскориал обростала и усложнялась программами грандиозных имперских задач, космологическим содержанием в духе неоплатонических учений. Тема дворца как резиденции для королей последующих поколений не состоялась, уступив дорогу основному замыслу: увековечить место упокоения императоров, символизирующее образ Рая на земле. Дворец так и не стал дворцом, никто из следующих представителей королевской семьи не испытывал желания использовать его как загородную резиденцию.

¹ Покои короля были устроены в непосредственной близости к главной капелле таким образом, что он, будучи тяжело больным, мог наблюдать мессу, не выходя из спальни.

Заключение

Эскориал знаменовал собой воплощение грандиозного памятника уходящего «Золотого века» испанской Империи, застыв в своём суровом каменном величии, скрывая нерасшифрованные до конца тайные смыслы своих создателей. Универсальный план стал действительно универсальным в том смысле, что ему подвластны любые умозрительные интерпретации: философские, литературные, изотерические, теологические, конструктивно-математические. Отсюда множество научных и ненаучных гипотез и разноплановая проблематика исследований.

Предложенные к рассмотрению интерпретации замысла Эскориала можно систематизировать по принципу последовательности развития практических задач. Начальный этап рассматривается как первый импульс создания монастыря и Пантеона. Далее формируется тема дворцовой резиденции, потом разрабатывается иконологическая программа, отсылающая к семантике храма Соломона. На последнем этапе эта программа усложняется оккультными и теологическими смыслами, привнесёнными в Эскори-

ал Ариасом Монтано, Хосе де Сигуэнсом, Хуаном Баутиста Вильяльпандо и другими представителями гуманистической учёности при дворе Филипп II.

Эскориал занял своё историческое место, представляя Европе образец государственной резиденции нового типа. Архитектурный ансамбль стал творением Филиппа II, как в последующем станет Версаль — Людовика XIV и Петербург — Петра I. Каждый из них создавал символ своей абсолютной власти и увековечивал его в камне. Эскориал был в начале этого пути, став первым опытом масштабного королевского проекта, представляющего систему художественного мышления абсолютизации эстетики Высокого Ренессанса. Король Филипп II и его архитектор Хуан де Эррера желали быть современными в средневековой Испании, проектируя и воплощая идеальную архитектурную «модель» мировой империи. Более того, на рубеже XVI–XVII вв. на всём Пиренейском полуострове как единой территории королевств Испании утверждается единый стиль универсального классицизма Эскориала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сим Н.М. Архитектура Южной Испании эпохи барокко. Формирование национального стиля. М., 2018.
2. Abellán, José Luis. El Escorial. Iconos, imágenes, mito. Madrid: Ediciones 98, 2009.
3. Bonet Correa, Antonio. El Real Monasterio de El Escorial. Bolonia; FMR, 2005.
4. Cecilio Barberan. El Padre José de Sigüenza como crítico de arte de las pinturas del Monasterio de el Escorial. Revista La Ciudad de Dios, 1964, P. 16.
5. Documentos para la Historia del monasterio de San Lorenzo el Real de Escorial. Vol. 1 / Ed. Julián Zarzo Cuevas. Madrid, 1917.
6. Hernández Ferrero, Juan. Consideración sobre los orígenes históricos del Monasterio de El Escorial // Real Monasterio-Palacio de El Escorial. Estudios inéditos, C.S.I.C, 1987. Pp. 13–26.
7. Herrera Juan de. Sumario y breve declaracion de los diseños y esmpas de la Fabrica de San Lorenzo el Real del Escorial. Madrid, 1589.
8. Juan José Asenjo Pelegrina. Notas para el estudio de la vida y obra de fray José de Sigüenza. // Wad-al-Hayara. Vol. 6. 1979. Pp. 127–138.
9. Juan Rafael de la Cuadra Blanco. Arquitectura e historia sagrada. Nuevas Consideraciones sobre la idea de El Escorial y el Templo de Jerusalem // Cuadernos de arte e iconografía, T. 22. № 43. 2013. Pp. 11–258.

10. Juan Rafael de la Cuadra Blanco. La idea original de los enterramientos reales en El Escorial. Academia // Boletín de la Real Academia de Bellas Artes de San Fernando. 1997. № 85. Pp. 373–412.
11. Kubler, George Alexander. La obra del Escorial, trad. de Fernando Villaverde. Madrid: Alianza Editorial, 1983.
12. Marina Alvarez Alonso, Félix García Merayo. Geometría y morfología en las trazas del Monasterio de San Lorenzo el Real de El Escorial: y 2ª parte // Manual formativo de ACTA. № 41. 2006. Pp. 81–96.
13. Moya Blanco, Luis. Caracteres peculiares de la composición arquitectónica de El Escorial // El Escorial, Patrimonio Nacional, 1963. T. I. Pp. 155–180.
14. Pedro Martín Gómez. El Escorial, el cielo en la tierra // Editado por la Sociedad de Fomento y Reconstrucción del Real Coliseo de Carlos III. Madrid, 2010.
15. Ricardo del Arco y Garay. La idea de imperio en la política y la literatura españolas. Madrid, 1944.
16. Rincón Álvarez, Manuel. Claves para comprender el Monasterio de San Lorenzo de El Escorial. Ediciones Universidad Salamanca. 2007. Pp. 254–255.
17. Sigüenza, fray José de, O.S.H. La fundación del Monasterio de El Escorial (Tit. org: Historia de la Orden de San Jerónimo, libro tercero: La fundación del monasterio de San Lorenzo el Real, Madrid, 1600, y cuarto: Descripción y relación cumplida de todas las partes de la fábrica, Madrid, 1605); Madrid, ed. de Aguilar, 1963.
18. Taylor, René. Arquitectura y magia. Consideraciones sobre la idea de El Escorial // Traza y Baza. 1976. № 6. Palma de Mallorca., Pp. 5–62.
19. Vázquez Mariscal, Andrés. Las claves ocultas de la biblioteca de El Escorial 2ª / Ed. Editorial Creación, 2010.
20. Wilkinson – Zerner C. Juan de Herrera. Arquitecto de Felipe II. Madrid, 1996.

ENGLISH

El Escorial – the Concept, the Image, and the Style of the Royal Residence of King Philip II

Nadezhda Mikhailovna Sim – Candidate of Sciences in Art History, Director of Art School “Art World”, head of the project “Spanish Treatises on Architecture in the 16th and early 17th centuries. From Construction Theory to Practice” (19-012-00082).

E-mail: nmsim@mail.ru

The paper explores the architecture of King Philip II royal residence. El Escorial monastery palace represents a system of art treasures of the Spanish Renaissance, manifested in the method of implementing the figurative absolutization of the Classical aesthetics, revealing the ideas of the magnificence of the “Roman spirit” of the Habsburg empire. By reinterpreting the legacy of the theory of architectural rules, El Escorial was the standard of classical construction in late 16th century Spain. The Christian ideas become the cement of the Empire governance. It is symbolic that the year of the completion of Trento Cathedral (1563) was also the year the construction of El Escorial had begun. The first executor of the project was the architect, philosopher, and mathematician Juan Bautista de Toledo, who studied in Rome and Naples under the masters of the Italian Renaissance. He was later replaced by Juan de Herrera, the acclaimed spokesman of the royal architectural style. The paper covers the most controversial issues: problems of the ensemble concept, their interpretations, the role of theoretical sources, biblical semantics, etc.

Keywords: El Escorial, Juan de Herrera, José de Sigüenza, universal layout, Philip II, desornamentado style, royal residence

REFERENCES

1. Sim N.M. Arkhitektura Yuzhnoi Ispanii epokhi barokko. Formirovanie natsional'nogo stilya. M., 2018 (in Russian).
2. Abellán, José Luis. El Escorial. Iconos, imágenes, mito. Madrid: Ediciones 98, 2009.
3. Bonet Correa, Antonio. El Real Monasterio de El Escorial. Bolonia; FMR, 2005.
4. Cecilio Barberan. El Padre José de Sigüenza como crítico de arte de las pinturas del Monasterio de el Escorial. Revista La Ciudad de Dios, 1964, R. 16.
5. Documentos para la Historia del monasterio de San Lorenzo el Real de Escorial. Vol. 1 / Ed. Julián Zarzo Cuevas. Madrid, 1917.
6. Hernández Ferrero, Juan. Consideración sobre los orígenes históricos del Monasterio de El Escorial // Real Monasterio-Palacio de El Escorial. Estudios inéditos, C.S.I.C, 1987. Pp. 13–26.
7. Herrera Juan de. Sumario y breve declaracion de los diseños y esmpas de la Fabrica de San Lorenzo el Real del Escorial. Madrid, 1589.
8. Juan José Asenjo Pelegrina. Notas para el estudio de la vida y obra de fray José de Sigüenza. // Wad-al-Hayara. Vol. 6. 1979. Pp. 127–138.
9. Juan Rafael de la Cuadra Blanco. Arquitectura e historia sagrada. Nuevas Consideraciones sobre la idea de El Escorial y el Templo de Jerusalem // Cuadernos de arte e iconografía, T. 22. № 43. 2013. Pr. 11–258.
10. Juan Rafael de la Cuadra Blanco. La idea original de los enterramientos reales en El Escorial. Academia // Boletín de la Real Academia de Bellas Artes de San Fernando. 1997. № 85. Pr. 373–412.
11. Kubler, George Alexander. La obra del Escorial, trad. de Fernando Villaverde. Madrid: Alianza Editorial, 1983.
12. Marina Alvarez Alonso, Félix García Merayo. Geometría y morfología en las trazas del Monasterio de San Lorenzo el Real de El Escorial: y 2ª parte // Manual formativo de ACTA. № 41. 2006. Pr. 81–96.
13. Moya Blanco, Luis. Caracteres peculiares de la composición arquitectónica de El Escorial // El Escorial, Patrimonio Nacional, 1963. T. I. Pp. 155–180.
14. Pedro Martín Gómez. El Escorial, el cielo en la tierra // Editado por la Sociedad de Fomento y Reconstrucción del Real Coliseo de Carlos III. Madrid, 2010.
15. Ricardo del Arco y Garay. La idea de imperio en la política y la literature espanolas. Madrid, 1944.
16. Rincón Álvarez, Manuel. Claves para comprender el Monasterio de San Lorenzo de El Escorial. Ediciones Universidad Salamanca. 2007. Pp. 254–255.
17. Sigüenza, fray José de, O.S.H. La fundación del Monasterio de El Escorial (Tit. org: Historia de la Orden de San Jerónimo, libro tercero: La fundación del monasterio de San Lorenzo el Real, Madrid, 1600, y cuarto: Descripción y relación cumplida de todas las partes de la fábrica, Madrid, 1605); Madrid, ed. de Aguilar, 1963.
18. Taylor, René. Arquitectura y magia. Consideraciones sobre la idea de El Escorial // Traza y Baza. 1976. № 6. Palma de Mallorca., Pp. 5–62.
19. Vázquez Mariscal, Andrés. Las claves ocultas de la biblioteca de El Escorial 2ª / Ed. Editorial Creación, 2010.
20. Wilkinson – Zerner C. Juan de Herrera. Arquitecto de Felipe II. Madrid, 1996.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.9
Код ГРНТИ 15.41.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98

С.Н. КОСТРОМИНА, Н.В. ГРИШИНА, Н.Л. МОСКВИЧЁВА, Е.В. ЗИНОВЬЕВА*

Жизненные модели молодёжи: изменения и традиции

Статья представляет результаты теоретических и эмпирических исследований, посвящённых разработке конструкта «жизненная модель» человека, который введён для конкретизации понятия жизненного сценария и рассматривается как его фрагмент в конкретной сфере жизнедеятельности. Подчёркивается, что жизненные модели имеют динамичный характер, представляя собой процесс самореализации человека в разных сферах жизни, определяемый его активностью в решении жизненных задач. Используются: (1) авторский опросник «Жизненные модели», прошедший эмпирическую апробацию для трёх групп: молодёжи, старшего поколения и старшеклассников; (2) автоматизированный семантический анализ интернет-ресурсов и контент-анализ персональных аккаунтов молодых людей и старшего поколения; (3) комплекс методик для оценки личности, в том числе Big Five (Т. Costa, Р. McCrae), опросник ценностных ориентаций (Ш Шварц), опросник самооффективности (Дж. Маддукс, М. Шеер).

* **Костромина Светлана Николаевна** — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Жизненные модели молодёжи: межпоколенное и внутрипоколенное исследование» (18-013-00599).

E-mail: s.kostromina@spbu.ru

Гришина Наталья Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Москвичёва Наталья Львовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: nmoskvicheva11@yandex.ru

Зиновьева Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: e.zinovieva@spbu.ru

В серии эмпирических исследований (с участием 2281 респондентов в возрасте от 19 до 55 лет из разных городов России) описаны варианты жизненных моделей в профессиональной сфере, сфере близких отношений и сфере Я. Показано, что их содержание, с одной стороны, опирается на традиции, отвечающие консервативным взглядам на жизнь, а с другой – учитывает тенденции общественных изменений: усиливающиеся требования к гибкости и мобильности, расширение возможностей образования, развития и самореализации; сочетанное влияние проявляется в вариативности жизненных моделей.

Социальные трансформации отражаются на плане жизни молодёжи неравномерно, оставляя одни сферы жизни более консервативными (сфера близких отношений) и подстраивая другие под «дух времени» (профессиональная сфера). Источником сохранения традиций в выстраивании жизненного сценария молодёжью является старшее поколение, тогда как сверстники и цифровое пространство способствуют его трансформации. Подтверждена перспективность понятия жизненной модели в качестве единицы описания многомерного пространства жизни современного человека.

Ключевые слова: жизненный путь, жизненный сценарий, жизненная модель, молодёжь, межпоколенная и внутривозрастная трансмиссия, интернет-контент, личностные предикторы

Введение

Изменения современной реальности, описываемые в психологической литературе как вызовы неопределённости, сложности, разнообразия, цифровизация пространства жизни, рост социальной мобильности и др., принципиально изменяют характер взаимодействия человека с окружающим миром.

Особую актуальность в связи с этим приобретает проблема жизненных стратегий людей, выстраивания ими своей жизни в транзитивном обществе, привлекающая всё большее внимание исследователей [1]. «Жизненная» проблематика всегда была одним из важнейших направлений в психологии личности, однако реалии современного мира требуют новых исследовательских решений.

Классическая психология при описании существования человека в мире опиралась на понятие жизненного пути человека. Наряду с ним в современной психологии усиливается интерес к понятию жизненного сценария, которое постепенно утрачивает свой первоначальный психоаналитический характер и начинает использоваться для описания жизненной

истории человека. Отличие понятия жизненного сценария и его преимущества по сравнению с понятием жизненного пути – в большем акценте на авторстве человека по отношению к собственной жизни.

Жизненный сценарий, как и жизненный путь человека, – это целостная история его жизни, что не исключает выделения в жизненном сценарии отдельных сфер его реализации. В описаниях жизненного пути человека традиционно выделяются стадии, которые делят линию жизни человека на временные этапы. Событийное наполнение жизненного пути также обычно строится по временному основанию, которое опирается на объективную фактологию, нередко «вынося за скобки» отдельные флуктуации и «выпрямляя» жизненный путь человека.

Современное понимание мира жизни человека исходит из его многомерного характера. В своё время эта многомерность была заложена в понятии жизненного пространства (К.Левин). В гуманитарной науке многомерность жизненного мира человека описывается с помощью выделения разных типов миров (Ю.Хабер-

мас), в психологии — разных видов реальности [2], жизненных контекстов [3] и др.

Для конкретизации понятия жизненного сценария нами предложено понятие жизненной модели. Под жизненной моделью понимается фрагмент жизненного сценария в конкретной сфере жизнедеятельности [4].

Жизненная модель отличается рядом особенностей, которые и обуславливают целесообразность введения этого понятия в научный дискурс, главное из которых — её процессуально-динамическая природа.

Традиционные подходы к изучению жизненного пути, построенные на описании событий разных этапов жизни человека, представляют несомненный интерес, фиксируя историю жизни человека, однако отличаются неизбежной статичностью.

Предложенный нами подход основан на принципе процессуально-динамической природы личности.

Процессуально-динамический подход (берущий свое начало в идеях К.Левина, Г.Олпорта, а в отечественной науке — в работах С.Л.Рубинштейна, Л.И.Анцыферовой и др.) активно развивается в психологии в силу того, что он в наибольшей степени отвечает задаче изучения изменяющегося человека в изменяющемся мире [5].

Процессуальный подход исходит из понимания изменчивости личности как механизма поддержания её устойчивости. Личность представляет собой сложную открытую саморазвивающуюся систему, в рамках которой устойчивость и изменчивость рассматриваются не как оппозиционные, но как взаимодополняющие свойства [6, 7].

Жизненные модели имеют динамичный характер, поскольку представляют собой процесс самореализации человека в разных сферах его жизни, определяемый его вовлечённостью в конкретную сферу, и описываются не столько через события прошлого, сколько через интенции человека, его направленность на реализацию своих планов и устремлений.

Важным методологическим следствием процессуального подхода к личности является *признание вероятностного характера её изменений*. Множественность отношений и открытость системы создают возможности для неограниченного количества вариаций. Вариативность жизненного сценария человека, образуемого жизненными моделями, которые реализуются в разных сферах жизни, определяется степенью вовлечённости человека в эти сферы, его активностью в реализации жизненных задач (в том числе через систему отношений и взаимосвязей с миром), а также неопределённостью взаимосвязей между элементами жизненных моделей, обусловленных многообразием содержания планируемых событий жизни и логикой связей между ними.

Ещё одна принципиальная особенность понятия жизненной модели — *возможность описания многомерного мира жизни* человека. Жизненные модели — это векторы одновременного существования человека в разных сферах жизни, подчёркивающие её многомерный характер.

Дальнейшая операционализация понятия жизненной модели для перехода к разработке методического инструментария и проведения эмпирических исследований была проведена по отношению к основным сферам жизни человека: (1) профессиональной (работа и учёба, построение траектории профессионального развития); (2) сфере близких отношений (семейных и дружеских отношений — стремление к поддержанию близких отношений с людьми, характер родственных отношений, ориентация на создание собственной семьи); (3) сфере Я (стремление к самореализации, ориентация на самоосуществление и саморазвитие).

Совокупное описание жизненных моделей человека в этих сферах с учётом их субъективной значимости для человека, проявляющейся в соотношении степени вовлечённости человека в самореализацию по каждой из этих сфер, в соотношении его «вложений» (временных,

энергетических и т.д.) в них, представляет целостный жизненный сценарий человека. Такое описание жизненного сценария позволяет увидеть его «живой», изменяющийся характер, динамика которого определяется (в терминологии К.Левина) соотносительной силой напряжения различных сфер общего жизненного пространства человека.

Центральной темой проведённых нами исследований жизненных моделей стала тема соотношения постоянства и изменчивости в построении жизненного сценария.

Тема изменчивости-неизменности личности относится к фундаментальным проблемам психологической науки. Применительно к жизненному сценарию и составляющим его жизненным моделям эта проблема рассматривается как соотношение нормативных, принятых в обществе, а потому устойчивых компонентов жизненного сценария с их изменчивостью в современных реалиях.

Нормативный жизненный сценарий основан на разделяемых в культуре представлениях относительно порядка и времени жизненных событий, которые рассматриваются как обязательные или, по меньшей мере, как общепринятые [8, 9]. Однако в процессе развития и усложнения культур усиливается тенденция снижения нормативности, нарастания индивидуализации и вариативности жизненных сценариев, что проявляется в дестандартизации жизненных моделей у более поздних поколений, по сравнению с предшествующими поколениями, а на психологическом уровне – в движении от детерминации к самодетерминации, в соответствующих изменениях в ценностно-смысловой сфере. Стремительные изменения реальности ускоряют эти процессы, уменьшая роль внешних опор и усиливая роль самого человека в выстраивании собственного жизненного сценария.

Таким образом, жизненный сценарий современного человека и составляющие его жизненные модели являются результатом сложного сочетания и взаимодей-

ствия его нормативных представлений и индивидуальных устремлений.

Одной из основных тем наших исследований стало соотношение направленности молодых людей на традиционные, принятые и потому более устойчивые ориентиры их жизненных моделей и на готовность к отходу от них, самостоятельность и новизну. Изучение этой проблемы предполагало ответ на следующие вопросы: Каковы особенности жизненных моделей молодых людей с точки зрения соотношения направленности на традиции и изменения? Какова роль старших поколений во влиянии на традиционность жизненных моделей молодежи? Какова роль включённости молодого человека в цифровой мир, использования интернет-ресурсов и общения в социальных сетях как источника изменений?

Результаты проведённых эмпирических исследований (2018–2020 гг.) позволяют дать предварительные ответы на эти вопросы.

Организация исследования

В серии, посвящённой изучению жизненных моделей молодых людей, приняли участие 2168 респондентов (средний возраст 24,28, SD = 2,138). 42,1% опрошенных постоянно проживают в Санкт-Петербурге, 56,9% – приехали из разных городов и регионов России (Новосибирска, Казани, Ростова, Челябинска, Севастополя, Калуги, Кемерово, Йошкар-Олы и др.). В этой же серии проводилось изучение личностных предикторов жизненных моделей молодых людей, охватившее 515 респондентов: 166 мужчин и 349 женщины, возраст от 19 до 35 лет (SD = 3,43). В исследованиях жизненных моделей представителей старшего поколения участвовали 113 человек, средний возраст $46,19 \pm 9,48$; из них 38,1% проживают в Санкт-Петербурге, остальные в разных городах и регионах России; 82,6% респондентов – женщины. В браке состоят 71,7% опрошенных, 100% имеют детей в возрасте 20–24 года.

В сериях, посвящённых изучению элементов жизненных моделей, транслируемых в интернет-пространстве: а) проанализирован контент 20 наиболее популярных интернет-сообществ с числом подписчиков свыше 4 миллионов в социальной сети «ВКонтакте» (всего более 200 000 постов) с использованием автоматизированного семантического анализа; б) проведён качественно-количественный анализ 200 персональных аккаунтов пользователей социальной сети «ВКонтакте» жителей Санкт-Петербурга старшего поколения (средний возраст 43,19, SD = 2,27) и молодых людей среднего возраста 23,63, SD = 1,21), проживающих в Санкт-Петербурге (50%) и малом городе России – Новоуральске Свердловской области (50%). Отбор аккаунтов проводился случайным образом (условием включения аккаунта в выборку являлось наличие не менее 10 выложенных пользователем сообщений в ленте за последние полгода); 50% выборки составили женщины, 50% – мужчины.

Всего в исследованиях на разных его этапах приняли участие 2281 человек.

Методы исследования

Для эмпирической проверки релеванности выделенных референтов жизненных моделей был разработан опросник «Жизненные модели», позволяющий выявить содержательные характеристики теоретического конструкта «жизненная модель» в трёх сферах жизнедеятельности: сфере отношений, профессиональной сфере, сфере Я. Выбор сфер обуславливался их значимостью для человека на протяжении жизненного пути. Были созданы три версии опросника: для молодых людей (18–30 лет), для старшеклассников (10–11 класс) и представителей старшего поколения (45–65 лет).

Содержательными компонентами опросника выступили: (1) вопросы относительно конкретных жизненных событий молодых людей и их родителей; (2) вопросы-референты, описывающие активность

в сфере близких отношений и профессиональной сфере; (3) утверждения, раскрывающие установки и убеждения в той или иной сфере; (4) вопросы, отражающие переживание значимости определённой сферы жизнедеятельности; (5) вопросы, направленные на выявление степени идентификации молодых людей со своим поколением и степени близости с поколением родителей.

Отдельным блоком вошли вопросы, связанные с представлениями молодых людей о своём будущем, в том числе характеризующие определённые действия, которые молодой человек готов совершить для достижения жизненных целей. Динамическая природа жизненных моделей выявлялась с помощью включения в их описание следующих индикаторов: (1) активная включённость человека в реализацию своих целей в данной жизненной сфере как следствие её значимости для индивида; (2) настойчивость усилий человека по решению задач и достижению целей в данной области. Указанные параметры отражают вовлечённость человека в конкретные сферы жизни, которая в соответствии с классическими работами (К. Левин, Г. Олпорт) определяет меру изменений.

Для контент-анализа страниц пользователей социальной сети была разработана оригинальная матрица, категориальную основу которой на первом этапе составили описанные в теоретическом конструкте референты жизненных моделей и соответствующие им индикаторы в разных жизненных сферах. Например, в профессиональной сфере – мотивация профессиональной деятельности, значимость профессиональных событий и др.; в сфере отношений – потребность в близких отношениях; характер отношений и др.; в сфере Я – потребность в саморазвитии, проведение досуга. На втором этапе матрица была дополнена категориями, отражающими результаты опроса молодых людей: показатели отношения к традиционным семейным ценностям / «новым»

ценностям (желаемое одиночество, отрицание необходимости создания семьи и др.); представленность активной/пассивной жизненной позиции; ориентация на достаток и личное благополучие или иные ценности; характер близости с родительской семьёй; ориентация на стабильность или готовность к изменениям. За единицу фиксации принимались предложение или часть сложного предложения (в тексте) и фотография, видео- или символическое изображение (в визуальном содержании аккаунта), в котором упоминались (или изображались) выделенные индикаторы, размещённое пользователем на персональной странице. Всего были выделены и проанализированы 4984 смысловых единиц, из них 1860 текстовых и 3124 визуальных.

Для изучения личностных предикторов жизненных моделей использовались пятифакторный личностный опросник версии NEO PI-R T.Costa, R.R.McCrae [10], опросник толерантности к неопределённости Д.МакЛейна (в адаптации Е.Н.Оси-на) [11], опросник самооффективности Дж.Маддукса и М.Шеера (в адаптации А.В.Бояринцевой) [12], опросник «Представления об успехе» Д.А.Бухаленкова, О.А.Карабановой [13], опросник Ш.Шварца в версии PVQ-RR [14].

Результаты

1. Типы жизненных моделей молодых людей

Исследование жизненных моделей молодых людей показало, что их содержание, с одной стороны, опирается на представления, отвечающие традиционным взглядам на жизнь, а с другой — учитывает тенденции происходящих изменений: усиливающиеся требования к гибкости и мобильности, расширение возможностей образования, развития и самореализации, неопределённость и многозадачность на рынке труда и т.д. Социальные трансформации отражаются на жизненных планах, устремлениях и моделях жизни юношей и девушек, хотя и нерав-

номерно, оставляя одни сферы жизни более консервативными и подстраивая другие под «дух времени». Сопряжение традиций и изменений свидетельствует о неоднородности и многомерности жизненных моделей, что проявилось в их вариативности.

В ходе изучения жизненных моделей молодых людей была получена 17-факторная модель [15], на основании которой выделены шесть значимо различающихся кластеров, позволивших описать типы позиций молодых людей в отношении выстраивания ими своего жизненного сценария. Содержательный анализ показал, что все шесть кластеров, отражающих жизненные модели респондентов, лежат в двух измерениях: 1) активность—пассивность и 2) автономия (самостоятельность) — близость с родительской семьёй (рис. 1). Таким образом, была подтверждена правомерность выделения в качестве значимого основания анализа жизненных моделей процессуальных характеристик — степени самостоятельности и активности индивида в их выстраивании.

Каждый кластер является проекцией взаимосвязей жизненных моделей из разных сфер жизнедеятельности, показывая степень их *значимости* для молодого человека и *активности* по реализации её задач. Взаимосвязь этих двух параметров не является простой: активность зависит от значимости, но не однозначно ею определяется. Тем самым была подтверждена процессуальная природа жизненных моделей, динамика которых определяется их значимостью для индивида и развиваемой активностью. Четыре из шести кластеров представляли жизненные позиции, в которых существенную роль играли принятые в сообществе (и родительской семье) нормативные представления о жизненном успехе и значимые ценности личности. Однако в одном случае (шестой кластер — 15,4% от выборки) это ориентация на личное благополучие, основанное на стабильности, определён-

Рис. 1. Сопоставление кластеров по полу и месту проживания относительно шкал «Активность — Пассивность», «Автономность — Близость с родительской семьёй»

ности, созданию семьи и получении профессии, обеспечивающих стабильность. В других — при схожих установках доминирующими целями являются создание семьи и поддержание межличностных отношений (второй — 12,5% от выборки и четвёртый — 15,4% кластеры).

Ещё в одном случае (первый кластер — 21,2%) главным в жизненном сценарии является ориентация индивида на статус и престиж, показателями которого в том числе выступают материальный достаток и карьерный рост. Описание этих кластеров показывает, как главные ориентиры и ориентации человека в доминирующих сферах подчиняют себе жизненные модели в других сферах, образуя единое, динамичное, «пульсирующее» жизненное пространство человека.

Другой важный результат исследования связан с разной значимостью жизненных сфер и соответственно «вложениями» человека в реализацию своих жизненных моделей. В первом и шестом кластерах «организующим звеном» выступает профессиональная сфера. Молодые люди второго и четвёртого кластера в большей

степени ценят поддержку семьи и ориентированы на построение отношений. Третий кластер (20,2% от выборки) представлен молодыми людьми, для которых главные измерения в жизни — новизна и изменения. Для них развитие сферы Я доминирует над построением карьеры и отношений.

Результаты проведённых исследований продемонстрировали возможность рассогласования и дополнили теоретическое описание концепта жизненной модели параметром *противоречивости / непротиворечивости*. Противоречивость жизненной модели проявляется в рассогласовании системы убеждений (представлен пятым кластером — 15,4%), лежащих в основе оценки значимости той или иной сферы жизни и переживания этой значимости человеком, с активностью и ответственностью человека в данной сфере. Эта внутренняя противоречивость жизненной модели становится одним из источников динамики жизненного пространства человека, направленной на «выравнивание» отношений разных компонентов модели: либо на усиле-

ние его активности в направлении её реализации, либо на снижение её значимости.

Особое значение в связи с этим приобретают так называемые личностные факторы – характеристики личности, которые определённым образом сказываются на содержании жизненных моделей в разных сферах жизни. Так, молодые люди, которым присущи открытость опыту (0,425; $p \leq 0,05$), добросовестность (0,412; $p \leq 0,01$), экстраверсия (0,437; $p \leq 0,05$), в большей степени демонстрируют активность в выстраивании перспектив своей жизни [16]. Кроме того, для таких молодых людей характерна высокая потребность в изменениях. Аналогичным образом сказывается и высокий уровень самоэффективности [17], сопровождающийся готовностью молодого человека преодолевать препятствия и жизненные трудности. В то время как юноши и девушки с низким уровнем самоэффективности ($p \leq 0,05$) чаще полагаются на внешние обстоятельства (везение, случай, известность), стремятся к высокому статусу без готовности к внутренним изменениям.

Ценностные ориентации определяют «тяготение» жизненных моделей к нормативности или индивидуальности. У девушек, выбирающих преимущественно нормативную жизненную модель в сфере близких отношений (34%) (приоритет ценностей «традиций, скромности», «универсализма и безопасности»), преобладают ориентация на стабильность, опора на традиционные взгляды о семье, потребность в создании семьи в соответствии с гендерными стереотипами (главный в принятии решений муж) и пассивность в её реализации ($p \leq 0,01$). Для девушек (66%), ориентированных преимущественно на индивидуальную жизненную модель в сфере близких отношений (приоритет ценностей «самостоятельности», «гедонизма» и «достижений»), характерны минимальная ориентация на традиционные взгляды о семье, опора на свои

ресурсы в достижении целей, нацеленность как на профессиональную самореализацию, высокий статус, так и на семью, а также большая готовность к активному поведению при появлении желаемых событий.

Молодые люди с приоритетом в ценностях «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм» ($p \leq 0,05$) предпочитают жизненную модель «профессионального самоизменения» (стремление к развитию, готовность вкладываться в свой профессиональный рост), меньше связанную с родительской профессиональной жизненной моделью. Те, для кого значимыми ценностями являются ценности «конформизма», «скромности» и «безопасности», ориентированы скорее на стабильность и безопасность профессионального пути. Для них характерны меньшая вовлечённость в профессиональную сферу, пассивность, позиция ожидания событий, связанных с профессиональным развитием [16].

Значимые различия между кластерами по каждому из факторов свидетельствуют о неоднородности молодёжной группы в выстраивании жизненного сценария и его многомерности, где элементы жизненных моделей из разных сфер образуют уникальную структуру, соединяющую жизненные цели, планируемые события, убеждения и установки, последовательность действий в решении жизненных задач и настойчивость усилий по их достижению. При этом жизненные модели независимо от их тяготения к традиционности или изменчивости сочетают «классические» и «новаторские» взгляды на жизнь. Только один тип (третий кластер) можно назвать инновационным за счёт его значимого отклонения от традиций, в первую очередь за счёт ориентации на саморазвитие, свои интересы и поиск себя в жизни. Именно он в полной мере отражает усиление процессов самодетерминации, индивидуализации и преадаптивности [18], востребованные в современном мире. С другой

стороны, в консервативные модели также проникают тенденции к изменениям. Они проявляются в росте самостоятельности, автономии, активности и готовности «вкладываться» в жизнь, определённым образом трансформируя консервативные установки в выстраивании жизни.

Таким образом, содержательный анализ эмпирической феноменологии, описывающей типы жизненных моделей молодых людей, подтвердил взаимосвязи их традиционных представлений и установок, обеспечивающих межпоколенную преемственность их жизненных сценариев с поиском собственного пути в жизни, проявляющимся в их стремлении к самостоятельности и автономии.

II. Влияние близости с родительской семьёй и установок старшего поколения на становление жизненных моделей молодых людей

Сопряжение традиций и новаций в жизненных моделях прослеживается не только у молодых людей, но и их родителей. Консервативность жизненных установок, которые фактически определяют направленность активности человека на воспроизведение принятых в сообществе (прежде всего в родительской семье) паттернов поведения, в значительной степени транслируется старшим поколением, но одновременно родителями передаётся понимание того, насколько изменилась жизнь по сравнению с их молодостью.

В серии исследований с участием старшего поколения были выявлены, во-первых, *сходство* представлений обоих поколений (идеальных представлений родителей о своих детях и представлений самой молодёжи) о жизненном успехе молодых людей, понимании его как увлечённости делом, удовольствия от жизни и, во-вторых, *несовпадение* только по параметру «счастливая семья» (что можно объяснить возрастом молодых и «откладыванием» семейного благополучия). Те же тенденции наблюдаются во временной перспективе. В частности, «через 10 лет» подавля-

ющее большинство родителей и молодых людей (88% и 83%) считают «обязательным» саморазвитие, наличие образования, возможность гордиться своей компетентностью; наличие семьи и детей представляется «обязательным» только 60% молодых людей (и 87% родителей); мнения относительно «обязательности» в будущем высокой материальной обеспеченности и престижной, статусной работы в выборках обоих поколений похожим образом разделились (рис. 2).

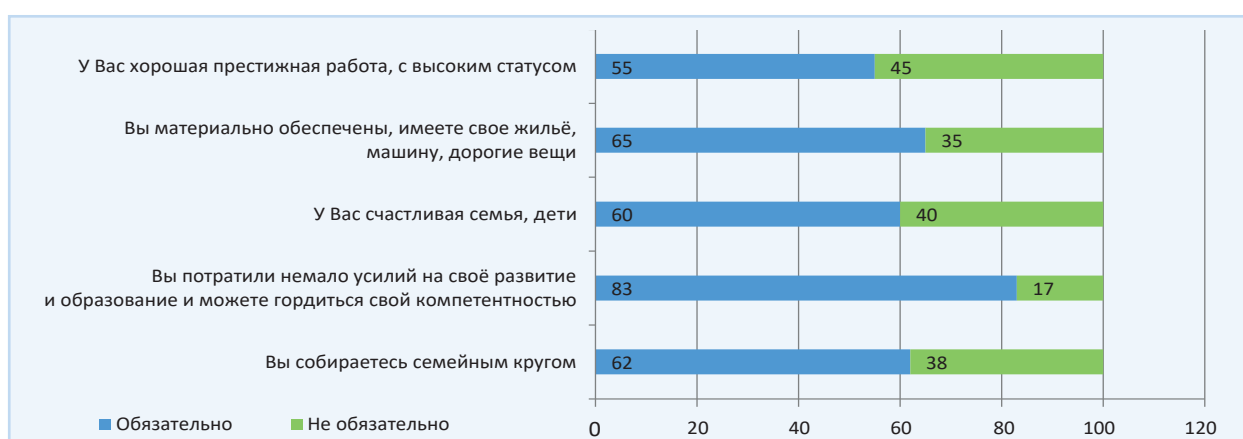
В профессиональной сфере межпоколенная преемственность в ожиданиях родителей выражена противоречиво. Среди главных мотивов как собственной профессиональной деятельности, так и профессиональной деятельности своих детей родители указывают увлечённость делом и материальное вознаграждение (показатель сопряженности $c_2 = 2368,81$, $p = 0000$), однако считают, что молодым людям сегодня следует больше ориентироваться на возможности профессионального роста и развития (рис. 3).

В ситуации *жизненного выбора* (семья—работа) 56,9% родителей сделали бы выбор в пользу сохранения семьи (за выбор работы — 43,1%) и своим детям посоветовали бы поступить сходным образом (54,9% и 48,6% соответственно), сопряжённость ответов имеет максимальную значимость ($c_2=44,024$, $p=0,000$). Вместе с тем родители (особенно с высшим образованием) всё чаще делегируют своим детям самостоятельность в выборе уровня и направленности образования (62,5%), отмечают важность увлечённости детей избранным делом (так, 94,4% родителей положительно ответили на вопрос: «Вы бы поддержали своих детей, если бы они поняли, что ошиблись с выбором профессии и решили начать всё сначала: сменить профессию, поступить на другую программу обучения?»).

Таким образом, представления родителей о желаемой модели профессионального выбора детей отличаются от их собственной именно возможностью пробо-

а) в идеальных представлениях родителей

б) в представлениях самих молодых людей

Рис. 2. Представления разных поколений о жизненных моделях молодых людей во временной перспективе (%)

вать себя в разных сферах, получением удовольствия от работы, что почти полностью совпадает с представлениями самих детей. Очевидно, *старшее поколение позитивно воспринимает открывшиеся перед молодыми людьми возможности, которых не было у них самих, и хотело бы, чтобы эти возможности были использованы. Можно заключить, что в современных изменившихся условиях жизни межпоколенная трансмиссия (передача собственных моделей) в профессиональной сфере снижает свою роль.* Полученные результаты подчёркивает динамичный характер жизненных моделей (возможность их изменения в течение жизни). Содержание жизненных моделей старшего поколения отражает трансформацию во взглядах и установках родите-

лей, которые они подкрепляют убеждениями, что «жизнь изменилась, и сегодня надо соответствовать времени». Поэтому и сами родители в планировании жизни (не только детей, но и своей) больше ориентированы на настоящее, а не на своё прошлое.

В сфере семейных отношений многие изучаемые позиции сходны. Родители считают важными, как в собственной семье, так и в будущей семье детей, поддержку и надёжность супруга (64,9% и 39,2% соответственно), общность интересов и жизненных ценностей (22,7% и 40,5%), любовь и симпатии (16,2% и 18,9%), сходство семейного уклада родительской семьи (1,8% и 3,6%); сами молодые люди называют те же основания выбора будущего супруга. Трансмиссия

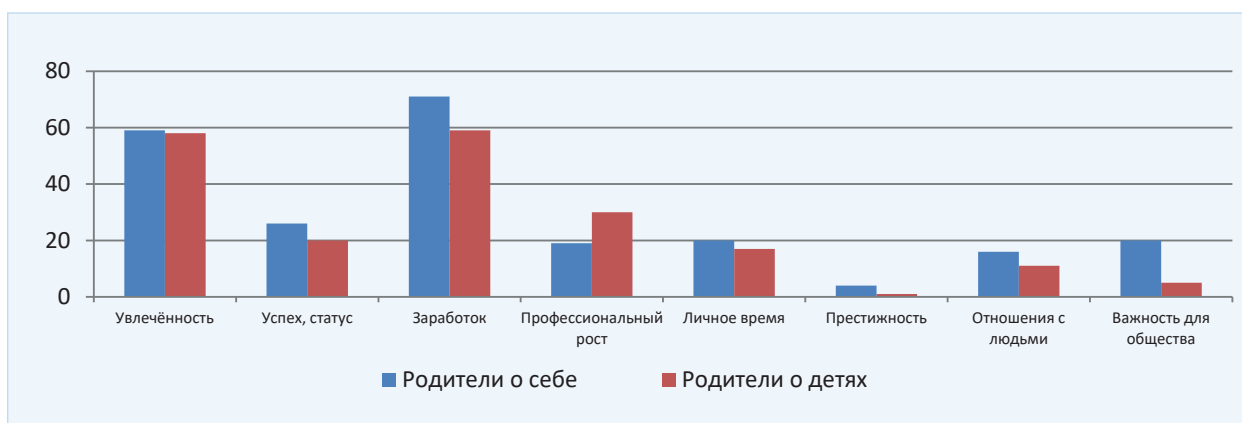

Рис. 3. Представления старшего поколения о мотивах профессиональной деятельности в собственной жизни и в «идеальных» жизненных моделях своих детей (%; множественный выбор)

(в плане ожидания от детей повторения собственной жизненной модели в этом вопросе) очень высока (сопряжённость ответов $s_2 = 33,405$; $p = 0,000$). Высокая сопряжённость проявляется и в вопросах о распределении обязанностей по принятию решений в семье (более всего в обоих поколениях представлены равноправные позиции). *Иными словами, межпоколенная трансмиссия продолжает играть в сфере выстраивания близких отношений значительную роль.*

Важно отметить, что, несмотря на сходство жизненных моделей родителей и молодых людей в сфере отношений, около 40% опрошенных родителей не хотели бы повторения собственной семейной жизни в будущей семье своих детей (сопряжённость этого вопроса с семейным статусом родителя не значима). Одновременно 55% молодых людей демонстрируют нежелание повторять семейную жизнь своих родителей. Таким образом, сохранение процессов межпоколенной трансмиссии сопровождается эмоциональным неприятием частью молодых людей сложившихся отношений внутри родительской семьи.

Две трети родителей (69,9%) убеждены в полезности передачи их жизненного опыта детям и треть (30,1%) думает, «жизнь так поменялась, что жизненный опыт родителей мало чем может быть

полезен детям». Подавляющее большинство (96,4%) родителей указали, что дети «довольно часто» или «время от времени» обращаются за советом, поскольку доверяют их опыту (40,54%), рассчитывают на их помощь (41,44%), действительно не знают, как поступать (13,5%) и привыкли перекладывать проблемы на родителей (4,5%).

Включённость родителей в жизнь молодых людей, которая старшим поколением рассматривается как позитивный фактор, имеет неоднозначное влияние на структуру и содержание жизненного сценария. Исследование типов жизненных моделей молодёжи показало, что близость с родительской семьёй в большей степени способствует воспроизведению жизненных моделей старших поколений, но не полностью определяет её. Часть респондентов (2-й кластер) максимально ориентирована на воспроизведение жизненных моделей родителей, хотя по сравнению с другими молодыми людьми (4-й и 6-й кластеры) демонстрирует наименьшую близость с родительской семьёй. Аналогично молодые люди 6-го кластера, характеризующие отношения с родителями как максимально близкие, выражают желание активно вкладываться в жизнь, повышать свою компетентность, заниматься интересным делом.

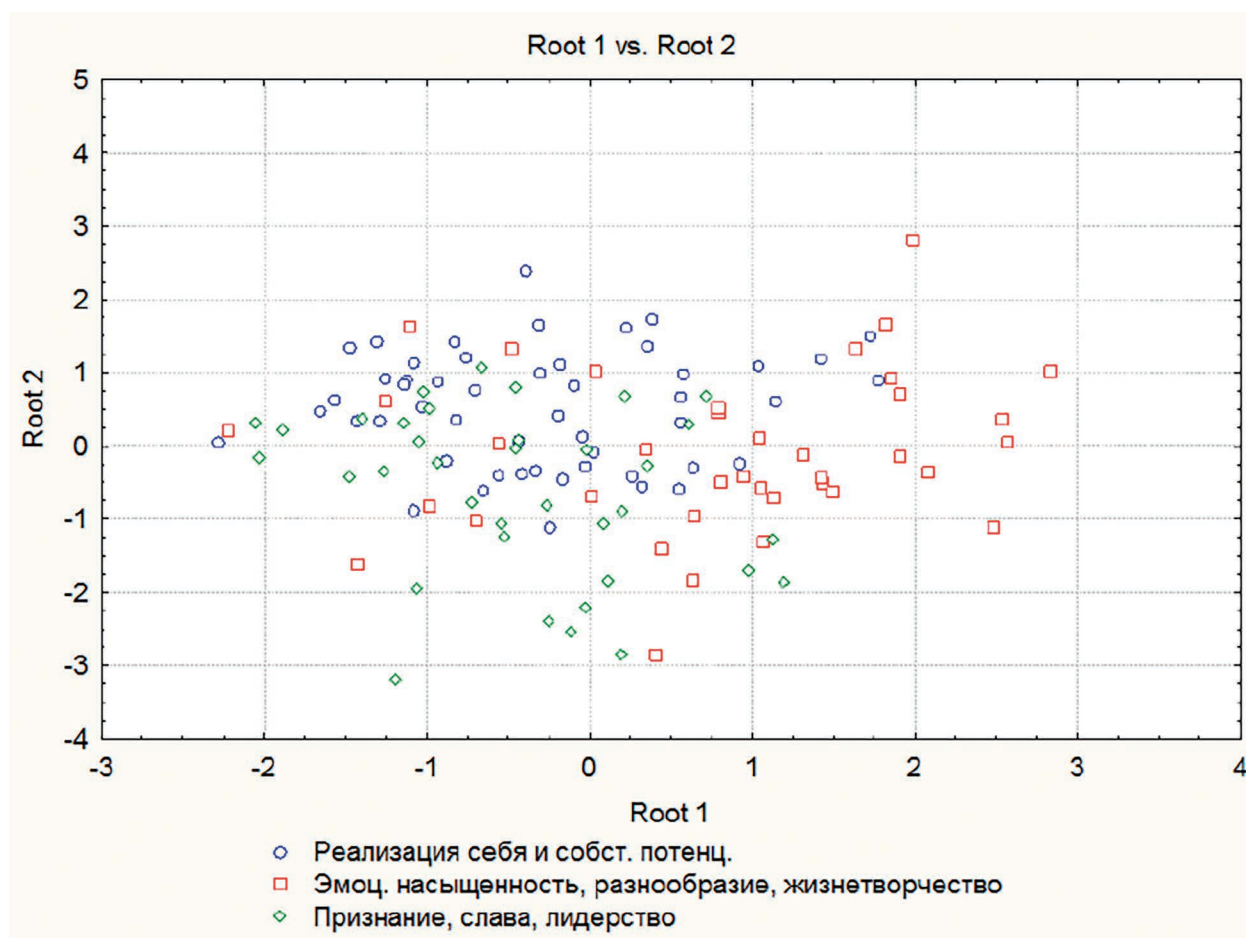

Рис. 4. Диаграмма локализации кластеров на основе дискриминантных функций

Наиболее ярко неоднозначное влияние механизмов межпоколенной трансмиссии проявилось по результатам дискриминантного анализа жизненных моделей (рис. 4).

Выделены две дискриминантные функции — «Автономия и открытость опыту» (Wilks' Lambda — 0,626, Chi-Sqr = 54,788, $p = 0,0001$) и «Ориентация на себя и свои интересы» (Wilks' Lambda — 0,812, Chi-Sqr = 24,323, $p = 0,007$). Установлено, что даже в инновационных жизненных моделях прослеживаются варианты жизненного сценария, обусловленные разной степенью близости с родительской семьёй. Выстраивание жизненного сценария по варианту «Эмоциональная насыщенность жизни, разнообразие и жизнелюбие» определяется высоким уровнем автономии от родительской семьи и открытости новому опыту (доминирование дискриминативных функций, раскрывающих высо-

кую социальную активность — ориентацию на успешных людей, нацеленность на результат, успех и получение удовольствия от жизни). Становление жизненного сценария по варианту «Реализация себя и своего потенциала» прямо противоположно по своей детерминации. Ведущую роль играет близость с семьёй, социальная сдержанность, закрытость (отрицательные значения по первой функции) и направленность на интересное дело, ориентация на свои интересы (положительные значения по второй функции). Третий вариант, относящийся к консервативному типу жизненного сценария, — «Признание, слава, лидерство», имея локализацию в зонах отрицательных значений по обеим функциям, свидетельствует о зависимости, направленности на себя, о приоритете традиционных внешних атрибутов (успех, признание), нежели саморазвития.

Таким образом, близость с родительской семьёй может быть источником трансляции как консервативных жизненных установок, так и поддержки изменений. Сравнение жизненных моделей молодых людей, проживающих в крупных и малых городах России, показало, что активная включённость родителей в жизнь юношей в небольших городах и девушек в мегаполисах способствует формированию традиционного жизненного сценария, ориентированного на построение отношений и ценность семьи. Молодые люди, ориентированные на признание и славу, готовы повторить путь самого успешного члена семьи, хотели бы быть похожими на него. Жизненный успех одного из родителей часто воплощается в установке молодого человека на признание и лидерство ($B = 0,158$; $p = 0,077$). Близость с родителями, но невысокая включённость родителей в жизнь молодых людей из небольших городов коррелирует с активной жизненной позицией юношей, их готовностью к самореализации, уверенностью в своих силах, открытостью новому опыту. Кроме того, близость с родительской семьёй взаимосвязана с жизненной моделью, ориентированной на реализацию своего потенциала через любимое дело ($B = 0,214$; $p = 0,017$). Дистанцированность и автономность от родительской семьи способствуют ориентации на карьерный рост, статус и материальный достаток у девушек из небольших городов и юношей из мегаполиса.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что старшее поколение транслирует не только консервативные установки и ценности, но и «новый» взгляд на жизнь, связанный с изменяющимся миром и невозможностью полностью жить в нём по устоявшимся эталонам. Тем не менее именно влияние старших поколений можно рассматривать как основной источник сохранения традиционных представлений и установок в отношении собственного жизненного сценария у молодых людей.

III. Особенности трансляции элементов жизненных моделей на интернет-ресурсах и в социальных сетях

Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о высокой роли цифрового пространства в жизни молодых людей. Социальные сети стали не просто инструментом общения и выражения собственного мнения, но и площадкой для трансляции убеждений, образа жизни, идей, жизненных целей [19, 20]. Внутрипоколенная коммуникация и интернет-среда активно продвигают ценности нового времени, ориентируя подрастающее поколение на определённые цели и действия. С этой точки зрения она в первую очередь выступает источником новизны по отношению к консервативным взглядам старшего поколения и сложившимся традициям.

Результаты исследования смысловых единиц, которые относятся к основным сферам жизнедеятельности, характеризующим жизненные модели молодых людей в популярных молодёжных сетевых ресурсах, выявили наиболее частые упоминания увлечённости, хобби, самореализации, т.е. видов деятельности, раскрывающих сферу саморазвития (52,5% от всех зафиксированных смысловых единиц). Большой объём, наличие визуального и эмоционально окрашенного контента определяют значительное влияние этих сетевых эталонов на формирование жизненных моделей молодёжи в сфере «Я».

Семантическое пространство, связанное с ключевым словом «работа» (процент упоминания в тексте – 11%), представлено наиболее широко и разнообразно. *Сравнение сетевого контента и собственных убеждений молодых людей в выстраивании жизненных моделей в основных сферах жизнедеятельности (по результатам опросника «Жизненные модели») свидетельствует об их высокой сопряжённости.* В частности, это проявляется в насыщенности ленты пользователей объявлениями о профес-

Рис. 5. Соотношение зафиксированных индикаторов изучаемых параметров жизненных моделей по результатам анализа персональных страниц молодёжи в соцсети (%; в целом по выборке)

сиональных событиях и новых проектах (больше в крупном городе), о своих профессиональных достижениях, вехах (чаще в небольшом городе). Качественный анализ показывает, что в контенте представлены преимущественно эталоны, отражающие стремление к получению нового опыта, приоритет самореализации в профессии, во многом не совпадающие с традиционными ценностями стабильности, определённости, материальной обеспеченности и др. Значимо чаще преобладают индикаторы активного поведения, направленности на достижение своих целей, инициативы, настойчивости, и реже ($p = 0,023$) представлена пассивная позиция (пусть будет, как будет, я не могу это изменить и т.п.). Однако следует подчеркнуть, что на страницах социальных сетей выявлены и противоположные тенденции: индикаторы пассивной позиции в профессиональ-

ной сфере заняли около 13% упоминаний от общего объёма, что подтверждает неоднородность и вариативность жизненных моделей молодых людей, получающих отражение в Интернете (рис. 5). Обнаружено неоднозначное отношение к вопросу приоритета материального достатка и личного благополучия над другими ценностями (31,9% и 68,1% внутри категории соответственно) и готовности к переменам по сравнению с желанием стабильности (57,6% и 42,4%) при относительно небольшом объёме их упоминаний в целом.

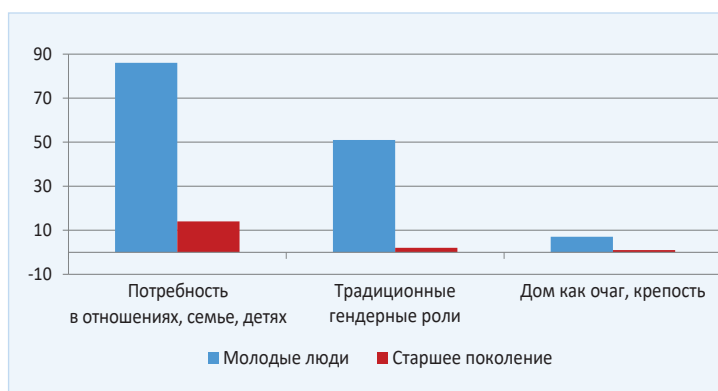
Семантические единицы, относящиеся к «работе», активно взаимосвязаны с информационными полями «семья», «образование», «отношения» и «достижения», т.е. посты, содержательно описывающие профессиональную сферу в социальных сетях, являются аттракторами для молодых людей и несут наибольшую инфор-

мационную нагрузку в конструировании жизненных сценариев через интернет-коммуникацию сверстников.

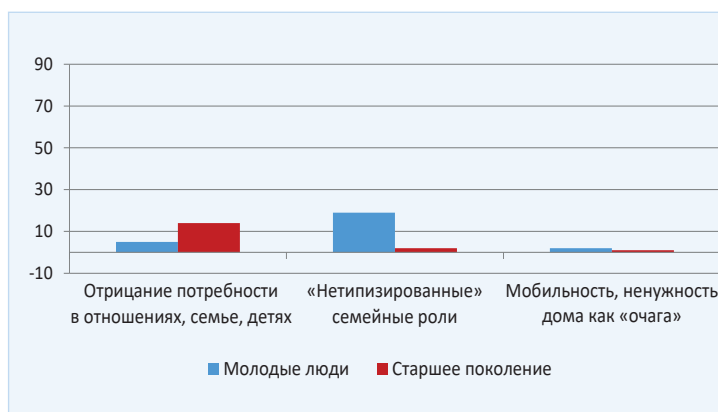
Таким образом, в профессиональной сфере интернет-контент в большей степени отражает трансляцию не установок традиционного сознания, а тенденций, свойственных молодёжной субкультуре и поколению молодых людей (стремление к новому опыту, мобильности, пробы себя).

Семантические пространства «отношения» и «семья» в молодёжном контенте разделены. Поле «отношения» (6,3%) наиболее часто раскрывается во взаимосвязи со смежными словами, характеризующими необходимость «вкладываться» в их построение (5,2%), и негативными характеристиками (2,7%), например, сложные, неудачные, страдания и др.; при этом число упоминаний дружеских отношений по ключевому слову «отношения» значительно больше, чем романтических:

Контент транслируемой в социальной сети информации о семье (процент упоминания в тексте по ключевому слову «семья» – 4,6%) насыщен психоэмоциональной составляющей, ориентирован на создание и поддержание отношений, описание спектра семейных связей (взаимоотношений между членами семьи – 3%) и места (дом, квартира – 1,6%). Качественный анализ показал преобладание традиционных семейных ценностей (семья, дети, распределение семейных прав и обязанностей, свой комфортный дом) по сравнению с так называемыми «новыми» ценностями (постами о желаемом одиночестве, отрицании необходимости создания семьи; о семейных ролях, свободных от традиционных представлений) (86,1% и 13,9% внутри категории соответственно) (рис. 6).

а) традиционные семейные ценности

б) «новые» семейные ценности

Рис. 6. Количество упоминаний индикаторов отношения к семейным ценностям у молодого и старшего поколения (по результатам анализа персональных страниц в социальной сети; частоты)

При относительно редких в целом упоминаниях об отношениях с родительской семьёй (15% от общего количества текстовых и визуальных смысловых единиц) в персональных аккаунтах представителей разных поколений преимущественно описываются модели, включающие доверие и поддержку семьи как фактор уверенности молодого человека в себе. Зафиксировано лишь незначительное число проявлений других вариантов: близости как зависимости от родителей, близости с родителями при предоставлении самостоятельности детям (чаще в выборке старшего поколения), автономии как отчуждённости от семьи (рис. 7). В целом можно говорить о высокой доле традиционных представле-

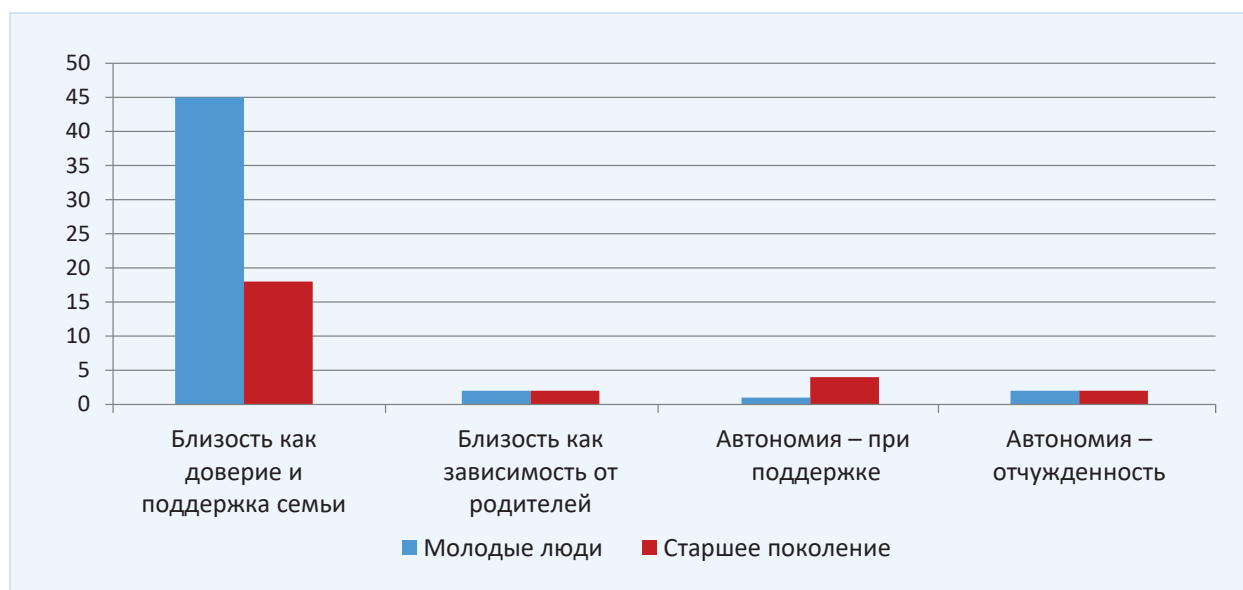

Рис. 7. Количество упоминаний индикаторов характера отношений «родители—дети» у молодого и старшего поколений (по результатам анализа персональных страниц в социальной сети; частоты)

ний об отношениях, о значимости дружбы и любви, консервативных критериях выбора супруга (супруги) и поддержания семейных связей. Таким образом, в сфере отношений формирование жизненных моделей молодёжи проходит под значимым влиянием межпоколенной, родительской трансмиссии. Данная тенденция усиливается в зависимости от города проживания (крупный или малый город России).

Проведённый анализ подтверждает предположения о том, что «вклад» меж- и внутрипоколенной трансмиссии в разных сферах является сочетанным. Это отражает многомерность жизни современного человека и подверженность влиянию как мнению родителей, так и сверстников в цифровом пространстве. При этом сфера саморазвития и профессиональная сфера в большей мере находятся под воздействием эталонов современной жизни, атмосферы времени (мобильность, активность, изменения), транслируемых в интернет-ресурсах (причём обоими поколениями), а сферы близких отношений и образования отражают в большей мере доминирование механизмов вертикальной трансмиссии (воспроизведе-

ние традиционных ценностей, культурных образцов и установок).

Выводы

Результаты проведённых эмпирических исследований позволили подтвердить теоретические положения, на которых основывался научный проект. Предложенное и эмпирически верифицированное понятие жизненной модели доказало свою эвристичность. Его введение в научный дискурс расширяет понятийный аппарат описания жизненного пути и пространства жизни человека, позволяя учесть процессуальный характер жизненного сценария и вероятностный характер жизненных моделей. Данные, характеризующие соотношение разных жизненных моделей в общей структуре жизненного сценария, раскрывают перспективность понятия жизненной модели в качестве единицы описания многомерного пространства жизни современного человека.

Введение в научный дискурс понятия «жизненная модель» позволяет решать следующие исследовательские задачи: (1) описывать индивидуальный жизненный сценарий человека через соотношение разных

жизненных сфер в их структурных (событийность) и динамических (вовлечённость в реализацию) характеристиках; (2) оценивать соотношение разных жизненных сфер через их согласованность или противоречивость, позволяющих в целом оценивать гармоничность/противоречивость жизненного сценария; (3) оценивать саморе-

ализацию человека в каждой из жизненных сфер через соотношение когнитивных и аффективных установок и поведенческих усилий человека, их согласованность или противоречивость и т.д.; (4) использовать жизненную модель для понимания и изучения жизненных планов и целей человека в будущей временной перспективе и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марцинковская Т.Д. Психология транзитивности: новые тренды и закономерности // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 154–184.
2. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
3. Гришина Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
4. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник СПбГУ. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 341–357.
5. Гришина Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 117–153.
6. Костромина С.Н. Процессуальный подход в психологии // Психология личности. Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 55–83.
7. Kostromina S.N., Grishina N.V. The Dynamic Personality: 'Continuity Amid Change' // Psychology in Russia: State of the Art. 2019 (июнь). Vol. 12. № 2. P. 34–45.
8. Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/732-alyusheva25.html> (дата обращения: 15.01.2021).
9. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html> (дата обращения: 15.01.2021).
10. Осин Е.Н. Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределённости Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.
11. Орёл В.Е., Сенин И.Г. Опросник NEO PI-R. Руководство. Ярославль: Психодиагностика, 2004.
12. Бояринцева А.В. Тест на самоэффективность // Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Изд. Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд. НПО «МОДЕК», 2003. С. 217–219.
13. Бухаленкова Д.А., Карабанова О.А. Особенности самооценки у подростков с разным пониманием успеха // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 148–157.
14. Шварц Ш, Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Журнал Высшей школы экономики. Сер. Психология. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

15. Костромина С.Н., Москвичёва Н.Л., Зиновьева Е.В., Гришина Н.В. Жизненная модель: операционализация конструкта и его эмпирическая валидизация // Психология жизненного пространства: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020.
16. Зиновьева Е.В. Личностные предикторы конструирования жизненных моделей молодыми людьми // Психология жизненного пространства: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. С. 404–421.
17. Доценко А.Е., Зиновьева Е.В. Личностные предикторы конструирования жизненного сценария: самоэффективность молодых людей в связи с жизненной успешностью их родителей // Петербургский психологический журнал. 2020. № 32. С. 97–118. URL: <https://prj.spbu.ru/psy/article/view/289/195> (дата обращения: 15.01.2021).
18. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
19. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федупина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
20. De Kerckhove D., de Almeida C.M. What is a digital persona? // Technoetic arts. 2013. Vol. 11. Pp. 277–287.

ENGLISH

Youth Life Models: Shifts and Traditions

Svetlana Nikolaevna Kostromina — Doctor of Sciences in Psychology, Head of the Department of Psychology of Personality of St. Petersburg State University, head of the project “Youth Life Models: An Intergenerational and Intragenerational Study” (18-013-00599).

E-mail: s.kostromina@spbu.ru

Natalia Vladimirovna Grishina — Doctor of Sciences in Psychology, Professor at the Department of Psychology of Personality of St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Natalya Lvovna Moskvichyova — Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology of Personality of St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: nmoskvicheva11@yandex.ru

Elena Viktorovna Zinovyeva — Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology of Personality of St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: e.zinovieva@spbu.ru

The paper presents the findings of theoretical and empirical studies devoted to the development of the human “life model” construct, introduced to specify the concept of the life scenario and considered as its fragment in a particular area of life. The authors highlight that the life models are of a dynamic nature, being a process of individual self-fulfillment in different areas of life, determined by the individual's activity in addressing the challenges of life. The study uses: (1) the authors' questionnaire “Life Models”, empirically tested for three groups: youth, older generation, high school students; (2) automated semantic analysis of Internet resources and content analysis of online accounts of young people and older generation; (3) a set of techniques for personality assessment, including Big Five (T. Costa, R. McCrae), value orientations survey (Schwartz), self-efficacy questionnaire (J. Maddux, M. Scheer).

A series of empirical studies (involving 2,281 respondents aged 19 to 55 from various Russian cities) described the variations of life models in the professional area, close relationships,

and the area of self. The study indicates that they are based on traditions that meet the conservative perspective and on the trends of social changes, i.e., increasing demand for flexibility and mobility, increasing opportunities for education, development, and self-fulfillment. The combined effect is evident in the diversity of life models.

Social transformation unevenly affects the life plan of young people, leaving some areas of life to be more conservative (the area of close relationships) and adapting other areas to the spirit of time (the professional area). The older generation serves as the source of preservation of traditions in youth's building of the life scenario, while peers and the digital space contribute to its transformation. The study confirms the promising nature of the concept of life model as a unit of description of the multidimensional space of life of a modern person.

Keywords: life journey, life scenario, life model, youth, intergenerational and intragenerational transmission, Internet content, personal predictors

REFERENCES

1. Martsinkovskaya T.D. Psikhologiya tranzitivnosti: novye trendy i zakonomernosti // Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii / Pod red. N.V. Grishinoj. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. S. 154–184 (in Russian).
2. Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016 (in Russian).
3. Grishina N.V. Problema kontseptualizatsii konteksta v sovremennoi psikhologii // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 3. S. 10–20 (in Russian).
4. Kostromina S.N., Grishina N.V., Zinov'eva E.V., Moskvicheva N.L. Zhiznennaya model' kak konstrukt izucheniya zhiznennogo stsenariya lichnosti // Vestnik SPbGU. Psikhologiya. 2018. T. 8. Vyp. 4. S. 341–357 (in Russian).
5. Grishina N.V. Protsexual'nii podkhod v psikhologii lichnosti // Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii / Pod red. N.V. Grishinoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. S. 117–153 (in Russian).
6. Kostromina S.N. Protsexual'nii podkhod v psikhologii // Psikhologiya lichnosti. Prebyvanie v izmenenii / Pod red. N.V. Grishinoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. S. 55–83 (in Russian).
7. Kostromina S.N., Grishina N.V. The Dynamic Personality: 'Continuity Amid Change' // Psychology in Russia: State of the Art. 2019 (iyun'). Vol. 12. № 2. P. 34–45.
8. Alyusheva A.R. Ovladenie repertuarom kul'turnykh zhiznennykh stsenariev kak faktor razvitiya makrostruktury avtobiograficheskoi pamyati // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5. № 25. S. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/732alyusheva25.html> (data obrashcheniya: 15.01.2021) (in Russian).
9. Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mikhailova K.S. Kul'turnii zhiznennii stsenarii kak dinamicheskaya semanticheskaya struktura (re)organizatsii individual'nogo zhiznennogo opyta // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5, № 25. S. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html> (data obrashcheniya: 15.01.2021) (in Russian).
10. Osin E.N. Faktornaya struktura versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelyonnosti D. MakLeina // Psikhologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 65–86 (in Russian).
11. Oryol V.E., Senin I.G. Oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo. Yaroslavl': Psikhodiagnostika, 2004 (in Russian).

12. Boyarintseva A.V. Test na samoeffektivnost' // Psikhologiya razvitiya konkurentosposobnoi lichnosti. M.: Izd. Mosk. psikhologo-sotsial'nogo in-ta; Voronezh: Izd. NPO "MODEK", 2003. S. 217–219 (in Russian).
13. Bukhalenkova D.A., Karabanova O.A. Osobennosti samootsenki u podrostkov s raznym ponimaniem uspekha // Natsional'nii psikhologicheskii zhurnal. 2018. № 3 (31). S. 148–157 (in Russian).
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnyonnaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennosti: primeneniye v Rossii // Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. Ser. Psikhologiya. 2012. T. 9. № 1. S. 43–70 (in Russian).
15. Kostromina S.N., Moskvichyova N.L., Zinov'eva E.V., Grishina N.V. Zhiznennaya model': opsionalizatsiya konstrukta i ego empiricheskaya validizatsiya // Psikhologiya zhiznennogo prostranstva: teoriya i fenomenologiya / Pod red. N.V. Grishinoy, S.N. Kostrominoy. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2020. (in Russian).
16. Zinov'eva E.V. Lichnostnye prediktory konstruirovaniya zhiznennykh modelei molodymi lyud'mi // Psikhologiya zhiznennogo prostranstva: teoriya i fenomenologiya / Pod red. N.V. Grishinoy, S.N. Kostrominoy. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2020. S. 404–421 (in Russian).
17. Dotsenko A.E., Zinov'eva E.V. Lichnostnye prediktory konstruirovaniya zhiznennogo stsena-riya: samoeffektivnost' molodykh lyudej v svyazi s zhiznennoi uspeshnost'yu ikh roditelei // Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal. 2020. № 32. S. 97–118. URL: <https://ppj.spbpo.ru/psy/article/view/289/195> (data obrashcheniya: 15.01.2021) (in Russian).
18. Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M. Preadaptatsiya k neopredelennosti kak strategiya navigatsii razvivayushchikhsya sistem: marshruty evolyutsii // Voprosy psikhologii. 2017. № 4. S. 3–26 (in Russian).
19. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie // Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. T. 10. № 2. S. 98–121 (in Russian).
20. De Kerckhove D., de Almeida C.M. What is a digital persona? // Technoetic arts. 2013. Vol. 11. Pp. 277–287.

Индекс УДК 159.9

Код ГРНТИ 15.21.41, 15.41.39

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-99-108

Р.М. ШАМИОНОВ*

Дискриминационные установки: характеристики и факторы

В статье рассматриваются результаты исследований дискриминационных установок, их признаков и факторов. Привлечены эмпирические данные, свидетельствующие о многовекторности дискриминационных установок, их сопряжённости и ситуативной напряжённости. Выявлена четырёхкомпонентная структура признаков дискриминации, отличная от распространённых в европейской части континента и свидетельствующая о наличии особой группы признаков (по признаку социальной состоятельности). Установлена многоуровневая детерминация дискриминационных установок со стороны характеристик личности и общественной идеологии. Сделаны выводы о перспективных направлениях исследований дискриминационных установок.

Ключевые слова: личность, установка, дискриминация, предубеждение, факторы

Существование дискриминационных установок личности в современном обществе является неминуемым его атрибутом. Это связано с рядом, казалось бы, парадоксальных явлений, несущих в себе множество противоречий. С одной стороны, дискриминационные установки в значительной степени усиливают очаги напряжённости в обществе и создают предпосылки для формирования конфликтных отношений между различными группами и тем самым тормозят социальное творчество

и активность населения, подавляя возможности развития инициативы и образования «точек роста» в различных сферах экономики, политики, права и пр. С другой — противоречат целям общества как открытого, свободного и толерантного социального образования, способного к саморазвитию и способствующего прогрессу нравственности и ценностей. Вместе с тем дискриминационные установки всё ещё являются средством консолидации ин-групп, что используется не только лидерами мар-

* **Шамионов Раиль Мунирович** — доктор психологических наук, профессор, зав.кафедрой Социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, руководитель проекта «Дискриминационные установки личности в современном обществе и условия их преодоления» (18-013-00094).

E-mail: shamionov@mail.ru

гинальных групп, но порой даже официальной властью, — это можно наблюдать в ряде обществ со «становящейся государственностью».

Всё это требует определения содержания дискриминационных установок по различным признакам (этническим, гендерным, возрастным, физическим, в т.ч. по внешнему виду, болезни и т.д.), выявления закономерностей их формирования, а также наиболее важных факторов их поддержки.

Дискриминационная установка определяется как предрасположенность личности к поведению, направленному на ограничение активности и лишение определённых прав других людей, основанная на предыдущем опыте социализации, регулирующая целостное отношение и поступки человека к представителям аутгрупп [1].

Проблема поддержки дискриминационных установок является весьма актуальной в различных обществах и наиболее значительно она проявляется применительно к людям с иными, нежели у большинства, признаками. Как показано в исследовании Л.Е.Тарасовой [2], их специфика может быть связана с чем угодно — сферой труда, расой, политическими или религиозными предпочтениями и пр. Пожалуй, наиболее изучена в социальной психологии часть инаковости, связанная с этническими и расовыми признаками. Эти исследования оказались более актуальными в связи с процессами глобализации, вынужденной и трудовой миграцией и потребностью многих стран в восполнении трудовых ресурсов, а также с развитием идей равенства. Поэтому ряд исследований в этнопсихологии стали драйверами изучения проблемы дискриминационной установки как социально-психологического явления, относящегося не только к отражению этнической или расовой инаковости, но и любой инаковости, вызывающей напряжение, стремление каким-то образом оказать негативное воздействие на субъекта — её

«носителя» и распространить негативное отношение на всю группу её представителей. Наши исследования базировались на этих и других работах, но, прежде всего, исследованиях социальных психологов [3–17].

На основе теоретических исследований, проведённых в ряде работ [1, 16, 18], можно сделать вывод о сопряжённости различных дискриминационных установок. Поэтому следует говорить о том, что это синтетическое образование, имеющее базовую идейную (ценностную) составляющую, и известные механизмы формирования дискриминационных установок обладают схожими чертами. Такая позиция нашла и эмпирическую поддержку. Так, в результате проведённого нами эксплораторного и конфирматорного факторного анализа подтверждена четырёхфакторная структура дискриминационных установок по признакам дискриминаций. Она включила социально незащищённые, диссидентские, аутсайдерские и социально-статусные группы [19]. По своей сути такая структура говорит о совместной изменчивости дискриминационных установок в отношении представителей определённых групп. Это значит, что действие дискриминационной установки по какому-либо признаку ведёт за собой её реализацию и по другому, близкому в структуре признаку.

Признаки дискриминации

Признаки Другого, «включающие», действующие или актуализирующие действие дискриминационных установок, могут различаться в зависимости от того, каковы общественные «запросы» на дискриминацию. Они весьма важны для понимания того, в какой области взаимоотношений между людьми в обществе имеются напряжение и конкуренция. Несмотря на то, что более выражены абсолютные значения таких признаков, как необычное поведение, эмоциональные проявления, чужой язык и необычная одежда [19, 20], их содержание может кардиналь-

но различаться по объёму вкладываемого смысла дискриминационной дифференциации. На основе ассоциативного исследования [20] выявлены содержательные характеристики каждого из дискриминационных признаков. Из этого исследования следует, что дискриминационная дифференциация связана с такими признаками, как необычное поведение, ассоциированное с опасностью для окружающих, сравнения в пользу себя («он делает что-то хуже, чем я»), ассоциированного с негативными характеристиками по отношению к труду, людям и результатами сравнения в пользу Другого, наделённого приспособляемостью и изворотливостью.

Вместе с тем дискриминация по внешним признакам и проявлениям Другого согласуется с дискриминацией и конкретных групп, и сфер жизни, где предубеждения проявляются в значительной степени [19]. Это значит, что данные признаки являются своеобразными сигналами для задействования имеющихся негативных образов.

Аффективные характеристики и личностные факторы дискриминационной установки

Аффективная оценка Другого, основанная на известных принципах социального сравнения, категоризации и установления порядка, является важной составляющей процесса выработки определённого отношения к Другому, выраженная в социальной установке. «Эмоциональный» механизм формирования социальной установки вообще и дискриминационной в частности определялся в ряде исследований [7, 8, 21, 22]. Эмоциональная насыщенность дискриминационной установки, очевидно, является также её показателем, определителем.

В исследованиях Е.Е.Бочаровой установлены содержательные характеристики аффективно-оценочного компонента дискриминационных установок. В частности, показано, что различные признаки действия дискриминационных установок характе-

ризуются проявлением эмоций негативной валентности. Так, стремление к равенству возможностей бездомных, лиц с психическими расстройствами, представителей иных этнических групп, пенсионеров вызывает тревогу; внешне непривлекательные и преуспевающие Другие вызывают отвращение; выраженность «иных» признаков мигрантов, этногрупп и приверженности к определенной религии вызывает страх; брезгливость к представителям иных этнических групп, конфессий и физически непривлекательным людям вызывает проявление готовности к увеличению социальной дистанции во избежание возможных проблем и неприятностей [23].

Между тем, переживание субъективного благополучия-неблагополучия также отражается на интенсивности дискриминационных установок. В частности, установлено, что неудовлетворённость жизнью связана с усилением интенсивности дискриминационных установок по отношению к представителям групп Других с фиксацией на их некоторых привилегиях, а также готовности к осуждению, ограничению их «свободного» поведения в общественных местах [24]. Иначе говоря, здесь может срабатывать механизм социального сравнения, совсем необязательно затрагивающего актуальные бытийные характеристики, но некие принципы социальной справедливости или ценности.

Важнейшим фактором напряжённости дискриминационных установок также являются стабильные черты личности. В исследовании Н.В.Усовой, в частности, установлено, что оценка своей подверженности дискриминации и оценка своего дискриминационного поведения по отношению к другим связаны с разными характеристиками личности. Подверженность дискриминации связана с доверчивостью, самостоятельностью, не критичным отношением к себе, спокойствием; дискриминационное поведение связано с конкретностью мышления, беспринципностью, напряжённостью и гипертимностью [25].

Из этих данных следует, что поддержка дискриминационных установок может быть связана с разными подструктурами личности.

Вместе с тем наиболее предпочтительные модели поведения могут тоже соотноситься с дискриминационными установками. Паттерны поведения могут способствовать поддержке этих установок. Значительный шаг в изучении этого вопроса предпринят М.В. Григорьевой. Ею установлено, что стремление к сотрудничеству достоверно снижает силу предубеждений к мигрантам, политикам и людям с высокими доходами; соперничество, напротив, способствует дискриминационным установкам по отношению к этническим группам, представителям других религий, иной социальной общности, жертвам преступлений, представителям молодёжных субкультур; стратегия избегания оказывается в этой ситуации наиболее противоречивой, так как положительно связана с предубеждениями по отношению к мигрантам, людям с физическими недостатками, детям и подросткам, представителям другой социальной общности, людям с низкими доходами, и отрицательно — с предубеждениями по отношению к жертвам преступлений и физически непривлекательным людям; зависимая и агрессивная стратегии положительно, а подчинённая — отрицательно связаны с различными предубеждениями [26]. Таким образом, модели поведения могут служить факторами поддержки дискриминационных установок личности по отношению к представителям различных аутгрупп.

Наши исследования также указывают на наличие знаковых, смысловых образований личности, являющихся катализаторами актуализации дискриминационных установок по отдельным признакам. Нами установлено, что ценности определяют формирование от 4% (эмоциональные проявления) до 30% (поведенческие проявления) типов дискриминационных установок по внешним признакам дру-

гого человека. Ценности также объясняют формирование 19% типов дискриминационных установок по физической непривлекательности [19].

Структурная модель, построенная на основе полученных данных, подтверждает гипотезу о том, что отдельные группы ценностей «специализируются» в детерминации определённых типов дискриминации Другого по отдельным внешним или поведенческим проявлениям. Так, ценности сохранения и самоопределения детерминируют проявления дискриминации по языку, признакам необычного поведения и физической непривлекательности. Однако их валентность противоположная: ценности сохранения способствуют проявлению дискриминационных установок, а ценности самоопределения, напротив, устраняют или уменьшают выраженность их проявления. Ценности открытости также оказывают негативное влияние на проявления дискриминационных установок (т.е. препятствуют им), но в отношении других признаков цвета кожи, необычной одежды и эмоциональных реакций, а также физической непривлекательности [19]. Иначе говоря, ценности самоопределения и открытости выступают с позиции установления равноправия, а ценности сохранения, — напротив, обострения дискриминационной дифференциации. Эти данные согласуются и с результатами исследований наших коллег и, в частности, с исследованием Дж.С. Синн, где было показано, что ценности определённого рода могут в значительной степени поддерживать предубеждения или препятствовать им [12].

Можно вполне обоснованно утверждать, что сообразно уровню, этапу развития личности дискриминационные установки согласуются с разными личностными образованиями — свойствами личности, стратегиями поведения, собственным опытом подверженности дискриминации, наличием/отсутствием критического социального мышления, убеждениями, ценностными ориентациями (снизу вверх),

но регулируются обратным образом (сверху вниз, компенсируя более ранние закреплённые формы поведения).

Особенности проявлений дискриминационных установок по различным признакам

В результате многочисленных исследований установлено, что отдельные признаки инаковости могут обнаруживать разную степень напряжённости дискриминационных установок. Одними из таких признаков являются этнические и конфессиональные. По данным М.А.Кленовой [27], в трёх этнических группах россиян, не имеющих исторически длительного межэтнического взаимодействия (русские, туркмены, чеченцы), отличия силы дискриминационных установок по отношению к представителям аутгрупп не особо существенны. Однако анализ социальной дистанции между ними даёт достаточно веские основания для вывода о низком общем уровне социально-психологического принятия представителей других групп. При этом конфессиональная близость туркменов и чеченцев не делает их ближе в отношении стимулов родства, дружбы и даже соседства (по Багардусу).

Еще одно исследование — Т.В.Бесковой [28], посвящённое изучению дискриминации по конфессиональному признаку, позволило выяснить ряд важных особенностей установки. Так, автором было выявлено, что с ростом религиозности (в частности, православной) обнаруживается рост толерантности к представителям одних конфессий (католикам, буддистам и мусульманам) и её снижение — к другим (иудеям и атеистам). Наиболее сильно дискриминационные установки православных россиян в целом реализуются в отношении к мусульманам и атеистам. Это связано с приписываемыми им характеристиками (навязывание своих ценностей, нравы, обычаи, агрессивность и пр.) [28].

Между тем, молодёжные выборки демонстрируют более толерантное отноше-

ние к инаковости. Так, Л.Е.Тарасовой показано, что у испытуемых, относящих себя к православной и мусульманской религиозным традициям, не обнаружено ярко выраженных предубеждений и склонности к формированию дискриминационных установок по отношению к представителям различных социальных групп [29]. Необходимо отметить, что ряд результатов исследований [1, 24, 29, 30] подтверждает в целом более толерантное отношение к представителям аутгрупп молодёжи.

Признак дискриминации по возрасту, несмотря на невысокий «рейтинг» среди других признаков, проявляется достаточно часто: подростки и пожилые испытывают, по данным Н.В.Усовой, высокий уровень дискриминации, которая проявляется в несправедливости, лишении их определённых прав, психологическом насилии и характеризуется изменчивостью и стигмами соответственно эпохе жизни — детство, отрочество, старость. В этом исследовании установлено, что дискриминации по возрасту проявляются по-разному в зависимости от возрастного этапа объекта дискриминации. Так, субъективное ощущение дискриминации у детей и подростков поддерживается такими характеристиками отношения, как высказывание в их адрес угроз и замечаний; у пожилых людей — высказываниями в их адрес замечаний, резких выражений, презрения, брезгливости и проявлением общей тенденции избегания взаимодействия с ними [18].

Сильным признаком для дискриминационной установки является демонстрируемая сексуальная ориентация Другого. По данным Т.В.Бесковой, распределение разноmodalного отношения к сексуальным меньшинствам характеризуется сильной поляризацией: число не имеющих неприятия примерно соответствует числу имеющих крайнее неприятие. В соответствии с этими исследованиями, главным фактором актуализации дискриминационной установки является семейный — опасение как за институт семьи

в целом, так и за вовлечение детей. Между тем, исследователем получены данные о силе ряда социально-демографических факторов установки: половой (мужчины испытывают более негативные эмоции), возрастной (установки более сильны у представителей старших поколений), сила религиозных убеждений [30].

Менее сильным, но всё же достаточно весомым признаком дискриминации является также и половой признак. Несмотря на длительную историю строительства гендерного равноправия в нашей стране, и женщины, и мужчины испытывают на себе дискриминационные (гендерные) установки. По данным Т.В.Бесковой, субъективная оценка дискриминации по половому признаку у женщин связана с профессиональной сферой (найм и продвижение по службе, карьерный рост происходят труднее, чем у мужчин), с распределением семейных обязанностей, социальных отношений (проявляющихся в шутках, сарказме, уничижительных высказываниях); у мужчин сфера дискриминации шире, в неё включены семья (меньше прав на ребёнка при разводе, ответственность за материальное обеспечение семьи); личность (мужчина не может проявлять слабость); социум (более поздний выход на пенсию; обязательная служба в армии (в отличие от женщин) и т.п. [31].

Заключение

Проведённые исследования в области дискриминационных установок свидетельствуют о разнообразии признаков дискриминации в современном обществе. Они имеют довольно сложную социо-культурно-историческую детерминацию. Их структура достаточно устойчи-

ва и включает социально незащищённые, диссидентские, аутсайдерские и социально-статусные группы.

Дискриминационные установки представителей различных сообществ обуславливают поведение, направленное против Других, наделяемых каким-либо свойством, атрибутом и тем самым препятствующих их активности в условиях социальных взаимоотношений. Эти установки тормозят интеграцию Других в общество и порой создают невозможную для социальной адаптации ситуацию и социальную напряжённость, которые снижают социальную, культурно-рекреационную, инвестиционную привлекательность государства и тем самым снижают внутреннюю привлекательность страны и общий уровень жизни населения.

В результате анализа эмпирических исследований следует сделать вывод о разнородности детерминации дискриминационных установок: их поддержки или отказа от них. Эти результаты способствуют не только пониманию источников дискриминации представителей аутгрупп, но и выработке средств их преодоления.

Несмотря на большой объём полученного за последнее время фактического материала, остаются вопросы, решение которых является важной задачей ближайшего будущего. Это и восприятие и оценка дискриминируемых лицами установок групп большинства: каковы их источники, на основании каких признаков оценивается ими дискриминация, какова роль самоатрибуции в восприятии притеснения и т.п., и актуализация поддержки дискриминационных установок в разных ситуациях, и латентные установки, действующие компенсаторно и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамионов Р.М. Формирование дискриминационных установок личности в процессе её социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-132>.

2. Тарасова Л.Е. Анализ дискриминационных установок в культурно-историческом контексте // Интернет-журнал «Мир науки». 2018 №2. <https://mir-nauki.com/PDF/75PSMN218.pdf>.
3. Pettigrew T. F. Intergroup contact theory // Annual Review of Psychology. 1988. Vol. 49. № 1. Pp. 65–85. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.49.1.65>.
4. Aboud F.E. Children and Prejudice Social psychology and society. Oxford, 1988.
5. Berry J.W. Diversity and equity // Cross Cultural & Strategic Management. 2016. Vol. 23. № 3. P. 413–430.
6. Duckitt J., Sibley C.G. Personality, ideology, prejudice, and politics: a dual-process motivational model // Journal of Personality. 2010. 78. P. 1861–1894. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x>.
7. Fiske S.T. Stereotype Content: Warmth and Competence Endure. Current directions in psychological science. 2018. Vol. 27 (2), pp. 67–73.
8. Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. № 6. Pp. 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>.
9. McKee I.R., Feather N.T. Revenge, retribution, and values: social attitudes and punitive sentencing // Social Justice Research. 2008. Vol. 21. Pp. 138–163. <https://doi.org/10.1007/s11211-008-0066-z>.
10. Hepworth J. T., & West S. G.. Lynchings and the economy: A time-series reanalysis of Hovland and Sears (1940) // Journal of Personality and Social Psychology, 1988. Vol. 55. No 2. Pp. 239–247. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.55.2.239>.
11. Jones J. Prejudice and racism. New York, 1997.
12. Sinn J. Mapping Ideology: Combining the Schwartz Value Circumplex with Evolutionary Theory to Explain Ideological Differences // Evolutionary Psychological Science, 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 44–57.
13. Tajfel H. Social stereotypes and social groups// Intergroup behavior. Eds J. C. Turner, & H. Giles. Oxford, 1981. Pp. 144–167.
14. Григорьев Д.С. Модель «Контакты-Эмоции-Предубеждения»: роль этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 167–184. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110311>.
15. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Д. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.
16. Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования / Под ред. В.А. Лабунской. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2018.
17. Татарко А.Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 33–43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>.
18. Усова Н.В. Дискриминационные установки по возрасту // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7 (51). С. 82–87.
19. Шамионов Р.М. Детерминанты дискриминационных установок по внешним признакам и проявлениям // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 4. С. 163–179. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130412>.
20. Бочарова Е.Е. Содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных установок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 308–322. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322>.
21. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019.
22. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1977.

23. Бочарова Е.Е. Структурные особенности дискриминационных установок личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 2 (30). С. 146–156. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-146-156>.
24. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь дискриминационных установок и характеристик удовлетворённости жизнью, счастья у представителей молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. Вып. 2 (34). С. 162–169. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-162-169>.
25. Усова Н.В. Анализ характеристик личности как детерминант дискриминационной направленности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 68–72.
26. Григорьева М.В. Соотношение дискриминационных установок личности и стратегий поведения по отношению к дискриминируемым // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 63–68. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-63-68>.
27. Кленова М.А. Этническая специфика дискриминационных установок // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 2 (30). С. 157–162. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-157-162>.
28. Бескова Т.В. Особенности отношения православных россиян к представителям других религий и его мотивы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 11. С. 30–35.
29. Тарасова Л.Е. Анализ дискриминационных установок студенческой молодёжи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-320-325>.
30. Бескова Т.В. Факторы когнитивного и эмоционального компонентов психологического отношения к представителям сексуальных меньшинств в российской городской провинции // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 6. <https://mir-nauki.com/PDF/115PSM618.pdf>.
31. Бескова Т.В. Особенности восприятия субъектом гендерных и возрастных дискриминационных установок по отношению к ним // Человеческий капитал. 2019. № 12 (132). С. 221–228.

ENGLISH

Discriminatory Attitudes: Characteristics and Factors

Rail Munirovich Shamionov – Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development of Saratov National Research State University named after Chernyshevsky, head of the project “Individual discriminatory attitudes in modern society and the conditions to overturn them” (18-013-00094).

E-mail: shamionov@mail.ru

The paper considers the findings of the study of discriminatory attitudes, their characteristics and factors. The author employs empirical data showing the multi-vector nature of discriminatory attitudes, their correlations, and situational tension. The paper reveals a four-component structure of discrimination signs that differ from the ones prevailing in Europe. The structure suggests a special group of signs (on the basis of social status). The author establishes a multilevel determination of discriminatory attitudes by personality traits and social ideology. The paper also includes the conclusion on the promising areas of study of discriminatory attitudes.

Keywords: personality, attitude, discrimination, bias, factors

REFERENCES

1. Shamionov R.M. Formirovanie diskriminatsionnykh ustanovok lichnosti v protsesse ee sotsializatsii // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2018. T. 7. Vyp. 2 (26). S. 129–135. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-132> (in Russian).
2. Tarasova L.E. Analiz diskriminatsionnykh ustanovok v kul'turno-istoricheskom kontekste // Internet-zhurnal "Mir nauki". 2018 №2. <https://mir-nauki.com/PDF/75PSMN218.pdf> (in Russian).
3. Pettigrew T.F. Intergroup contact theory // Annual Review of Psychology. 1988. Vol. 49. № 1. Pp. 65–85. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.49.1.65>.
4. Aboud F.E. Children and Prejudice Social psychology and society. Oxford, 1988.
5. Berry J.W. Diversity and equity // Cross Cultural & Strategic Management. 2016. Vol. 23. № 3. P. 413–430.
6. Duckitt J., Sibley C.G. Personality, ideology, prejudice, and politics: a dual-process motivational model // Journal of Personality. 2010. 78. P. 1861–1894. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x>.
7. Fiske S.T. Stereotype Content: Warmth and Competence Endure. Current directions in psychological science. 2018. Vol. 27 (2), pp. 67–73.
8. Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. № 6. Pp. 878–902. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878>.
9. McKee I.R., Feather N.T. Revenge, retribution, and values: social attitudes and punitive sentencing // Social Justice Research. 2008. Vol. 21. Pp. 138–163. <https://doi.org/10.1007/s11211-008-0066-z>.
10. Hepworth J. T., & West S. G.. Lynchings and the economy: A time-series reanalysis of Hovland and Sears (1940) // Journal of Personality and Social Psychology, 1988. Vol. 55. No 2. Pp. 239–247. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.55.2.239>.
11. Jones J. Prejudice and racism. New York, 1997.
12. Sinn J. Mapping Ideology: Combining the Schwartz Value Circumplex with Evolutionary Theory to Explain Ideological Differences // Evolutionary Psychological Science, 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 44–57.
13. Tajfel H. Social stereotypes and social groups// Intergroup behavior. Eds J. C. Turner, & H. Giles. Oxford, 1981. Pp. 144–167.
14. Grigor'ev D.S. Model' "Kontakty-Emotsii-Predubezhdeniya": rol' etnicheskogo dal'tonizma i vosprinimaemoi etnicheskoi plotnosti // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2020. Tom 11. № 3. C. 167–184. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110311> (in Russian).
15. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri D. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodeistvii v rossiiskom kontekste // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. T. 37. № 2. S. 92–104 (in Russian).
16. Etnolukizm: empiricheskaya model' i metody issledovaniya / Pod red. V.A. Labunskoi. Rostov n/D: Mini Tajp, 2018 (in Russian).
17. Tatarko A.N. Sotsial'nii kapital i akkul'turatsionnye strategii kak faktory sotsiokul'turnoi adaptatsii migrantov iz Tsentral'noj i Srednei Azii v moskovskom regione // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2018. T. 14. № 2. S. 33–43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204> (in Russian).
18. Usova N.V. Diskriminatsionnye ustanovki po vozrastu // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2018. № 7 (51). S. 82–87 (in Russian).
19. Shamionov R.M. Determinanty diskriminatsionnykh ustanovok po vneshnim priznakam i proyavleniyam // Eksperimental'naya psikhologiya. 2020. Tom 13. № 4. C. 163–179. <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130412> (in Russian).

20. Bocharova E.E. Soderzhatel'nye kharakteristiki "predmetnogo polya" diskriminatsionnykh ustanovok // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2018. T. 15. № 3. S. 308–22. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322> (in Russian).
21. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti. M.: Smysl, 2019 (in Russian).
22. Dodonov B.I. Emotsiya kak tsennost'. M.: Politizdat, 1977 (in Russian).
23. Bocharova E.E. Strukturnye osobennosti diskriminatsionnykh ustanovok lichnosti // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2019. T. 8. Vyp. 2 (30). S. 146–156. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-146-156> (in Russian).
24. Bocharova E.E. Vzaimosvyaz' diskriminatsionnykh ustanovok i kharakteristik udovletvorennosti zhizn'yu, schast'ya u predstavitelej molodezhi // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2020. T. 9. Vyp. 2 (34). S. 162–169. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-162-169> (in Russian).
25. Usova N.V. Analiz kharakteristik lichnosti kak determinant diskriminatsionnoi napravlenosti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2019. T. 25. № 4. S. 68–72 (in Russian).
26. Grigor'eva M.V. Sootnoshenie diskriminatsionnykh ustanovok lichnosti i strategii povedeniya po otnosheniyu k diskriminiruemym // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2020. T. 20. Byp. 1. S. 63–68. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-63-68> (in Russian).
27. Klenova M.A. Etnicheskaya spetsifika diskriminatsionnykh ustanovok // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2019. T. 8. Byp. 2 (30). S. 157–162. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-157-162> (in Russian).
28. Beskova T.V. Osobennosti otnosheniya pravoslavnykh rossiyan k predstavityam drugikh religii i ego motivy // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2018. № 11. S. 30–35 (in Russian).
29. Tarasova L.E. Analiz diskriminatsionnykh ustanovok studencheskoj molodezhi // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2019. T. 19. Byp. 3. S. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-320-325> (in Russian).
30. Beskova T.V. Faktory kognitivnogo i emotsional'nogo komponentov psikhologicheskogo otnosheniya k predstavityam seksual'nykh men'shinstv v rossiiskoi gorodskoi provintsii // Internet-zhurnal "Mir nauki". 2018. № 6. <https://mir-nauki.com/PDF/115PSMN618.pdf> (in Russian).
31. Beskova T.V. Osobennosti vospriyatiya sub"ektom gendernykh i vozrastnykh diskriminatsionnykh ustanovok po otnosheniyu k nim // Chelovecheskii kapital. 2019. № 12 (132). S. 221–228 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 903.27(510)

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-109-120

**С.А. КОМИССАРОВ, А.И. СОЛОВЬЁВ,
Д.В. ЧЕРЕМИСИН, М.А. КУДИНОВА***

Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)

Проект направлен на детальный обзор китайских публикаций, посвящённых изучению наскального искусства. Именно петроглифы обладают исключительной информативностью, но в своей массе они плохо известны за пределами Китая. Для российских археологов эти сведения приобретают особую актуальность, поскольку петроглифы Северного, Северо-Западного и Северо-Восточного Китая имеют много общего с наскальным искусством сопредельных территорий Южной Сибири, Монголии и Дальнего Востока.

В статье кратко представлены основные этапы организации экспедиционного изучения наскального искусства Китая и главные полученные результаты; показаны также нереализованные разработки, которые могут послужить основой для будущих экспедиций.

Ключевые слова: петроглифы, писаницы, провинция Ганьсу, Нинся-Хуэйский автономный район, Гуанси-Чжуанский автономный район, экспедиционные исследования

* **Комиссаров Сергей Александрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии (ИАЭт) СО РАН, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, руководитель проекта «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)» (18-09-00557).
E-mail: sergai@mail.ru

Соловьёв Александр Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИАЭт СО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: easolovievy@mail.ru

Черемисин Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАЭт СО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: topsya@bk.ru

Кудинова Мария Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИАЭт СО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Памятники наскального искусства относятся к числу наиболее выразительных и информативных родов археологических источников. Взятые в совокупности, они помогают получить не только вербальное описание, но и визуальное отображение жизни общества ушедших эпох. И в данном аспекте неважно, отражают картины на скалах события земной или небесной жизни, поскольку последняя конструировалась из вполне земных деталей.

Важнейшая характеристика наскальных изображений — то, что они самостоятельно не перемещаются в пространстве. Они позволяют по набору сюжетов и стилистическим особенностям передачи образов фиксировать присутствие тех групп населения, для которых характерна данная изобразительная традиция. Поэтому выделение в их составе эпохальных и региональных стилей представляет значительный интерес для изучения этнокультурной истории. В силу этого изучение петроглифов становится неотъемлемой частью как национальных археологических школ, так и мировой археологии в целом.

В Китае интерес к странным картинкам на скалах проявляли ещё представители традиционной конфуцианской науки. Так, выдающийся географ Средневековья Ли Даюань (472–527) в трактате «Шуй цзин чжу» («Канон вод с примечаниями») достаточно подробно описывает петроглифы, обнаруженные на берегах рек и озёр, — всего 19 местонахождений. Кроме точной (для того времени) фиксации на местности и описаний самих изображений (внешний вид, способ нанесения, сочетание с другими фигурами), Ли Даюань часто даёт характеристику окружающей природной среды, приводит связанные с петроглифами мифы и легенды, описывает обряды, которые на них проводятся. Среди форм отмечены следы рук, отпечатки копыт, резные тигры и лошади, фигуры людей и сверхъестественные персонажи (см.: [1, с. 26]). Но такое

впечатляющее начало не получило дальнейшего развития. Время научной археологии ещё не пришло. Она сформировалась в Китае лишь к концу первой четверти XX в. при активном участии зарубежных специалистов [2, с. 33–37]. Постепенно национальная археологическая школа расширяла свою деятельность, но на протяжении всей первой половины прошлого столетия учёные лишь считанные разы пытались исследовать петроглифы, получив очень скромные результаты. Только после образования Института археологии АН (в настоящее время — АОН) КНР (1950 г.) и создания развитой структуры по охране памятников материальной культуры изучение петроглифов начинает осуществляться на регулярной основе.

Китайские учёные оценили высокую информативность данного рода археологических источников; к тому же у них имеется один важный стимул к их изучению, который практически отсутствует у европейских исследователей. Дело в том, что Китай — страна древней письменности, восходившей к пиктографии. Поэтому многие исследователи пытались рассмотреть в картинках прообразы иероглифических текстов. «Археологический бум», охвативший Китай в последние 25–30 лет, распространился и на изучение наскального искусства. Вся совокупность выявленных памятников была разделена на три большие традиции: северную, юго-западную и юго-восточную, в рамках которых обозначены районы наибольшей концентрации и отдельные наиболее значительные местонахождения петроглифов (такие как Канцзяшимэньцзы, Хэланьшань, Иньшань, Хуашань, Цаньюань и др.) [3, с. 50–108; 4, с. 5–9]. Сведения о них выходят на мировой уровень.

По авторитетному мнению проф. Р.Беднарика [5], самой первой публикацией о китайских памятниках наскального искусства, изданной за пределами Китая, стала статья Ван Ниншэна о петроглифах Юньнани [6]. Здесь мы хотели бы

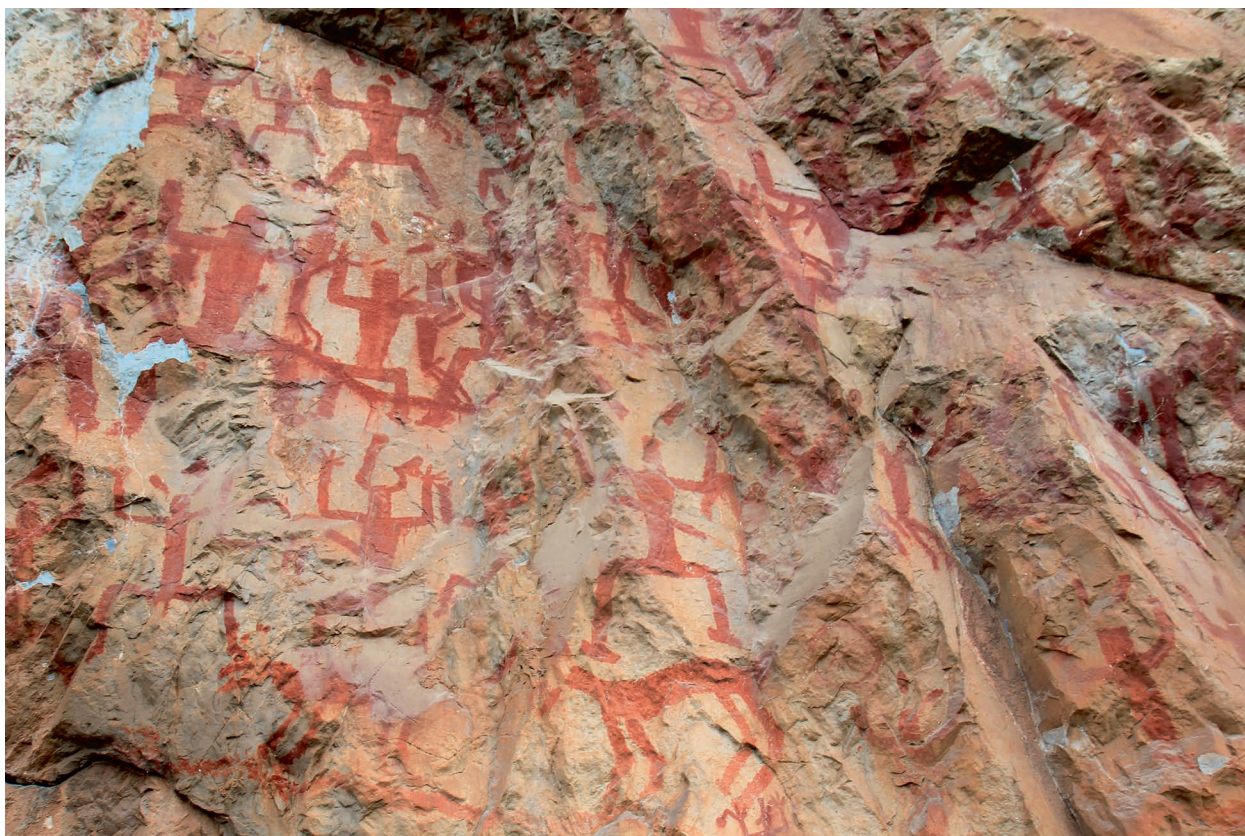

Рис. 1. Писаница Хуашань на берегу р. Минцзян, уезд Нинмин, Гуанси-Чжуанский автономный район. «Адоранты». Фото Д.В. Черемисина, 2018 г.

уточнить предложенную точку отсчёта, поскольку годом раньше, в 1983 г., была опубликована статья Т.И. Кашиной [7], посвящённая петроглифам Иньшань во Внутренней Монголии. Как бы то ни было, именно в 1980-е гг. началось активное обсуждение китайских памятников наскального искусства международной, в том числе и советской/российской, научной общественностью, которое продолжается по сей день. Ряд статей по теме был издан и авторами данной публикации [8–11].

Однако отдельные статьи по конкретным сюжетам или даже локальные обзоры не охватывали всё многообразие тематической литературы, публикуемой в КНР. Российские археологи просто не успевали осваивать всё новые и новые материалы, поступавшие из Китая (что, впрочем, верно и для западных учёных). К тому же играл свою роль пресловутый

языковой барьер. Чтобы «догнать» стремительно развивающуюся китайскую науку о петроглифах, обобщить её основные достижения и сделать их доступными для отечественных исследователей, а также представить полученные результаты на международных форумах, был разработан проект «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)», поддержанный РФФИ. Предполагалось, прежде всего, систематизировать накопленный материал, в составе которого выделить локальные группы наскальных рисунков, установить их взаимные контакты между собой и с петроглифическими традициями сопредельных территорий.

Первоначально планировались лишь историографические исследования, ориентированные на опубликованные источники, и работа с музейными коллекция-

ми. Однако состояние источниковой базы потребовало уделить её обновлению особое внимание. Уже первые шаги показали, что многие китайские публикации прошлого столетия основывались на недостаточно точных протирках, а то и просто на схематических рисунках. И даже вполне качественные фотографии в изданиях последних лет оставляли много вопросов (под каким углом делались снимки, при каком освещении и т.п.). Поэтому точное описание изображений на скалах, снабжённое качественными фото, оказалось необходимым подготовительным этапом в исследовательской работе. Отметим, что благоприятными факторами, позволившими осуществить несколько экспедиционных поездок непосредственно на памятники, послужили Договор о сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом археологии АОН КНР, подписанный академиками В.И. Молодиным и Ван Вэем; а также сложившиеся за много лет прекрасные рабочие контакты с археологами местных институтов.

Уже в течение первого года работы по проекту удалось организовать удачную экспедиционную поездку в район Хуашань (уезд Нинмин, Гуанси-Чжуанский автономный район), где писаницы протянулись на десятки километров вдоль берегов реки Цзоцзян и её притоков. На основании идентификации исторических реалий, воспроизведённых на скалах, с артефактами из раскопок, рисунки в основном датировали периодом с V в. до н.э. до II в. н.э. В 2013 г. данный памятник в составе 38 локальных местонахождений вошёл в список культурного наследия ЮНЕСКО. Главный сюжет всего ансамбля, многократно повторяющийся на десятках скал, — изображение человека «в позе ля-

гушки», с расставленными в стороны ногами и поднятыми ладонями кверху руками, попирающего животное.

Многочисленные аналогии ему, прослеженные в наскальном искусстве других районов Евразии, очевидно, носят типологический характер. Фигуры адорантов (молящихся) свидетельствуют о том, что в основе сюжета лежит архаичный космогенетический миф об отделении неба от земли (рис. 1). Но видовое определение животного, на котором стоит антропоморфный персонаж, позволяет уточнить семантику всего сюжета. Тщательное визуальное изучение рисунков и их копирование в ходе экспедиции в Гуанси в 2018 г. позволили определить зооморфный персонаж как собаку (рис. 2) и связать сюжет в целом с мифологией предков местного населения — народа *чжуанов*, у которых собака играла важную роль в ритуалах. Она была также чудесной помощницей божества грома (Лэй-гуна). На правомерность такой трактовки указывают изображения барабанов, входящих в состав основного сюжета, поскольку барабан был одним из атрибутов бога-громовика [12].

Правда, предпринятая в том же году попытка выехать на памятник Канцзяшимэньцзы в уезде Хутуби, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) окончилась неудачей из-за особого режима пребывания на территории автономии (вооружённый патруль высадил наш небольшой отряд из рейсового автобуса). Пришлось возвращаться в Урумчи, где предстояла работа с коллекциями в Музее СУАР и в Институте археологии и памятников материальной культуры СУАР¹. По тем же причинам в следующем году не состоялась запланированная экспедиция в район Синьцзянского Алтая.

¹ В итоге мы провели исследование ансамбля петроглифов Канцзяшимэньцзы по имеющимся в нашем распоряжении материалам прошлых обследований памятника и многочисленным публикациям местных археологов, в том числе монографического плана. В результате одному из сюжетов этой уникальной композиции были найдены достоверные аналогии в петроглифах бронзового века Казахстана. Это позволило уточнить датировку ансамбля изображений эпохой развитой бронзы (в пределах первой половины II тыс. до н.э.) и предложить семантическую реконструкцию [16].

Рис. 2. Писаница Хуашань на берегу р. Минцзян, уезд Нинмин, Гуанси-Чжуанский автономный район. В центре — фигура человека с кинжалом, стоящего на собаке. Фото Д.В. Черемисина, 2018 г.

Очень плодотворно в 2019 г. прошли экспедиция в провинцию Ганьсу и Нинся-Хуэйский автономный округ [13–15], а также повторный выезд в Гуанси. Необходимо специально подчеркнуть, что участникам научных командировок приходилось выезжать на весьма отдалённые объекты, добираться до места на любом доступном транспорте, жить в более чем скромных местных гостиницах (поскольку разбивка полноценного лагеря сопряжена с организационными трудностями) и полный световой день работать на памятниках, т.е. организовывать по факту небольшие целевые экспедиции. В итоге удалось собрать богатый материал по наскальным изображениям в Уцзячуань (Ганьсу), Хэланькоу и Дамайди (Нинся), а также завершить работу на писаницах Хуашань. Были изучены петроглифы разных эпох: от бронзового (рис. 3) и раннего железного века (рис. 4) до Средневековья (рис. 5).

Предварительный вывод: северные петроглифы в основном выполнены в технике выбивки и гравировки, тогда как южные обычно нарисованы минеральными красками; в наборе сюжетов также отмечаются значительные различия. Если данные по другим регионам продемонстрируют ту же тенденцию, то всё наскальное искусство Китая можно будет разделить на две обширные традиции: континентальную, примыкающую к Центральной Азии и Южной Сибири, и тихоокеанскую, связанную с миром Юго-Восточной Азии и Южных морей.

Кроме общих закономерностей, прямое общение с памятниками наскального искусства позволило сделать ряд выводов по частным, но от этого не менее важным вопросам. Так, внимательное рассмотрение петроглифов «в стиле оленных камней» из Хэланьшань показало, что в основе образа хтонических тварей, терзаю-

Рис. 3. Изображение «солярного божества» эпохи бронзы. Ущелье Хэланькоу (Нинся-Хуэйский автономный район). Фото А.И. Соловьёва, 2019 г.

Рис. 4. Изображение оленя на петроглифах Дамайди, городской округ Чжунвэй, Нинся-Хуэйский автономный район. Фото А.И. Соловьёва, 2019 г.

Рис. 5 Изображение всадника, конец I тыс. н.э., на петроглифах Дамайди, городской округ Чжунвэй, Нинся-Хуэйский автономный район. Фото А.И. Соловьёва, 2019 г.

щих маленькую фигурку человека (вероятно, его душу в загробном мире), лежали не кошачьи хищники, а канисовые [17, с. 25–28, 31]. В китайской мифологии, насколько нам известно, нет образа адского пса, который, однако, широко представлен в мифах и обрядах индоевропейских народов. Такое наблюдение может стать одним из факторов в реконструкции этнокультурной карты Северного Китая эпохи бронзы – раннего железа.

В ландшафтном расположении групп петроглифов, с которыми удалось познакомиться в Ганьсу и Нинся, явно прослеживаются мифообразующие приметы (элементы), сакрализующие данное пространство и выделяющие его из окружающего мира. Это либо глубокое и протяжённое ущелье, периодически омываемое паводковыми водами и мощными селевыми потоками, с постоянно действующим водопадом, низвергающим будто из-под кромки небес потоки воды (Хэланькоу). Либо это пояс невысоких скальных выходов красноватых пород камня на краю

пустынного пространства, с его редкой и чахлой растительностью, ощущаемый как мистический барьер между профанным и сакральным мирами.

За ним на приподнятом плато располагается некрополь, характер погребений которого, с одной стороны, визуально сохранил много архаичных черт, уходящих в эпоху раннего железного века, с другой – свидетельствует о том, что в наши дни к скальным рисункам сложилось особое отношение у местного населения, а сама цепь скальных выходов в его представлениях всё ещё сохраняет значение сакрального барьера. Характерной чертой серии петроглифов на скальных плоскостях ущелья Хэланькоу является своеобразная техника глубокой выбивки, превращающая личины в полурельефные изображения (рис. 6).

Это позволяет по-новому увидеть, а главное, интерпретировать ряд деталей, истолкование которых в случаях контурной выбивки было бы затруднительно. Например, рельеф пространства между

Рис. 6. Личина эпохи бронзы. Ущелье Хэланькоу (Нинся-Хуэйский автономный район).
Фото А.И. Соловьёва, 2019 г.

поперечными линиями, пересекающими древние лики, в данном случае позволяет провести параллели с повязкой, которая, в свою очередь, может быть соотнесена с поперечной верёвочной обмоткой деревянных личин из некрополя Сяохэ эпохи развитой бронзы [18].

Завершая обзор работ 2019 г., упомянем об исследовании петроглифов Гонконга (Сянган). Казалось бы, смешно говорить об экспедиционной деятельности в условиях мегаполиса, когда до объекта можно добраться городским транспортом. Но всё-таки главное — возможность достаточно длительной работы непосредственно на памятнике. На территории особого административного района было известно восемь местонахождений, но буквально три года назад нашли ещё одно. Его обнаружили рыбаки, увидев изображения на скале со стороны моря; так же открывали и почти все — за одним исключением — другие петроглифы. Можно предположить, что их оставили моряки каботажных судов,

прокладывавшие свои маршруты вдоль берега на юг. Характерным примером может служить местонахождение Даланвань — на берегу одноимённой бухты, название которой переводится как Залив большой волны (рис. 7). На монолите, занимающем господствующее положение над бухтой, выбиты сложные антропоморфные фигуры. Учёные спорят об их значении, но обыватели уже решили, что изображение оставили инопланетяне [19].

На основании достигнутых результатов наш коллектив запланировал очень интенсивную экспедиционную деятельность в 2020 г. — заключительном году реализации проекта. Предполагалось изучить на месте петроглифы в Иньшань (Внутренняя Монголия), Сяньцзюйянь (Чжэцзян), Цаньюанья (Юньнань) и некоторые другие, для чего были изучены основные опубликованные материалы, проведены предварительные переговоры с китайскими коллегами. Однако ситуация, связанная с распространением

Рис. 7. Петроглифы Даланвань, Гонконг. Изображение антропоморфных фигур.
Фото Д.В. Черемисина, 2019 г.

COVID-19 и введением строгих карантинных мер, не позволила реализовать эти планы. Удалось только организовать небольшую экспедиционную разведку

в Горном Алтае, на сопредельной территории с Синьцзянским Алтаем; в петроглифах этих двух регионов прослеживается много общего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Чжаофу. Чжунго яньхуа фасянь ши [陈兆复·中国岩画发现史]. История открытия наскальной живописи в Китае. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008.
2. История археологических исследований в Китае: историографический очерк: учеб. пособ. для вузов / А.П. Деревянко и др.; отв. ред. В.И. Молодин, С.А. Комиссаров. 2-е изд., [стереотип.]. М.: Юрайт; Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019.
3. Чэнь Чжаофу. Гудай яньхуа [陈兆复·古代岩画]. Древние петроглифы. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 2002.
4. Гай Шаньлинь, Лоу Юйдун. Чжунго гудай яньхуа луньлюэ // Чжунго яньхуа [盖山林、楼宇栋·中国古代岩画论略 // 中国岩画]. Краткое описание древних петроглифов Китая // Петроглифы Китая. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1993. С. 5–9 (на кит. яз.).
5. Bednarik R.G. Paleolithic rock art in China? // Site of the Centro Studi e Museo d'Arte Preistorica. [s. a.]. URL: <http://www.cesmap.it/ifrao/discov4.html> (дата обращения: 15.08.2020).
6. Wang Ningsheng. An introduction to rock paintings in Yunnan Province (People's Republic of China) // Rock Art Research. 1984. Vol. 1. № 2. P. 75–90.
7. Кашина Т.И. Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. С. 77–86.

8. Черемисин Д.В., Борисова О.В. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синьцзяна и Внутренней Монголии // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: РИЦ НГУ, 1999. Вып. 2. С. 129–134.
9. Комиссаров С.А., Черемисин Д.В., Астрелина И.В. Петроглифы Южного Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 3: Востоковедение. С. 120–128.
10. Черемисин Д.В., Прокофьева И.В., Комиссаров С.А. Петроглифы Тибета // Там же. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (прил. 2). С. 248–255.
11. Комиссаров С.А., Прокофьева И.В., Черемисин Д.В. Петроглифы Цинхя // Там же. 2008. Т. 7. Вып. 3: Археология и этнография. С. 101–106.
12. Кудинова М.А., Черемисин Д.В., Комиссаров С.А. О семантике основного сюжета на писаницах Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай) // Там же. 2019. Т. 18. Вып. 4: Востоковедение. С. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-4-51-60>.
13. Варёнов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Там же. 2019. Т. 18. Вып. 10: Востоковедение. С. 106–113. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113.
14. Варёнов А.В., Кудинова М.А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Ч. 2. Продолжение в Нинся // Там же. 2020. Т. 19. Вып. 4: Востоковедение. С. 147–158. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158.
15. Варёнов А.В., Кудинова М.А., Соловьёв А.И. Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзинъюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 345–352. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352.
16. Комиссаров С.А., Черемисин Д.В., Соловьёв А.И. Петроглифы Канцзяшимэньцзы (Синьцзян, КНР): ещё раз о хронологии и семантике памятника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 10: Востоковедение (в печати). С. 9–22. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22.
17. Варёнов А.В. Семантика петроглифов «в стиле оленных камней» на Шёлковом пути // Великий Шёлковый путь: культурное наследие и развитие контактов. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 21–35.
18. Молодин В.И. Деревянные маски культуры сяохэ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2. С. 7–19. DOI: 10/18503/1992-0431-2019-2-64-7-19.
19. Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А., Черемисин Д.В. Петроглифы Гонконга // Великий Шёлковый путь: культурное наследие и развитие контактов. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 35–43.

ENGLISH

A Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Ancient and Medieval Times)

Sergei Alexandrovich Komissarov – Candidate of Sciences in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAE SB RAS), Professor at the Department of Oriental Studies of the Institute of Humanities of Novosibirsk State University, head of the project “A Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Ancient and Medieval Times)” (18-09-00557).

E-mail: rgai@mail.ru

Alexander Ivanovich Solovyov – Doctor of Sciences in History, Leading Researcher at IAE SB RAS, executor of the same project.

E-mail: [easolovievy@mail.ru](mailto: easolovievy@mail.ru)

Dmitrii Vladimirovich Cheremisin – Candidate of Sciences in History, Senior Researcher at IAE SB RAS, executor of the same project.

E-mail: topsya@bk.ru

Mariya Andreevna Kudinova – Candidate of Sciences in History, Researcher at IAE SB RAS, executor of the same project.

E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

The project aims at a detailed review of the published Chinese studies of rock art. The petroglyphs are extremely instructive; however, they remain largely unknown outside of China. These data are of particular relevance to Russian archaeologists as the petroglyphs of Northern, Northwestern, and Northeastern China share many similarities with the rock art of the neighboring territories of Southern Siberia, Mongolia, and the Far East.

The paper briefly presents the key stages of the field study of Chinese rock art and the main findings. The authors also list the unimplemented developments, which may serve as a basis for future expeditions.

Keywords: petroglyphs, pictograms, Gansu Province, Ningxia-Hui Autonomous Region, Guangxi Zhuang Autonomous Region, field research

REFERENCES

1. Chen Zhaofu. Zhongguo yanhua faxian shi [陈兆复·中国岩画发现史]. A history of rock-art's discoveries in China. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2008. 437 p. (in Chinese).
2. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy v Kitae: istoriograficheskii ocherk: ucheb. posob. dlya vuzov / A.P. Derevyanko et al.; eds. V.I. Molodin, S.A. Komissarov. 2-e izd., [stereotip.]. Moskva: Izd-vo Yurait; Novosibirsk: IPTs NGU, 2019. 174 p. (in Russian).
3. Chen Zhaofu. Gudai yanhua [陈兆复·古代岩画]. Ancient petroglyphs. Beijing: Wenwu chubanshe, 2002. 248 p. (in Chinese).
4. Gai Shanlin, Lou Yudong. Zhongguo gudai yanhua lunlüe // Zhongguo yanhua [盖山林、楼宇栋·中国古代岩画论略 // 中国岩画]. Brief Accounts of Rock-art paintings in China // Rock-art of China. Beijing: Wenwu chubanshe, 1993. С. 5–9. (in Chinese).
5. Bednarik R.G. Paleolithic rock art in China? // Site of the Centro Studi e Museo d'Arte Preistorica. [s. a.]. URL: <http://www.cesmap.it/ifrao/discov4.html> (data obrashcheniya: 15.08.2020).
6. Wang Ningsheng. An introduction to rock paintings in Yunnan Province (People's Republic of China) // Rock Art Research. 1984. Vol. 1, no. 2. P. 75–90.
7. Kashina T.I. Petroglify Lunnykh gor (o drevnem iskusstve kochevnikov-skotovodov Vnutrennei Mongolii) // Plastika i risunki drevnikh kul'tur. Novosibirsk: Nauka, Sib. otделение, 1983. S. 77–86 (in Russian).
8. Cheremisin D.V., Borisova O.V. Kolesnyi transport v naskal'nykh izobrazheniyakh Sin'tszyana i Vnutrennei Mongolii // Evraziya: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Novosibirsk: RITs NGU, 1999. Vyp. 2. S. 129–134 (in Russian).
9. Komissarov S.A., Cheremisin D.V., Astrelina I.V. Petroglify Yuzhnogo Kitaya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2005. T. 4, vyp. 3: Vostokovedenie. S. 120–128 (in Russian).
10. Cheremisin D.V., Prokof'eva I.V., Komissarov S.A. Petroglify Tibeta // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2006. T. 5, vyp. 3: Arkheologiya i etnografiya (pril. 2). S. 248–255 (in Russian).

11. Komissarov S.A., Prokof'eva I.V., Cheremisin D.V. Petroglify Tsinkhaya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2008. T. 7, vyp. 3: Arkheologiya i etnografiya. S. 101–106 (in Russian).
12. Kudinova M.A., Cheremisin D.V., Komissarov S.A. O semantike osnovnogo syuzheta na pisanitsakh Khuashan' (Guansi-Chzhuanskii avtonomnyi raion, Kitai) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. T. 18, vyp. 4: Vostokovedenie. S. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-4-51-60> (in Russian).
13. Varenov A.V., Kudinova M.A. Puteshestvie na Severo-Zapad za petroglifami // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. T. 18, vyp. 10: Vostokovedenie. S. 106–113. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113 (in Russian).
14. Varenov A.V., Kudinova M.A. Puteshestvie na Severo-Zapad za petroglifami. Chast' 2. Prodolzhenie v Ninsya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19, vyp. 4: Vostokovedenie. S. 147–158. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158 (in Russian).
15. Varenov A.V., Kudinova M.A., Solov'ev A.I. Polevoe issledovanie pisanitsy Utszyachuan' v uezde Tszin'yuan' provintsii Gan'su (KNR) letom 2019 goda // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019. S. 345–352. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352 (in Russian).
16. Komissarov S.A., Cheremisin D.V., Solovyev A.I. Petroglify Kantszyashimen'tszy (Sin'tszyan, KNR): eshche raz o khronologii i semantike pamyatnika. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19, vyp. 10: Vostokovedenie. P. 9–22. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22 (in Russian).
17. Varenov A.V. Semantika petroglifov «v stile olennykh kamnei» na Shelkovom puti // Velikii Shelkovyi put': kul'turnoe nasledie i razvitie kontaktov. Novosibirsk: IPTs NGU, 2020. S. 21–35 (in Russian).
18. Molodin V.I. Derevyannye maski kul'tury syaokhe // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2019. No. 2. P. 7–19. DOI: 10/18503/1992-0431-2019-2-64-7-19 (in Russian).
19. Komissarov S.A., Azarenko Yu.A., Cheremisin D.V. Petroglify Gonkonga // Velikii Shelkovyi put': kul'turnoe nasledie i razvitie kontaktov. Novosibirsk: IPTs NGU, 2020. S. 35–43 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-121-125

В.Н. ЗАХАРОВ*

Международная научная конференция «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения. К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума» (Москва, 26–27 октября 2020 г.)**

Подводятся итоги международной научной конференции, посвященной 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума, состоявшейся 26–27 октября в Институте российской истории РАН. Большое внимание уделялось личности и деятельности Аввакума, подчеркивалось, что его творчество и деятельность были реакцией на кризис средневекового религиозного сознания, но с иных идейных позиций, нежели патриарх Никон и его сторонники. На специальной секции, посвященной литературному творчеству Аввакума, отмечалась необходимость более глубокого изучения языка и стиля его текстов. Юбилейная дата оказалась поводом и побудительным мотивом для рассмотрения широкого круга проблем, связанных с историей старообрядчества на протяжении всей его истории, чему было посвящено большинство докладов на конференции.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, старообрядчество, старообрядчество и культуры, православная вера, общины и центры старообрядчества

В 2020 г. исполнилось 400 лет со дня рождения протопопа Аввакума, одного из наиболее ярких деятелей отечественной истории, истории церкви, духовной культуры, литературы и публицистики, одного из основоположников и идеологов старообрядчества — религиозного течения в русском православии, имевшего миллио-

ны последователей, оказавшего влияние на многие сферы российской жизни: от художественного творчества до народного хозяйства.

В ознаменование этой даты 26–27 октября 2020 г. в Институте российской истории РАН состоялась Международная научная конференция «Старообрядчество в истории и культуре России:

* **Захаров Виктор Николаевич** — доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН по научной работе, заместитель председателя Оргкомитета конференции.
E-mail: v.zakharov@inbox.ru

** Проект 20-09-22020.

Фото. Открытие конференции. Выступает директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров. В президиуме (слева направо): заместитель директора Института российской истории РАН В.Н. Захаров, заместитель директора Государственного исторического музея А.Д. Яновский

проблемы изучения. К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума». Организаторами конференции стали Государственный исторический музей и Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН. На открытии со вступительным словом выступили директор Института российской истории РАН Ю.А.Петров (фото), заместитель директора Государственного исторического музея А.Д.Яновский, заместитель директора Института мировой литературы им. А.М.Горького А.Ф.Кофман.

В конференции приняли участие учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, а также из Италии, Украины, Эстонии, Японии, Франции. В связи с эпидемиологической ситуацией часть докладов была представлена в режиме online (в том числе все доклады зарубежных участников). Тем не менее большая часть выступлений прозвучала в стенах Института российской истории РАН, а современные информационные технологии обеспечили беспрепятственное и активное участие в дискуссии всем докладчикам и гостям.

Конференция вызвала интерес и среди деятелей церкви, прежде всего старо-

обрядцев. На первом пленарном заседании выступил и принял участие в последующей дискуссии председатель Русской православной старообрядческой церкви митрополит Московский и всея Руси Корнилий. Дискуссия возникла по поводу доклада М.Б.Плюхановой, профессора университета Перуджи (Италия), которая рассмотрела идеи Аввакума и раннего старообрядчества в контексте общеевропейской христианской религиозной мысли, в сопоставлении с идеями религиозных братств центральной Италии начиная с XIII–XIV вв., сделав акцент на общехристианской идее покаяния.

Протопоп Аввакум знаменит не только как непреклонный борец за «старую истинную веру», но и как яркий мыслитель, публицист и блестящий писатель. Это нашло своё подтверждение в тематике и содержании докладов, посвящённых непосредственно Аввакуму. Удивительно, что, не приемля разного рода «новин» в исповедании православной веры, протопоп оказался автором одного из ярких литературных сочинений XVII в., а именно «Жития», по сути автобиографии, нового жанра для того времени. О достоинствах

этого и других произведений Аввакума сказано уже немало. Настало время более глубокого изучения особенностей его текстов, их смысла и языка. Об этом шла речь во многих докладах на конференции, прежде всего на специальной секции, организованной в ИМЛИ РАН.

Что касается смысла, т.е. идейного содержания творчества Аввакума, заслуживает внимания доклад о. Иоанна Севастьянова, настоятеля Покровского старообрядческого собора в Ростове-на-Дону, кандидата исторических наук. Докладчик подверг критике широко распространённый тезис об Аввакуме как противнике любого научного знания, понимаемого им как «внешняя мудрость», чуждая и даже вредная христианской вере. Но по мнению автора доклада, Аввакум, будучи одним из самых образованных и начитанных книжников своего времени, отнюдь не был поборником невежества. Свои наставления он полемически заострял против так называемой «еллинской мудрости», учений античных философов, в чём он видел одно из оснований церковной реформы XVII в., с которой всю жизнь боролся. Более того, по наблюдениям о. Иоанна, Аввакум смог по-новому разрешить проблему соотношения веры и знания. Церковь живёт верой, а знание как «внешняя мудрость» остаётся за её пределами. И нельзя ли, следуя логике автора доклада, предположить, что протопоп Аввакум уже совсем близко подошёл к пониманию принципа «двойственной истины», зародившегося в трудах некоторых западных средневековых богословов и характерного для мыслителей эпохи Просвещения?

Это выступление оказалось созвучным дискуссии о модернизационных аспектах старообрядчества, уже не один год идущей в историографии. В связи с этим нельзя не отметить ещё одно выступление на конференции, а именно доклад В.В.Керова, в котором автор с применением контент-анализа текстов протопопа Аввакума обосновал идею о «созида-

тельном эсхатологизме» раннего старообрядчества, что позволяет видеть в этом отрицание средневековой религиозности. Собственно, к этому стремился, проводя свои реформы, и патриарх Никон, но с иных идейных позиций, которые и встретили жёсткое противодействие Аввакума и его сторонников. Таким образом, можно считать, что на конференции возобладала объективная и актуальная оценка творчества Аввакума и всего старообрядчества как идейного течения, в котором наличествовали модернизационные импульсы, что было обусловлено кризисом средневекового религиозного сознания в период перехода к Новому времени.

Отдавая должное личности, деятельности и таланту протопопа Аввакума, важно подчеркнуть, что на конференции, посвящённой его 400-летию, речь шла не только и не столько о нём. Юбилейная дата оказалась поводом и побудительным мотивом для рассмотрения широкого круга проблем, связанных с историей старообрядчества на протяжении всей его истории. Это учитывалось и при разработке научной программы конференции, в чём большая роль принадлежит ведущему научному сотруднику Центра истории религии и церкви в России ИРИ РАН Е.В.Беляковой.

Основными задачами конференции стали не столько подведение итогов изучения старообрядчества, сколько определение современного состояния изученности темы, выявление лакун, актуальных и проблемных направлений дальнейших исследований. Об этом шла речь уже в первом пленарном докладе, с которым выступила главный научный сотрудник Государственного Исторического музея Е.М.Юхименко. Она отметила, что перспективным направлением является изучение отдельных старообрядческих центров при активном участии специалистов из разных регионов страны. Очевидно, что уже достаточно хорошо изучена история таких центров, как Выг и Ро-

гожское кладбище в столице, но первые шаги сделаны только в отношении Преображенского кладбища в Москве, старообрядчества Петербурга, мало ещё изучены Иргиз, Стародубье, Керженец. В настоящее время успешно развивается историческая антропология старообрядцев, но это касается в первую очередь наиболее известных предпринимателей и меценатов (биографии Рябушинских, Морозовых, Кузнецовых, Рахмановых). В меньшей степени изучены жизнь и деятельность идеологов и духовных деятелей старообрядчества XVIII–XX вв. Крайне интересным аспектом старообрядческой культуры является художественное творчество: иконы, книжная графика, мелкая пластика и многое другое. В последние годы состоялись несколько выставок, где демонстрировались произведения искусства старообрядцев. Тем не менее эта тема остаётся профессиональной задачей современного отечественного искусствознания.

Отмеченные проблемы не остались без внимания участников конференции, и во многих докладах они были освещены либо так или иначе затронуты. Представленные материалы показали, насколько широко распространилось исповедание «старой веры». Неприятие официального православия по всей России вышло далеко за пределы хорошо известных в этом отношении регионов (Поморский Север, нижегородское Заволжье, Гуслица к востоку от Москвы), проникнув далеко в Сибирь, вплоть до Якутии (доклад И.И. Юргановой). А в начале XX в. имело место переселение старообрядцев-липован из Румынии и Болгарии на российский Дальний Восток (доклад М.Е. Кульдо). Более того, ряд докладов содержал актуальные сведения о том, что старообрядческие центры разных согласий действуют и в настоящее время как в России, так и в ближнем зарубежье. В докладе Е.В. Быковой подчёркивалось, что в Красноярском крае, в районе Туруханска, в старообрядческих монастырях

на реке Дубчес не только сохраняются, но и развиваются традиции конфессионального художественного творчества (иконы, книжная иллюстрация, лубочные картинки). О современных общинах старообрядцев в том же обширном регионе «енисейского меридиана» говорилось в докладе А.А. Стороженко. О старообрядческом монашестве в Ярославле и Костроме в XX в. шла речь в докладе Е.В. Воронцовой.

Конференция выявила ещё одну в чём-то неожиданную ипостась старообрядчества: в ходе своей долгой и драматической истории это течение вышло за пределы России, и в целом ряде стран общины староверов становились очагами русской культуры, что способствовало распространению знаний о ней в мире, пусть и путём знакомства со столь своеобразным и самобытным миром русских людей. В этом отношении интересен доклад А.А. Кудрина о старообрядческих наставниках региона Браславщины (Белоруссия), в котором показана их деятельность на протяжении XIX–XX вв. на сопредельных территориях Литвы, Латвии и Польши. За пределами России разными путями оказывались и произведения искусства старообрядцев. Нельзя не отметить представленный на последнем пленарном заседании доклад японских специалистов И. Миядзаки и А. Накадзава, посвящённый трём русским иконам, которые хранятся в музее Исида в городе Толяма. Авторы доклада, обращая внимание на особенности письма, иконографии и надписей, пришли к выводу, что две из них («Архангел Михаил» и «Георгий Победоносец») написаны в XIX в. сызранскими иконописцами-староверами, а ещё одна («Шестоднев») исполнена мастерами из Палеха по заказу кого-либо из старообрядцев.

На конференции постоянно подчёркивались вовлечённость и тесная связь старообрядчества с общим процессом развития русской истории и культуры. В связи с этим целый ряд докладов из обла-

сти истории церкви и духовной культуры был посвящён контекстам, в рамках которых действовали протопоп Аввакум, его сторонники и последователи. Касательно XVII в., это формирование представлений о старообрядчестве в официальной идеологии (доклад Е.В.Беляковой о церковных соборах 1666 и 1666–1667 гг.), о церковной политике и отношении архиереев к расколу (доклад И.А.Устиновой). Роль и место старообрядцев в значимых событиях и процессах последующих веков прослеживаются в докладах Е.В.Мельниковой (Отечественная война 1812 года), Б.Б.Сажина (восприятие староверов в ре-

волюционном и либеральном народничестве), К.Я.Кожурина (старообрядцы в русской поэтической традиции) и других.

Итоги конференции убеждают в необходимости дальнейшего движения в направлении всестороннего и объективного научного освоения истории и современного состояния старообрядчества. Учитывая комплексный характер темы, её вовлечённость в общеисторический и общекультурный контексты, эта задача должна решаться при участии специалистов всех отраслей гуманитарного знания. В результате может и должен быть создан общий труд по истории старообрядчества.

ENGLISH

International Academic Conference “Old Believers in the History and Culture of Russia: Problems of Study. Dedicated to the 400th Anniversary of the Archpriest Avvakum” (Moscow, October 26–27, 2020)

Viktor Nikolaevich Zakharov – Doctor of Sciences in History, Deputy Research Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: v.zakharov@inbox.ru

In this paper we draw conclusions of the International Scientific Conference devoted to the 400th Anniversary of Archpriest Avvakum. The Conference took place on 26–27 October, 2020 at the Institute for Russian History of Russian Academy of Sciences. A lot of attention was paid to the personality and activity of Avvakum, it was pointed out that his works and activity were as a response to the crisis in the medieval religious perception but his ideas were unlike Nikon's and his followers' reaction. At the special board devoted to Avvakum's literary works, it was noted that the language and the style of his texts need deeper research. The Anniversary was the matter and the ground for considering a great deal of issues connected to Old Believers' history over the period of its existence that is why the majority of papers concerned this issue.

Keywords: Archpriest Avvakum, Old Believers, Orthodox faith, Old Believers and cultures, Old Believers' communities and centers

**М.Д. КАРПАЧЁВ, В.А. ИЛЬИНЫХ,
Ю.В. СЕЛЕЗНЁВ, Д.А. ХИТРОВ***

XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Воронеж, 22–26 сентября 2020 г.)**

В сентябре 2020 г. в Воронеже состоялась XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В рамках работы сессии была рассмотрена научная проблема «Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы». Исследователи из России и Белоруссии представили к обсуждению новейшие изыскания, связанные с социальной эволюцией землевладельцев и земледельцев, их взаимодействием с государственными структурами.

Ключевые слова: социальная эволюция землевладельцев и земледельцев, категории крестьян, формы землевладения, типы землепользования, государство, вотчинники, сельский социум, репрезентативность источников

Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы является заметным научным форумом, который действует с декабря 1958 г. Инициатива его организации принадлежала акад. АН СССР С.Д.Сказкину, доктору исторических наук В.К.Яцунскому и чл.-корр. АН СССР, акад. АН Эстонской ССР Х.Х.Круусу при активной поддержке Отделения исторических наук АН СССР.

Первая сессия Симпозиума состоялась в декабре 1958 г. в Таллине. Затем они созывались ежегодно (кроме 1967 г.), а с 1972 г. — раз в два года (исключение составили сессии 1989 и 1994 гг.) в различных городах Советского Союза и Российской Федерации.

В 2020 г. очередная XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы проводилась в Воронеже

* **Карпачёв Михаил Дмитриевич** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета (ВорГУ), председатель Оргкомитета XXXVII сессии Симпозиума.

E-mail: m-karpach@mail.ru

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, председатель Учёного совета Института истории (ИИ) СО РАН, заведующий сектором аграрной истории ИИ СО РАН, член Оргкомитета.

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Селезнёв Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ВорГУ, член Оргкомитета.

E-mail: orda1359@mail.ru

Хитров Дмитрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Оргкомитета.

E-mail: dkh@bk.ru

** Проект 20-09-22014.

Фото. Участники Симпозиума у входа в Воронежский государственный университет

на базе Воронежского государственного университета (фото).

В работе XXXVII сессии приняли участие 95 учёных из 29 регионов России и Белоруссии.

Темы для всех секций Симпозиума традиционно формулируются для обсуждения так, чтобы внимание участников было сконцентрировано на выявлении и функционировании того или иного процесса на большом временном отрезке. Таким образом достигается обстоятельное и разностороннее рассмотрение конкретных проблем и вопросов, что придаёт их совокупности фундаментальный характер.

На XXXVII сессию Симпозиума была вынесена научная проблема: «Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы». В данном ракурсе проблема ранее не поднималась. В то же время она является ведущей для всех периодов аграрной истории России.

В рамках работы первой секции (до середины XIX в.) были заслушаны 22 доклада, сообщения и выступления. Участники секции представляли 13 научных центров

Белгорода, Вологды, Воронежа, Краснодара, Липецка, Нижнего Новгорода, Пскова, Самары, Старицы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Твери.

Исследования, предложенные к обсуждению, сконцентрировались вокруг трёх крупных блоков проблем.

В первую очередь, это история взаимодействия между государственной властью, общинами и крестьянскими хозяйствами. Большое значение при изучении этих вопросов имеет адекватное понимание терминологии источников, требующее зачастую специального анализа. А.А.Горский в докладе «Верьвь и погост (XI–XIII вв.)» рассмотрел вопрос о соотношении этих терминов и обосновал предположение о том, что они близки по значению. В докладе М.С.Черкасовой исследовались северорусские порядные грамоты XVI–XVII вв., в которых фиксировались отношения между приходом-нанимателем и живущим на приходской земле крестьянином. И.В.Пугач посвятил своё исследование сбору доимок на Русском Севере в первой половине XVII в. В выступлениях И.В.Иванова и З.А.Тимошенко разбирались сюже-

ты, связанные с взаимодействием монастырской администрации и крестьянской общины в XVI–XVII вв.

Крупный блок представленных исследований был посвящён изучению процессов расселения, освоения территории и миграций эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени – тех процессов, которые обусловили превращение небольшого государства в великую евразийскую державу. Его изучение на современном этапе развития науки требует систематической разработки больших комплексов массовых источников XVI–XVIII вв., таких как писцовые книги и материалы Генерального межевания. Ю.В. Селезнёв на летописном и актовом материале предпринял попытку оценить количество сельского населения в Новгородской земле в конце XIV–XV вв. В.Н. Глазьев посвятил выступление оценке положения дворовладельцев Воронежского уезда по материалам переписной книги 1646 г. Ю.А. Мизис исследовал формирование сетей расселения в Тамбовско-Шацком крае в конце XVII – начале XVIII в. Л.М. Артамонова рассмотрела мероприятия по наделению крестьян-переселенцев землями Ставропольского калмыцкого войска в середине XIX в. и их роль в заселении степного Заволжья. Значителен интерес исследователей к методам пространственного анализа, основанным на электронной картографии. Это работы А.Н. Гуслистовой и А.Л. Грязнова о сети сельских храмов в Вологодско-Белозерском регионе в XVI–XVIII вв., А.Ю. Савиновой и Ю.В. Степановой о формировании корельских волостей Верхневолжья в XVII в., А.Л. Грязнова о развитии сети монастырей на Русском Севере. Важную роль также начинает играть анализ особенностей природной среды, в том числе с привлечением смежных наук. Примером таких исследований могут служить работы Ю.В. Степановой и П.В. Гаврилова о локализации топонимики писцовой книги Тверской половины Бежецкой пятины 1545 г., Л.Г. Сте-

пановой – о материалах Генерального межевания по Таврической губернии.

Серия докладов была посвящена эволюции структур землевладения в XVI–XVIII вв. Для этих исследований также характерно активное применение сложного пространственного и количественного моделирования. Это работы С.С. Кутакова о вотчинниках Тверского уезда в XVI в., П.В. Чеченкова о соотношении землевладения и служебной иерархии нижегородских землевладельцев в начале XVII в., Д.А. Хитрова о размещении помещного фонда столичного уезда в 1620-х гг., А.И. Папкова о формировании землевладения церковью на Белгородчине в первой половине XVII в., Н.В. Башнина о земельных приобретениях вологодских архиереев во второй половине XVII в., С.В. Черникова об устойчивости фамильного состава дворянства в уездах Европейской России в XVII – начале XVIII в., Д.А. Черненко о земельных дачах городов Курской губернии по материалам Генерального межевания, Ю.Н. Смирнова о расселении и формировании землевладения башкир в Степном Заволжье в конце XVIII – первой половине XIX в.

Доклады и сообщения участников второй секции были посвящены актуальным вопросам развития социального мира российской деревни во второй половине XIX – начале XX в. Всего на секции были заслушаны 16 выступлений.

Проблематика докладов сосредоточилась на четырёх крупных вопросах аграрной истории пореформенной России. Анализу различных аспектов миграционных процессов в русской деревне были посвящены сообщения четырёх исследователей. О.В. Смурова осветила разные стороны жизни и культурной деятельности крестьян-отходников Костромской губернии.

Ярославский историк Н.М. Александров убедительно показал, что в условиях малой доходности земледелия у верхневолжских крестьян отхожие промыслы позволили не только предотвратить

оскудение значительной части крестьянских хозяйства, но и вели к росту доходности их занятий.

О прогрессивном характере трудовых миграций подмосковного крестьянства в начале XX в. доложил Д.В.Ковалев (Коломна); о крестьянстве в Среднем Поволжье убедительно говорил чебоксарский историк Г.А.Николаев. Большой интерес вызвал его анализ хода миграций у разных народностей Поволжья. К проблематике крестьянского отхода был близок воронежский исследователь А.В.Перепелицын. Докладчик осветил непростые вопросы развития аренды и покупки земли крестьянами Центрального Черноземья в указанную эпоху.

Четыре выступления были посвящены различным аспектам хозяйственной эволюции частновладельческих, главным образом дворянских, хозяйств. Причины экономической деградации многих дворянских хозяйств Новгородской губернии проанализировал В.Н.Никулин. Выступление самарской исследовательницы Е.П.Бариновой было посвящено малоизвестным попыткам ряда высших бюрократов России разработать и реализовать проекты насаждения дворянской земельной собственности в Сибири. О перспективности крупных и экономически рентабельных частных хозяйств Уфимской губернии рассказал М.И.Роднов. Проблеме оскудения дворянства Воронежской губернии после отмены крепостного права посвятила своё исследование Е.М.Чигирёва.

Об отношении дворянских публицистов к проявлениям социального кризиса русской деревни на рубеже XIX–XX вв. доложил С.В.Беспалов.

Вопросы развития кооперативного движения в русской деревне подняли в своих выступлениях Т.Н.Сидоренко и Ю.В.Будкина. Положению крестьян-дарственников Тамбовской губернии после отмены крепостного права посвятил своё выступление Н.В.Токарев. Воронежская исследовательница М.Д.Книга сообщила о ходе сельскохозяйственного просвещения

в Воронежской губернии и его культурных, социальных и экономических результатах.

Социальный смысл аграрных волнений в России в 1902–1905 гг. проанализировал самарский исследователь П.С.Кабытов. С сообщением о состоянии русского зернового экспорта в начале XX в. выступил И.Н.Слепнёв.

Доклад М.Д.Карпачёва, тематически относящийся к работе 2-й секции и озвученный на пленарном заседании, был посвящён исторически неизбежному кризису социального мира русской крестьянской общины, не располагавшей ресурсами для решения хронической для России проблемы продовольственной безопасности сельского населения.

В программу третьей секции (1917 г. – современность) были включены 19 докладов, 11 сообщений и одно запланированное выступление. Заслушаны 12 докладов и 9 сообщений. В работе секции приняли участие научные работники и преподаватели вузов из 16 городов России. Наиболее представительными были делегации из Москвы и Липецка. Практически каждое выступление на заседаниях секции сопровождалось уточняющими вопросами и оживлённым обсуждением.

Основное внимание участники секции уделили анализу поведенческих стратегий и тактик сельского социума и прежде всего крестьянства в условиях проводимых государством модернизационных реформ аграрного строя.

В трёх докладах затрагивались актуальные проблемы истории аграрной революции в России конца 1910-х гг. Н.Н.Кабытова (Самара) реконструировала социально-политическую дифференциацию российских крестьян по земельному вопросу в 1917 г.

Д.А.Сафонов (Оренбург) поставил под сомнение корректность термина «аграрная революция», поскольку, по его мнению, революция предполагает качественные сдвиги, знаменующие прогрессивные изменения в развитии. «Аграрная

революция» в России, напротив, привела к массовой архаизации деревни. В.А. Саблин (Вологда) не согласился с позицией Д.А. Сафонова, полагая, что революцией можно назвать радикальное изменение аграрного строя, в том числе произошедшее вне координат прогрессивистской парадигмы. В.А. Саблин подробно реконструировал ход аграрной революции на европейском севере России.

Эволюцию сельского социума в годы нэпа, которая определялась появлением и укреплением социально-профессиональных страт сельского населения, связанных с развитием форм политического и административного управления на местах («приводных ремней»), а также новых организационных форм хозяйственной деятельности (колхозов, совхозов), рассмотрел В.В. Наухацкий (Ростов-на-Дону).

В нескольких сообщениях затрагивались конкретно-исторические аспекты аграрного развития в 1920-е гг. О.М. Семейкова (Екатеринбург) осветила гендерный аспект функционирования уральских сельскохозяйственных коммун в 1920–1924 гг., показав мотивы вступления в них женщин и их вклад в становление практик коллективного хозяйствования. В.Ф. Зима (Москва) проследил аграрную составляющую в государственном бюджете в условиях нэпа. О.В. Бершадская (Краснодар) показала особенности землепользования и землеустройства в Черноморском округе. По её мнению, землеустроительная политика в округе проводилась без учёта мнения местных специалистов и особенностей региона. А.В. Берлов (Москва) проанализировал взгляды учёных русской эмиграции на экономические аспекты поведения крестьян.

Три доклада были посвящены экономическим, социальным и ментальным предпосылкам перехода советского государства к политике радикальной модернизации аграрного строя в конце 1920-х – начале 1930-х гг. О.А. Суховой (Пенза) высказал мнение, что аграрная («общин-

ная») революция продемонстрировала защитную реакцию крестьянского мира на модернизационные процессы. В.Б. Безгин (Тамбов) озвучил подготовленный совместно с В.П. Николашиным доклад об основаниях модернизации аграрного строя страны в начале 1930-х гг. и отношении к ней различных категорий крестьянства. Эволюцию социального мира деревни в начале 1930-х гг. проанализировала И.В. Гончарова (Орёл), отметив, что колхозная система причудливо сочетала в себе отказ от общинных традиций и использование её элементов.

Авторы ещё трёх докладов в той или иной степени касались вопросов реформирования отношений собственности в сельском хозяйстве. Г.Е. Корнилов (Екатеринбург) провёл ретроспективный анализ изменений форм и видов земельной собственности в России в XX в. И.В. Логунова (Липецк) в целом подтвердила выводы Г.Е. Корнилова об итогах внедрения института частной собственности в сельском хозяйстве современной России. В.Н. Томилин (Липецк) рассмотрел влияние реорганизации МТС на эффективность сельского хозяйства.

Вопросам источниковедения истории сельского хозяйства 1930-х гг. был посвящён доклад В.А. Ильиных (Новосибирск), который осуществил реконструкцию системы статистического мониторинга сельского хозяйства в 1930-е гг.

А.Ф. Галлямова (Казань) проследила реакцию крестьянства на аграрную политику государства, когда от открытой конфронтации на начальном этапе коллективизации произошёл переход к скрытому фрондёрству. О.Н. Аргунов (Курск) рассмотрел причины голода 1946–1947 гг. в курских колхозах и основные направления борьбы с ним, отметив, что голод имел нерукотворный характер. П.П. Полх (Калининград) осветил проблемы клонирования сталинского колхозного строя на территорию присоединённой к СССР Восточной Пруссии и адаптации переселенцев-колхозников к новым агроэко-

номическим и поселенческим условиям. Е.Е.Темникова (Липецк) показала негативное влияние целинной кампании на материально-техническое снабжение «старопахотных» регионов России. В итоге кампания по освоению целины затормозила развитие аграрного сектора экономики центральных районов страны. На примере колхозов Нечернозёмной зоны РСФСР А.И.Шевельков (Коломна) подтвердил основной вывод Е.Е.Темниковой. Следствием минимизации капиталовложений в сельское хозяйство региона и низкого уровня механизации стали кризисные явления в колхозном производстве. Изменения в пропагандистском образе советской

деревни и сельского труженика на страницах журнала «Огонёк» в 1923–1991 гг. показала И.Е.Кознова (Москва), сопроводив доклад обширной презентацией.

В заключение собравшиеся высоко оценили организацию XXXVII сессии Симпозиума и выразили благодарность её оргкомитету и его председателю М.Д.Карпачёву. В качестве пожеланий на будущее были высказаны предложения о более широком привлечении к работе следующих сессий молодых учёных, о необходимости большего внимания уделить проблемам историографии и источниковедения аграрной истории, а также возобновить проведение межсекционных круглых столов.

ENGLISH

The 37th Session of the Symposium on the Agricultural History of Eastern Europe (Voronezh, September 22–26, 2020)

Mikhail Dmitrievich Karpachyov – Doctor of Sciences in History, Head of the Department of the Russian History of Voronezh State University, Chairman of the Organizing Committee of the 37th Session of the Symposium.

E-mail: m-karpach@mail.ru

Vladimir Andreevich Ilyinykh – Doctor of Sciences in History, Chairman of the Academic Council of the Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IH SB RAS), Head of the Agricultural History Department of the IH SB RAS, Organizing Committee member.

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Yuri Vasilyevich Seleznyov – Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of Russian History of Voronezh State University, Organizing Committee member.

E-mail: orda1359@mail.ru

Dmitrii Alexeyevich Khitrov – Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Department of the History of Russia before the Early 19th Century of Lomonosov Moscow State University, Organizing Committee member.

E-mail: dkh@bk.ru

The 37th Session of the Symposium on the Agricultural History of Eastern Europe was held in Voronezh in September 2020. The participants of the session raised an academic issue of “The Rural Social Life in the 10th–21st Century: Landowners/Landlords and Farmers”. Russian and Belorussian academics introduced the latest findings related to the social evolution of landowners and farmers and their relations with the state authorities.

Keywords: social evolution of landlords and farmers, categories of peasants, forms of land tenure, types of land use, state, landlords, rural society, representativeness of sources

А.И. КОЛЬБА*

Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, 22–23 октября 2020 г.)**

Всероссийская научная конференция с международным участием прошла на базе Кубанского государственного университета. Участники обсудили влияние цифровизации на различные аспекты политических отношений в современном обществе. В мероприятии приняли участие исследователи-политологи, философы, экономисты, социологи, филологи, что обусловило междисциплинарный характер дискуссий. Статья представляет собой аналитический обзор наиболее интересных докладов и фундаментальных научных проблем, затронутых выступающими.

Ключевые слова: цифровизация, публичная политика, политика развития, политические институты, политические процессы, политические технологии, устойчивое развитие, конфликт, кризис

В конференции приняли участие исследователи из институтов РАН (Института социологии ФНИСЦ РАН, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН), МГУ им. М.В.Ломоносова, СПбГУ, МГИМО (У), НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Балтийского федерального университета им. И.Канта, Пермского ГНИУ, Южного федерального университета, Воронежского, Ярославского, Курского госуниверситетов и др., а также ряд зарубежных участников. Мероприятие проходило в онлайн-формате на платформе Microsoft Teams и включало шесть тематических сессий.

Научная дискуссия велась по таким направлениям, как концептуальные и методологические основания исследования социально-политических процессов в ус-

ловиях цифровизации сферы политики и управления, дискурс развития в современных исследованиях публичной сферы, политическое управление кризисами и конфликтами с учётом требований цифровой среды, политико-институциональные и человеческие аспекты формирования политики развития, экономические и экологические аспекты политики развития в цифровой среде.

Конференция открылась сессией, посвящённой дискурсам развития в социально-гуманитарных науках. Выступающие затронули различные аспекты цифровизации в современной политике. К её влиянию на функционирование демократических институтов в современном обществе привлекла внимание слушателей А.В.Глухова (ВорГУ). Проб-

* **Кольба Алексей Иванович** — доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: alivka2000@mail.ru

** Проект 20-011-22004.

лемы управления сетевыми сообществами в онлайн-секторе публично-политической сферы и его инструментарий стали содержанием доклада И.В.Мирошниченко (КубГУ). И.Л.Прохоренко (ИМЭМО РАН) провела анализ проблем глобальной цифровизации в контексте взаимодействия ведущих государств мира. В докладе И.С.Семененко (ИМЭМО РАН) были изложены результаты анализа повестки дня в дискурсе «ответственного развития». Эмпирическое исследование основных трендов миграционной политики в цифровом обществе представила И.П.Цапенко (ИМЭМО РАН).

В рамках второй тематической сессии «Процессы цифровизации общества и политики: концептуальные основания и методология исследований» Л.Н.Тимофеева (РАНХиГС) отразила проблемы социальных и политических изменений в структуре современных обществ. Возможности и проблемы взаимодействия граждан и государства в цифровых форматах были освещены в докладе Л.В.Сморгунова (СПбГУ). На эффективности использования различных методов анализа данных онлайн-сетей для организации публичного управления взаимодействием граждан и властных структур в развитии городов сосредоточил внимание А.Н.Расходичков (Московский центр урбанистики «Город»).

Параллельно шла работа сессии «Политические институты, процессы и технологии: эффекты и результаты цифровизации». Она открылась докладом Н.А.Баранова (СПбГУ), в котором политическая мобилизация в современном обществе была рассмотрена в контексте различных форм цифрового контроля. А.В.Волкова (СПбГУ) посвятила своё выступление результатам сравнительного анализа институциональных особенностей развития механизмов цифрового публичного управления в Германии и Эстонии. Е.В.Морозова (КубГУ) презентовала результаты исследования поколенческих аспектов проявления цифрового нера-

венства в публично-политической сфере. Отрадно, что молодые учёные приняли активное участие и представили исследования, выполненные на высоком уровне. Так, И.О.Вяткин (НИУ ВШЭ (СПб)) рассказал об исследовании внешнеполитических аспектов цифровизации, связанных с развитием российской публичной дипломатии на современном этапе. Д.А.Макей (БФУ) рассмотрел проблему цифрового неравенства в контексте развития технологий электронного правительства в РФ.

В рамках четвёртой сессии «Человеческое измерение политики развития в условиях цифровизации» Х.А.Гаджиев (РАНХиГС) рассмотрел различные аспекты политического участия в цифровом обществе. Использованию цифровых технологий в процессах патриотического воспитания российских школьников посвятила выступление Я.Ю.Шашкова (АлГУ). Доклад А.И.Щербинина (ТомГУ) раскрыл проблемы развития гражданского участия иностранных студентов в российских вузах на основе проектной деятельности. Фокус исследования О.В.Поповой (СПбГУ) был сосредоточен на вопросах формирования общественного мнения российской молодёжи в контексте феномена онлайн-лидерства. В совместном докладе Н.Н.Козловой (ТверГУ), О.Г.Овчаровой (РГСАИ) и С.В.Рассадиной (ТверГТУ) были изложены результаты исследования семейной политики в РФ и гражданской активности в социальных сетях как её проекции.

Пятая тематическая сессия «Публичное управление конфликтами и кризисами в эпоху цифровизации» открылась докладом Р.В.Савенкова (ВорГУ) и Ю.И.Лаптевой (ВорГУ), в котором была рассмотрена роль информационных технологий в конфликтах, связанных с оспариванием в публичном пространстве. Проблемы, возникающие в сфере молодёжной политики в связи с её виртуализацией, рассмотрел Е.О.Негров (СПбГУ). М.Ю.Носков (НИУ ВШЭ (СПб)) посвятил свой до-

клад рассмотрению практик управления конфликтами в условия пандемии COVID-19, используемых в Южной Корее. А.В.Соколов (ЯрГУ) и С.В.Миронова (ЯрГУ) также анализировали проблемы, связанные с пандемией, а именно изменение протестной повестки в новых условиях. А.И.Кольба (КубГУ) определил особенности конфликтования и развития конструктивного потенциала участия в конфликтах городских сообществ, связанные с формированием цифровой среды в крупных городах.

В ходе шестой тематической сессии «Политика устойчивого развития и цифровизация» также был представлен ряд значимых результатов исследований. С.Г.Тяглов (РГЭУ) в рамках доклада, подготовленного совместно с Н.Г.Кузнецовым (РГЭУ) и Н.Д.Родионовой (РГЭУ), раскрыл актуальные аспекты развития инновационной системы Ростовской области, обусловленные цифровизацией. В исследовании Р.Вецкалне (Riga Technical University), выполненном вместе с Т.Тамбовцевой (Riga Technical University), дан анализ проблем устойчивого развития урбанизированных территорий. Совместный доклад Т.Тамбовцевой, Д.Атстая (Riga Technical University), И.Уваровой (Riga Technical University) и М.В.Терешинной (КубГУ) был посвящён вопросам трансграничного туризма на сельских территориях. Цифровизацию как фактор развития циркулярной экономики охарактеризовала Е.А.Яковлева (ВорГУ).

На основе обсуждений в рамках тематических сессий были сформированы теоретико-методологические основания исследования процессов цифровизации в сфере публичной политики и управления. Это даёт возможность активизировать научные дискуссии и инициировать проведение практико-ориентированных эмпирических исследований. Конференция предоставила возможность обсудить результаты, достигнутые при реализации научно-исследовательских проектов, и расширить научные контакты меж-

ду участниками, создав предпосылки для формирования новых исследовательских коллективов по указанным направлениям.

Участники форума выявили ряд фундаментальных научных проблем, ставших предметом обсуждения:

- ♦ проблемы политического развития в цифровую эпоху, в частности дискурс цифровизации и его воздействие на политические институты и процессы, политические и политико-управленческие практики цифровизации, её влияние на социальную структуру общества, взаимовлияние цифровизации и других трендов социально-политического развития;
- ♦ концептуальные проблемы цифровизации в политической сфере и исследовательские подходы: использование сетевого подхода в исследованиях данной проблематики, теоретические проблемы взаимодействия субъектов политики (государства, граждан, экспертных сообществ, политических партий и др.) в новых условиях, методы и инструменты исследований проблем цифровизации политической сферы;
- ♦ институциональные, процессные, технологические проблемы политической цифровизации: её роль в трансформации процессов публичного управления и формировании государственной политики в новых условиях, цифровые трансформации городов, цифровое неравенство и его влияние на социально-политические процессы, роль и возможности общественных структур в системе принятия решений;
- ♦ проблемы субъектных трансформаций в цифровом обществе: инновации в сфере политического участия, формирования общественного мнения, основанные на цифровых технологиях, политическая идентичность и политика памяти в период цифровизации, практики политической и гражданской деятельности в цифровой среде, презентация и репрезентация политических субъектов;

- ♦ проблемы политического управления конфликтами и кризисами в цифровом обществе: медиатизация конфликтов, возрастание роли публичного цифрового пространства в их регулировании, возможности использования цифровых технологий в административном управлении кризисными процессами, в том числе связанными с пандемией COVID-19, влияние интернет-сетей на формирование конфликтной и протестной политической повестки, реализация конструктивного потенциала конфликтности, виртуальные проекции политических проблем;
- ♦ проблемы обеспечения устойчивого общественного развития в цифровой реальности: цели устойчивого развития, концепты и практики его обеспечения, административное и политическое управление процессами в цифровой экономике, механизмы согласования интересов в условиях цифровизации, тенденции изменений в отдельных отраслях экономики, управление экологической проблематикой в контексте устойчивого развития.
По итогам конференции был выпущен сборник докладов, представленных участниками.

ENGLISH

National Academic Conference with International Participation

“Development Policy in a Digitized Society” (Krasnodar, October 22–23, 2020)

Alexei Ivanovich Kolba – Doctor of Sciences in Political Sciences, Professor at the Department of Public Policy and Public Governance of Kuban State University, Chairman of the Conference Organizing Committee.
E-mail: alivka2000@mail.ru

National Academic Conference with International Participation was held at Kuban State University. The participants discussed the impact of digitalization on various aspects of political relations in modern society. The conference was attended by political scientists, philosophers, economists, sociologists, and philologists, resulting in the interdisciplinary nature of the discussions. The paper offers an analytical summary of the most interesting reports and the fundamental academic issues raised by the speakers.

Keywords: digitalization, public policy, development policy, political institutions, political processes, political technology, sustainability, conflict, crisis

А.А. ДОРСКАЯ, В.Г. БОНДАРЕВ*

Международная научно-практическая конференция «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» (Санкт-Петербург, 11–12 сентября 2020 г.)**

Международная научно-практическая конференция «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» была приурочена к 75-летию Победы над фашистской Германией и её союзниками. Конференция стала площадкой для выявления возможностей юридической науки и практики отвечать на современные вызовы всеобщего обращения к прошлому, наблюдающиеся в XXI в. в различных регионах мира, и даже «войн памяти». Эти события вызваны самоидентификацией многих народов в связи с распадом существовавших государств и новыми международными интеграционными образованиями; со сменой поколений, когда большее количество людей, живущих на планете, уже не испытало на себе ужасы Второй мировой войны и поэтому подвергает пересмотру её результаты; с появлением понятия «официальная политика памяти» («коллективная память», «политика памяти», «историческая память», «мемориальная политика», «историческая политика»); с новыми оценками исторических событий, столетие которых отмечалось в последнее время (2014 г. — начало Первой мировой войны, 2017 г. — Октябрьская революция в России, 2018 г. — окончание Первой мировой войны и т.д.).

Ключевые слова: юридические формы переживания истории, теория коллективной памяти, официальная политика памяти, мемориальное законодательство

В состоявшейся в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия конференции приняли участие ведущие исследователи в области юриспруденции, истории, философии, политологии, лингвистики, юристы-практи-

ки, а также молодые учёные из России, Нидерландов, Польши, Беларуси, Казахстана и Узбекистана. С учётом ограничений, введённых в связи с пандемией, часть зарубежных и российских специалистов участвовала в ней в дистанционном формате. Однако это не помешало

* **Дорская Александра Андреевна** — доктор юридических наук, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (РГУП), руководитель проекта «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» (20-011-20021), сопредседатель Оргкомитета конференции.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Бондарев Виктор Геннадьевич — кандидат политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала РГУП, сопредседатель Оргкомитета конференции.

E-mail: vicbondarev@mail.ru

** Проект 20-011-20021.

Фото. На трибуне И.Л. Честнов. В президиуме (слева направо): А.А. Дорская, Я.Б. Жолобов и В.Г. Бондарев

активному обсуждению докладов и содержательной научной дискуссии.

На пленарном заседании выступили такие известные российские учёные, как С.В.Кодан, И.Л.Честнов, Т.Ф.Ящук, Д.А.Пашенцев, Н.Н.Ефремова, М.А.Кожевина, С.В.Лонская, Т.В.Шатковская, И.А.Васильев, Т.Н.Ильина и другие, а также иностранные участники, в частности судья Апелляционного суда Арнем-Лейварден Рут Арие Ван Дер Пол (Нидерланды, Осс), посвятивший свой доклад научному правовому наследию Гуго Гроция, и судья окружного суда в Кракове Павел Сайрэн (Польша, Краков), рассмотревший наследие Е.Васьковского как общее достояние российской и польской юридической науки.

В докладе д.ю.н., профессора С.В.Кодана было показано, что социальная память выступает в качестве важного познавательно-инструментального средства в изучении социальных процессов, институтов и продуктов в различных сферах деятельности общества и предложена исследовательская модель классификации социальной памяти.

Д.ю.н., профессор И.Л.Честнов (фото) в своём выступлении высказал мысль

о том, что коллективная память о прошлом в сфере права – это то, как воспринимается и воспроизводится практиками «официальная» история права, запечатлённая в учебниках, программах, традиционной научной литературе, а историческая правовая память, обеспечивающая правовую идентичность социума, – это то, что думают и какие значения приписывают правовому прошлому люди на основе сконструированного властью (в широком смысле слова включающей референтные группы) образа или социального представления о юридическом прошлом.

Отражению юридической оценки событий российской истории в федеральном законодательстве в условиях цифровизации правовой сферы общества было посвящено выступление д.ю.н., профессора Д.А.Пашенцева. Он выделил два взаимодополняющих процесса, которые характеризуют современное отношение к событиям Великой Отечественной войны: увековечивание значимых событий отечественной истории, в первую очередь связанных с героическими победами, и установление ответственности за искажение

нашей истории и попытки её фальсификации.

Плодотворно прошли секционные заседания.

В рамках работы первой секции «Официальная политика памяти: теоретическое и историческое измерения» были обсуждены теоретические и историко-правовые вопросы официальной политики памяти.

Так, в докладе к.ю.н., доцента Н.И.Алексеевой проводилось сравнение таких понятий, как «политика памяти» и «историческая политика». Автор пришла к выводу, что политика памяти — это конструирование властью необходимых представлений о прошлом. В этом процессе большое значение отводится политике. Историческая политика — это постоянное стимулирование обращения к прошлому, для этого используются различные формы институционализации (музеи, архивы, памятники культуры, государственные символы, национальные герои, государственные праздники, памятные даты). Благодаря исторической политике те или иные элементы истории прошлого либо вовлекаются в культурный оборот, либо вытесняются.

Биографический подход к изучению социальной памяти рассматривался в докладе к.и.н., доцента Т.М.Баженовой, д.ю.н., профессора С.В.Кодана. Вопросы юридических форм переживания цифровизации были затронуты в докладе к.ю.н. М.В.Залого. Историческим аспектам официальной политики памяти посвящали доклады к.ю.н. О.М.Карамышев, к.ю.н. М.И.Юдина, к.ю.н. В.В.Ефремова.

На секции «Мемориальные законы России и зарубежных стран» к.ю.н., доцент С.В.Бочкарёв проанализировал кризисные явления как историко-правовую категорию на примере Франции. К.ю.н., к.пед.н., доцент З.Н.Калиндаришвили и к.и.н. В.А.Ковалёв затронули вопросы исторической памяти, национальной идентичности и общего права в США эпохи Гражданской войны.

В рамках секции «Международно-правовое осмысление исторического про-

цесса» обсуждались вопросы мирной сепарации на примере опыта скандинавских стран (доклад к.ю.н. Ю.В.Гинзбурга), реконструкции конституционно-правовых механизмов предотвращения сепарации на примере стран восточно-европейского региона (доклад к.ю.н. Э.Э.Хащиной), сохранения исторической памяти на примере обучения иностранному языку (доклад к.ф.н. А.И.Сининой, Н.Н.Шестаковой).

Секция «Практики и пределы юридической квалификации отношений в сфере спорта: история и современность» была посвящена вопросам уголовной политики в этой сфере (П.В.Цветков), противодействию организованной преступности в спорте как историко-правовой проблеме (к.ю.н. Е.В.Топильская), развитию законодательства с целью предупреждения экстремистских проявлений в сфере спорта (д.ю.н., профессор С.У.Дикаев).

На секции «Проблемы юридических аспектов переживания истории в исследованиях молодых учёных» выступили аспиранты, магистранты и студенты, доклады которых были посвящены, в частности, проблемам эффективности правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России (Л.А.Кадырова), анализу Федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы» (Е.С.Урдина), некоторым аспектам правового регулирования срока давности в Уголовном праве Российской Федерации (Д.С.Зубрицкий) и другим юридическим аспектам переживания истории.

На конференции обсуждались такие фундаментальные научные проблемы, как возможность юридического определения отношения к историческим событиям, соотношение официальной политики памяти и свободы научного творчества, прежде всего в области истории и истории права, юридические инструменты предотвращения и преодоления «войн памяти», наблюдающихся сегодня в различных регионах мира, соотношение международного и внутригосударственного права

в «мемориальных» вопросах (в частности, современные попытки путём принятия национальных законов пересмотреть решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов), роль международных организаций и международного права в процессе универсализации политики памяти современных государств.

Обсуждение на конференции заявленных вопросов будет способствовать формированию новой классификации мемориальных законов и развитию существующих направлений в рамках официальной политики памяти разных государств.

Потенциальные возможности практического использования научных результатов мероприятия можно представить следующим образом.

- 1) Юридические формы переживания истории связаны с официальной политикой памяти, которая проводится на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях.
- 2) Официальная политика памяти известна с древних времён и сначала была тесно связана с каноническим подтекстом. Например, канонизация невинно убитых князей, царей, построение религиозных зданий в честь военных побед, учреждение орденов, медалей использовались властью на разных этапах исторического развития.

Данное явление актуализировалось во второй половине XX в. Огромную роль в этом процессе сыграл бывший канцлер Германии Гельмут Коль, когда начал проводить политику формирования немецкого патриотизма в позитивном плане.

- 3) На современном этапе можно выделить три уровня официальной политики памяти.

Первый — международный. Так, на основе Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 60/7 от 1 ноября 2005 г. была разработана Программа просветительской деятельности «Холокост и ООН», поощряющая разработку государствами-членами образовательных проектов. 27 января было провозглашено Днём памяти жертв Холо-

коста. В 2007 г. принята Резолюция, осуждающая отрицание Холокоста, за которую проголосовали 102 государства из 192.

Второй — наднациональный, который можно рассмотреть на примере официальной политики памяти Европейского Союза. Перед данной международной интеграционной организацией встала нелёгкая задача написания общеевропейской истории, тогда как большую часть времени многие государства постоянно воевали между собой, имеют спорные территории, в XX в. были разделены принадлежностью к капиталистическому или социалистическому лагерю и т.д. Эта политика проводится уже около четверти века, и пока принимаемые меры идут по нарастающей. Так, в 1996 г. Директива ЕС обязала страны-участницы ввести уголовную ответственность за публичное оправдание преступлений, осуждённых Нюрнбергским трибуналом. В 2019 г. появилась Резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы».

Третий — внутригосударственный. В правовой жизни многих государств, прежде всего европейских, с 1990-х гг. появился такой тип законов, как мемориальные. Неоднозначность данного процесса привела к тому, что в зависимости от отношения к мемориальному законодательству выделяются три группы стран: считающие неприемлемым законодательное закрепление отношения к прошлому (США); принявшие мемориальные законы, которые не стали действующими, так как были признаны не соответствующими Конституции (Испания); принявшие мемориальные законы и выступающие за их дальнейшее развитие (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Израиль, Канада, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Чехия, Швейцария и др.).

- 4) Международно-правовой уровень регулирования отношения к историческим событиям во многом имеет преимущества по сравнению с наднациональным

и внутригосударственным. Международное право является определённым сдерживающим началом для развития мемориального законодательства, критерием его соответствия универсальной системе прав человека. Главной задачей нормативно-правовых актов и договоров является поддержание равновесия во избежание нового противостояния. Принятие новых документов на международно-правовом уровне, затрагивающих исторический материал, основано на согласованной воле всех сторон или большинства из них. Так,

16 ноября 2017 г. Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял российский вариант резолюции о борьбе с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами дискриминационных практик. Из 193 государств «за» проголосовали 125.

По итогам работы конференции была опубликована коллективная монография «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» / Под ред. С.В.Бочкарёва. СПб.: Астерион, 2020. — 694 с. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44184497_53582436.pdf).

ENGLISH

International Research-to-Practice Conference “Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits” (St. Petersburg, September 11–12, 2020)

Alexandra Andreevna Dorskaya — Doctor of Sciences in Jurisprudence, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, head of the project “Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits” (20-011-20021), Co-Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Viktor Gennadyevich Bondarev — Candidate of Sciences in Political Sciences, Head of the Department of Humanities and Social & Economic Disciplines of Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Co-Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: vicbondarev@mail.ru

International Research-to-Practice Conference “Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits” was dedicated to the 75th anniversary of the victory over the Nazi Germany and its allies. The conference provided a forum for identifying the ability of legal science and practice to respond to the current challenges of the global appeal to the past, as seen in the 21st century, and to the “wars of memory” caused by the need for self-identification of people due to the break-up of certain states and the formation of new international integrated units, the change of generations, when the majority of people living nowadays have not been witnesses of the WWII, therefore reviewing its outcome, the emergence of the concept of “official memory policy” (“collective memory”, “memory policy”, “historical memory”, “memorial policy”, “historical policy”), and the new recognition of historical events, recently celebrating the 100th anniversary (2014 – the beginning of WWI, 2017 – the Russian Bolshevik Revolution, 2018 – the end of WWI, etc.).

Keywords: legal forms of experiencing history, collective memory theory, official memory policy, memorial legislation

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-141-145

С.И. ХВАТОВА*

IV Международная научная конференция «Богослужebные практики и культoвые искусства в современном мире»: перспективы развития научного направления (Краснодар, 9–12 ноября 2020 г.)**

В статье анализируются итоги работы IV Международной научной конференции. Учёные представили новые сведения о современном состоянии религиозных практик различных конфессиональных сообществ, выявили знаки культа в контексте произведений светского искусства, рассмотрели состояние богослужebного канона в современной культoвой практике, сакральную жизнь человека в условиях традиционных религиозных действий. Исследователи проанализировали роль культoвых искусств в жизни общества, их образовательный и воспитательный потенциал, формы представления сакрального в современном мире. Общий предмет исследования уже в четвёртый раз объединяет искусствоведов, историков, культурологов, педагогов, психологов, религиоведов, философов, а также широкий круг лиц, занимающихся духовным просвещением и воспитанием.

Ключевые слова: богослужebные практики, культoвые искусства, канон и автор, духовно-нравственное воспитание, богословие, религиоведение

Стремительно меняющаяся этноконфессиональная ситуация в мире требует оперативной фиксации происходящего, описания и научного осмысления. Современное богослужение, чутко реагирующее на любые социокультурные изменения, взятое в синхроническом срезе, создаёт ретроспективу путей эволюции и реформаторских преобразований культoвых искусств. Оно предстаёт как явление разнородное и полистадиальное, с разной долей авторского начала

в широком стилевом диапазоне. Границы духовного и светского, сакрального и профанного всё более условны, поэтому сепарация изучения предмета исследования по узким научным специальностям вряд ли целесообразна и приведёт к необъективному результату. Всё большее число учёных склоняется к мнению, что в изучении богослужebных практик и культoвых искусств применим именно комплексный подход, и коллегиальное междисциплинарное участие боль-

* **Хватова Светлана Ивановна** — доктор искусствоведения, профессор кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры, заведующая кафедрой музыкального и хореографического искусства Адыгейского государственного университета, главный научный сотрудник Центра комплексных научных исследований Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, Заслуженный деятель искусств Республики Адыгея, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: hvatova_svetlana@mail.ru

** Проект 20-012-20002.

шого научного коллектива в работе даст наиболее значимые результаты. Объединение усилий богословов, искусствоведов, историков, педагогов, психологов, религиоведов, филологов, философов позволяет представить панорамную картину духовной жизни современного общества, отражаемую в искусстве, специфику трансмиссии традиции, её сохранения и интенсивной трансформации одновременно.

Несмотря на пандемию и весьма напряжённую обстановку — невозможность приезда большого числа участников для научного общения — IV Международная конференция «Богослужebные практики и культовые искусства в современном мире» состоялась. В конференции приняли участие 130 учёных из Абхазии, Австрии, Азербайджана, Беларуси, Ватикана, Германии, Израиля, Индии, Италии, Ирака, Казахстана, Китая, Молдовы, Польши, России, Румынии, Украины, Франции и других стран.

Научный коллектив, который сложился в результате работы четырёх форумов (в 2016–2020 гг.), прошедших в Адыгейском государственном университете (Майкоп) и Краснодарском государственном институте культуры, стабильный на две трети и обновляющийся за счёт молодых исследователей — студентов, магистрантов и аспирантов, пришёл к единодушному мнению, что следует расширять формат работы конференции за счёт сопутствующих исследовательских и издательских проектов. Помимо издания материалов конференции, составивших в 2020 г. 1760-страничный двухтомник, актуально было бы сохранять видео- и аудиоматериалы, презентации — всё то, что позволяет изучать в дальнейшем нематериальное культурное наследие народов мира и иеротопическую деятельность человека по сакрализации среды обитания.

Работа первой — самой массовой — секции «Практическое отправление богослужений и культовые искусства» была посвящена динамике современного бо-

гослужebного канона различных конфессий, специфике его практической реализации, выработке методологии междисциплинарного исследования синкретического богослужebного действия. На основе анализа докладов, посвящённых практическому отпращиванию богослужений, определялось общее и специфическое, рассматриваются точки соприкосновения и взаимовлияния культовых искусств. Попутно выявлялись терминологические противоречия, шлифовался понятийный аппарат, свойственный иеротопическому методу.

Условия отпращивания богослужений анализировались в докладах Н.В. Садыковой (Сахалин), А.В. Приникова и Ю.А. Курдина (Арзамас), С.И. Хватовой (Краснодар — Майкоп). Внутренние компоненты богослужebно-певческого канона рассматривались в докладах З.М. Гусейновой (Санкт-Петербург), А.Б. Ковалева (Москва), И.И. Куловой и Т.С. Рудиченко (Ростов-на-Дону). Сообщения Л.А. Густовой (Беларусь, Минск), В.С. Лебецкого (Польша, Люблин), Г.А. Пожидаевой (Москва) затрагивали вопросы интерпретологии произведений, созданных на канонические богослужebные тексты, в том числе и в богослужebных условиях. Философско-теологическому осмыслению практического отпращивания богослужений были посвящены доклады В.Ю. Антиповой (в Индонезии), А. Буду (в Румынии), Ст. Гейгера (в Австрии) и Т.В. Карташовой (в Индии).

По сравнению с предыдущими конференциями в работе первой секции увеличилось число докладов нехристианской направленности, что признано участниками форума положительной тенденцией по преодолению своего рода «христоцентризма» первых проектов и движением в сторону большего тематического разнообразия. Были представлены исследования М.С. Уланова по калмыцкому буддизму, Е. Хаздан по иудейским богослужebным книгам, Т.В. Карташовой по индийскому тхмури и другие.

Вторая секция «Сакральное в светском искусстве» была посвящена выявлению знаков культа в произведениях светского искусства, их смысловому значению, «читаемости» и художественной выразительности в предложенном автором контексте. Докладчики обозначили пути взаимодействия и взаимовлияния сакрального и обыденного в светском искусстве, специфику авторской поэтики и литургической интертекстуальности. В работе секции усилилась линия смежных с музыкальным искусством: прозвучали сообщения о литературе (Р.Л.Авидзба, Москва), изобразительном искусстве (Аль-Джазери и Аса Агхураби (Ирак, Багдад)), Н.Б.Девбенковва-Спарिश (Беларусь, Минск), А.Н.Соколовой (Майкоп), кино — Д.А.Мусахан (Казахстан) и синтеза искусств в современном перформансе, представленном серией докладов учёных из Ростовской государственной консерватории им. С.В.Рахманинова (В.Н.Дёмина, Е.В.Кисеева, В.Ю.Кисеев, А.В.Крылова).

Участники третьей секции «Канон и автор: проблема творческой самореализации в культовых искусствах» сконцентрировали внимание на выявлении допустимости авторского волеизъявления в культовых искусствах, диапазоне средств выразительности в соотношении с богослужebными задачами. Предпринималась попытка очертить меру дозволенного авторского волеизъявления в рамках богослужebного канона, обсуждалась проблема традиционного и новаторского в сфере церковных искусств.

Традиционным религиям и верованиям в контексте мировой культуры была посвящена работа четвёртой секции, объединившей по преимуществу этномузикологов и искусствоведов, исследования которых затрагивают этноконфессиональную тематику. Традиционные религии были отражены в докладах Б.Ж.Бабижан (Казахстан, Алма-Ата), В.Г.Григорьевой, С.А.Жигановой (Краснодар), А.Р.Канатовой (Казахстан, Нурсултан), Е.С.Ты-

щенко (Астрахань), У Пэнфэя (Китай, Шэнси), М.С.Уланова (Элиста), Б.С.Хотко (Абхазия, Сухум), Г.А.Сайылова (Азербайджан, Баку). Традиционная вера неизбывна у многих народов, и она достаточно гибко вписывается в мировые религии, а порой существует независимо и параллельно. Выявление скрытых до определённого времени традиционных практик и установление характера их взаимодействия с «официальными» религиозными культами и богослужebными практиками составляло главную цель обсуждения на секции. Немаловажный аспект — отражение традиционных верований в академическом искусстве — был затронут в исследовании З.В.Бахтиной (Краснодар).

Психолого-педагогический потенциал культового искусства неизменно находится в центре исследовательских интересов учёных смежных специальностей и преподавателей дисциплин «История искусства», «История культур и цивилизаций», так или иначе связанных с культом (В.В.Абраухова и Т.И.Власова, Россия, Ростов-на-Дону; О.Б.Дрепина, Украина, Луганск; Д.В.Рунцо, Беларусь, Минск). Авторы рассматривали пути введения богослужebных произведений в образовательные программы светских и духовных учебных заведений, обсуждается толкование содержания знаков культа в контексте светских жанров искусства, анализируется обновление содержания современного образования в контексте современной духовной жизни (Л.В.Дробышевская, Россия, Орел; А.Г.Хачаянц, Россия, Саратов; Р.И.Лозовская и И.В.Митус, Россия, Майкоп; И.Е.Новичкова, Украина, Луганск).

Богословский контекст изучения культовых искусств был представлен в рамках шестой секции. Изучение культовых искусств в корреляции с богослужebными установлениями и катехизисом различных конфессий — ислама (Р.К.Адыгамов, Россия, Казань; христианства (о. Александр Барнеа, Румыния, Яссы; А.Буду, Ру-

мыния, Яссы; М.Шрайбер, Германия, Эссен), иудаизма (Д.Г.Гутман, Германия, Крефелд-Дюссельдорф; А.А.Предоляк, Россия, Краснодар), буддизма (М.С.Уланов, Г.В.Уланова, Н.Ф.Бакараева, Россия, Элиста), даосизма (Хуан Шуай, Китай, Шэньси), а также в межконфессиональном взаимодействии (Г.Б.Луганская, Россия, Майкоп). Участники секции выявили смысловые параллелизмы Всемирного писания и конфессиональные различия, рассмотрели частные проблемы богословских наук и религиозоведения во взаимосвязи с социологией культуры и историей религии.

К главным научным итогам работы конференции можно отнести:

- ♦ стойкое сохранение интереса к сформировавшемуся предмету исследования у постоянных членов научного коллектива, принимающих участие в конференции уже в четвёртый раз (около 2/3 остепенённых участников) и привлечение молодых исследователей — аспирантов, магистрантов, концентрация их внимания на богослужебных практиках и культовых искусствах как на основной или сопутствующей проблеме;
- ♦ продолжение формирования фонда аудио- и видеоматериалов по представленной теме, что в конечном итоге содействует сохранению нематериального культурного наследия;
- ♦ выявление, наблюдение и описание динамики современного богослужебного канона различной конфессиональной принадлежности, его «социальной отзывчивости», включённости в современный социокультурный контекст;
- ♦ констатация усиления «воли к сакральному», вовлечения в творческий процесс всё большего числа творческих людей, изучение персоналий деятелей литературы и искусства;
- ♦ обнаружение ритуальности в массовых политических и музыкально-театрализованных действиях и представлениях, перформансах на улицах, площадях, торговых центрах, изучение действий

человека по «сакрализации» окружающей его среды.

Проведённый анализ динамики богослужебных канонов позволяет с достаточным основанием говорить о тех потенциальных ресурсах культового искусства, которые обычно остаются за пределами исследовательского поля искусствоведения: жизнедеятельность в широком смысле слова, жизненный процесс как фиксируемое движение человека во времени и пространстве, созидание как жизненно важная воспроизводящая функция и её конкретная реализация в формах деятельности по сакрализации пространства. И это даёт повод для продолжения научных изысканий в данном направлении.

Участники IV Международной научной конференции «Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире» сформулировали ряд предложений: продолжить исследования в обозначенном направлении и обобщить результаты в коллективной монографии; выявить проблемы и разработать совместные подходы к взаимодействию учреждений многоуровневой системы художественного образования в плане обновления программ для включения в них культовых жанров; сформировать принципы взаимодействия профессионального сообщества в области изучения культовых искусств в контексте богослужебных практик; расширить научно-практические коммуникации профессионального сообщества в области музыкального образования в международных масштабах, используя при этом возможности современных цифровых технологий; ориентировать специалистов в области богословия, искусствоведения, истории, педагогики, психологии, религиоведения, философии, филологии и других гуманитарных наук на исследование деятельности человека по сакрализации жизненного пространства средствами искусства.

ENGLISH

4th International Academic Conference

“Liturgical Practices and Hieratic Arts Nowadays: Prospects for the Development of Research Area” (Krasnodar, November 9–12, 2020)

Svetlana Ivanovna Khvatova – Doctor of Sciences in Art History, Professor at the Department of Music Studies, Composition and Methods of Music Education of Krasnodar State Institute of Culture, Head of the Department of Music and Choreography of Adygea State University, Chief Researcher at the Center for Integrated Studies of Saratov State Conservatory named after Leonid Sobinov, Honored Artist of the Republic of Adygea, Chairman of the Conference Organizing Committee.
E-mail: hvatova_svetlana@mail.ru

The paper analyses the findings of the 4th International Academic Conference. The academics reported new information on the current state of religious practices of different faith communities, as well as identified the hieratic signs in the context of secular art. The reporting researchers also explored the state of the liturgical canon in a current religious practice and reviewed the sacral aspect of human life in the context of traditional religious practices. The scholars also discussed the role of hieratic art in community life, its educational and enlightening capacity, and the modern forms of representation of the sacred. For the fourth time, the common subject of the study brings together art historians, historians, culture researchers, educators, psychologists, theologians, philosophers, and a number of persons involved in spiritual enlightenment and education.

Keywords: liturgical practices, hieratic art, canon and the author, spiritual and moral education, theology, religious studies

С.А. ЛОМАКИНА*

Всероссийская научная конференция «Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья» (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) (Елец, 24–26 сентября 2020 г.)**

Научное мероприятие было определено двумя юбилейными датами: 150-летием со дня рождения Нобелевского лауреата И.А. Бунина и 20-летием со времени преобразования Елецкого государственного педагогического института в Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Основная цель состоявшейся конференции заключалась в обсуждении новых направлений изучения творческого наследия великого русского писателя, в аналитическом рассмотрении научных и творческих достижений выдающихся деятелей литературы, философии, образования и культуры, связанных с русским Подстепьем. Доклады участников форума были посвящены проблемам исследования литературного, публицистического, эпистолярного наследия Ивана Бунина и других писателей в контексте культурно-художественного континуума русского Подстепья.

Ключевые слова: творчество И.А. Бунина, русское Подстепье, культурно-эстетические традиции, мирозобраз писателя, художественное пространство

Бунин И.А. биографически и творчески связан с Ельцом, который является центром реально-художественного пространства, именуемого Бунинской Россией. В центральной части России, русском Подстепье, сложились многовековые культурно-эстетические традиции, способствующие духовно-нравственному и литературно-художественному развитию страны. Творчество писателя принадлежит к той сфере отечественной литературы, важнейшим признаком которой является органичное родство с ведущими культурно-художественными идеями и традициями нашего времени. Наследие Бунина неразрывно связано с об-

щечеловеческими проблемами, нашедшими отражение в художественных, публицистических, педагогических опытах тех представителей русского Подстепья, чьё творчество давно уже вошло в сокровищницу мировой культуры.

Литература Подстепья, отразившая атмосферу эпохальных разломов и жизненные реалии XX в., способствовала обсуждению в новом формате, реализованном в ходе конференции: в движении от разрозненных фактов, оценок и суждений к созданию целостной картины духовной жизни региона, сыгравшего знаковую роль в истории нашей страны.

* **Ломакина Светлана Александровна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературоведения и журналистики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: samal66@yandex.ru

** Проект 20-012-22039.

В работе конференции приняли участие учёные из Архангельска, Балашихи, Белгорода, Воронежа, Ельца, Иваново, Краснодара, Липецка, Москвы, Орла, Оренбурга, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Тольятти, Ярославля.

Доклады на пленарном заседании были обращены к жизненным реалиям XX в., многовековым культурно-эстетическим традициям, способствующим духовно-нравственному и литературно-художественному развитию страны. И.М. Курносова представила наблюдения над особенностями языка И. Бунина, позволяющими увидеть языковую личность писателя через призму народно-разговорной языковой культуры. На материале переписки писателя Е.Р. Матвеев раскрыла историю взаимоотношений между И.А. Буниным и А.С. Черемновым с 1902 по 18 марта 1919 г. Н.Н. Комлик, исследуя «грамматику ароматов», выявила «новые смысловые линии», содержащие мегабайты значащей информации о русском человеке и мире. С «Концепцией юбилейной выставки к 150-летию И.А. Бунина в Пушкинском доме» познакомила участников конференции Л.К. Хитрово.

Большая часть докладов первой секции «Феноменология бунинского текста» касалась природы художественного творчества и метода писателя. С позиции единства рассматривалось философское, религиозное, художественное, этическое и нравственно-психологическое в наследии писателя. Это влияние летописной традиции на автора «Окаянных дней» (А.В. Бакунцев), традиции пушкинской поэзии, которые способствовали выявлению в лирике Бунина соотнесений, синтеза времён, напряжённый драматизм состояний и ощущений героя (И.А. Балашова), культурные традиции Венеции (Л.В. Диденко). К библейским текстам в путевых очерках И.А. Бунина «Тень птицы» было обращено выступление Л.М. Грановской (онлайн).

Особое внимание было уделено вопросам изображения человеческого быта, парадоксам предметного мира, противоречиям социума, трагизму духовной куль-

туры. Образ степи коррелирует у Бунина с образами поля и моря, он формирует два пейзажа, хранящих историческую память: равнинный пейзаж центральной России и крымский пейзаж (О.А. Бердникова, С.В. Бунин), а город молодости предстаёт как место сакральное и благословенное, вызывающее особое настроение отрадно-ностальгической грусти (Н.А. Трубицина). На основе чувственного восприятия Бунин создаёт описание свойств локуса, которые опираются на индивидуально-авторские представления и знания (О.А. Мещерякова), а тишина в поэтическом мире И.А. Бунина предстаёт как особый таинственный мир, живущий по законам бытия, познать которые писатель стремился всю свою жизнь (Е.Н. Морозова). О.С. Шурупова отметила, что И.А. Бунин прибегает к эпизации и активно использует образы народного творчества, а также языковые средства стилизации. На выявление особенностей художественного времени и пространства, тематического своеобразия рассказа «Странствия», а также на постижение уникальности художественного метода писателя было направлено сообщение М.В. Никитиной. П.В. Пороль обратилась к переводу на китайский язык рассказа Бунина «Сны Чанга» и отметила существование в рассказе двух начал: Логоса и Дао.

Оживлённую дискуссию вызвали выступления Е.А. Яблокова и М.В. Лескинен, посвящённые филологическому анализу рассказа «Идол». Исследователи отметили, что в сюжетах Бунина тема «идола» играет важную роль, поскольку включена в одну из принципиальных для писателя оппозиций «Восток—Запад». В.А. Сарычев аргументировал мысль о том, что своим восприятием человека и общества в качестве неких медиумов стихийно-иррациональных сил Бунин порывает с характерным для русской классики решением проблемы «человек и среда» в духе христианской этики.

Большой интерес вызвала история рассказа И.А. Бунина «Птицы небесные»,

Фото. С.Н. Морозов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, руководитель секции «Феноменология бунинского текста»

представленная в выступлении С.Н. Морозова (фото). Докладчик обратил внимание на наиболее значимые разночтения между отдельными источниками текста. Проблемным вопросом остаётся выбор основного текста рассказа для будущего научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

На заседании секции № 2 «Опыт поэтологического прочтения художественного и публицистического текста» рассматривались различные аспекты прочтения текстов И.А. Бунина, а также произведений писателей — современников Бунина или тех авторов, в творчестве которых несомненны поэтико-стилистические традиции Ивана Бунина.

Вопросы литературных и биографических взаимосвязей И.А. Бунина и В.В. Набокова были представлены в докладах Т.М. Двинятиной и П.А. Ковалёва. Проблема материальной и духовной нищеты и убожества крестьянского мира в творчестве И. Бунина и Н. Заболоцкого стала темой размышления Ф.В. Кувшинова. Анализ текстов, отражающих проблематику и «концепцию человека», который находится в сложных и трагических собы-

тиях XX в., были посвящены выступления О.С. Горелова и С.В. Жилиякова. Материалы сборников «Знание» за 1904 г. стали основой выступления Ю.У. Каскиной. Внимание Я.В. Сарычева было сосредоточено на причинах, порождающих содержательный минимализм и негативную специфику трактовок бунинского творчества на фоне обсуждения наследия М. Горького, Л.Н. Андреева и ряда второстепенных писателей «социальной» ориентации.

Е.А.-М. Михеичева обратила внимание на проблему структурно-содержательных особенностей «путевых поэм» в цикле И.А. Бунина «Тень птицы». Е.Е. Воронцова осветила вопрос литературной критики, посвящённой эпопее «Севастопольская страда» С.Н. Сергеева-Ценского.

Отдельная секция (№ 3) была представлена докладами лингвистов, их наблюдениями над языковыми средствами вербализации системы мотивов писателей, над символикой и стилистикой конкретных текстов: обращение к детализации индивидуального проявления чувств, собственных ощущений и ассоциаций позволило А.Ю. Большой сделать вывод, что эмоциональность художествен-

ного дискурса обусловлена эмпатией, детерминирующей диалогическое начало в автобиографическом произведении. С.В.Коростова рассмотрела коннотативные значения личных имён, функционирующих в авторском повествовании и в диалогах персонажей произведений писателей русского Подстепья. О.А.Пороль обосновала типологию доминантных библейских мотивов, отражающих индивидуальную специфику художественной системы И.А.Бунина.

Особое внимание уделялось своеобразию жанровых форм, анализу лексических пластов произведений писателей и их роли в художественных и публицистических текстах. Р.И.Хашимов и Г.С.Журавлёва проанализировали метафорический потенциал лексем тематической группы «Воздух» в произведениях И.А.Бунина. А.Б.Чернышёв показал возможность репрезентации схематического ментального образа всех контекстуальных реализаций морфемы *pri-*, основными семантическими параметрами которой являются «единство», «аттенуативность» и «неполнота действия».

Выступления липецких языковедов были обращены к публицистическим текстам И.А.Бунина и писателей русского Подстепья. Т.В.Гончарова предприняла попытку рассмотреть языковые средства выражения оценки в произведении И.А.Бунина «Окаянные дни», показав их возможности для концептуальной интерпретации действительности. Е.А.Попова представила материал о выдающемся земляке П.П.Семёнове-Тян-Шанском, его связях с Липецким краем. И.П.Черноусова отметила разные типы фольклорных заимствований: жанровое, структурное, мотивное и образное в творчестве Бунина. Языковую реализацию концепта «дом», его роль в русской культуре, в характеристике художественного мира писателя исследовала Ю.А.Рамазанова.

Выступления докладчиков секции № 4 «Этнокультурные и художественные традиции русского Подстепья» были обра-

щены к реально-художественному пространству русского Подстепья, где происходили конкретные события.

В докладах Т.А.Газиной, О.А.Ковыриной, А.С.Кондратьева, О.К.Крамарь, И.Г.Минераловой, М.В.Олюниной, А.М.Подкошенова, О.В.Седовой рассматривались вопросы теоретического, историко-литературного и культурологического характера. Была обоснована необходимость формирования брендового туристского маршрута «Россия Ивана Бунина», включающего объекты не только Липецкой, но и Воронежской, Орловской, Тульской областей (Е.А.Атаманова, Р.М.Иванова, И.Е.Полякова, О.В.Скроботова).

Особый блок составили доклады, основанные на результатах педагогических исследований (секция № 5). Участники секции пришли к выводу, что текст становится объектом междисциплинарных исследований, поскольку выходит за границы какой-либо одной науки, становится универсальным категориальным понятием, к исследованию которого подключаются другие дисциплины. Это определяет безграничность понятия текста и обуславливает многоплановость и многоаспектность возможности его изучения: взаимодействие гуманитарных и математических методов познания в процессе освоения студентами-филологами интегративного курса, эмпирической базой которого является публицистика И.А.Бунина (А.А.Дякина, А.М.Лопухин); познание биографии и творчества великого писателя с изучением правовых дисциплин (Ж.Б.Иванова, Н.Г.Давтян); анализ рассказа И.А.Бунина «Косцы» с целью расширения взгляда детей на мир и разумное использование целебных свойств растений (Н.А.Позднякова). Исследователи отметили, что, анализируя сложный, своеобразный художественный мир писателя, необходимо показать школьникам его индивидуальность и неисчерпаемость эстетического и нравственного потенциала его творчества, чёткую жизненную позицию: у че-

ловека одна родина, и он верен ей всю свою жизнь (С.А. Ломакина).

Особое внимание уделялось методическим аспектам работы с учащимися, имеющими ограниченные возможности здоровья: проблема профессионального самоопределения лиц с ограниченными возможностями здоровья (И.Д. Емельянова, И.В. Яковлева, И.Ф. Плетенёва, О.А. Подольская); роль тормозного контроля в восприятии художественных произведений (В.С. Меренкова).

Живое общение в ходе секционного заседания выявило такие проблемы, как реализация профессионально-ориентированного подхода к подготовке будущих учителей в системе высшего образования (И.А. Карпачёва), эволюция школьного образования в Российской империи на примере Елецкого уезда Орловской губернии (Н.А. Жиров, О.В. Клевцова).

Участники конференции на заседании Круглого стола «Актуализация творческо-

го наследия И.А. Бунина в современном культурном пространстве» отметили, что тексты писателя представляют собой многоаспектный макрообъект. Исследование этого «космо-психо-логоса» способствует расширению представлений о мирообразе писателя. Единство философского, религиозного, художественного, этического, нравственно-психологического предполагает создание нового интерпретационного поля, в котором любое произведение писателя может не совпадать с его традиционной оценкой. Подобный подход позволил выявить в произведениях Бунина мощные скрытые силовые линии, генерирующие структуру текста.

Материалы конференции опубликованы в сборнике научных работ «Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья» (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) и в рецензируемом журнале Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина «ФИЛОЛОГОС».

ENGLISH

National Academic Conference “Ivan Bunin’s Russia and the Culture of the Russian Sub-Steppe” (dedicated to the 150th anniversary of Ivan Bunin) (Yelets, September 24–26, 2020)

Svetlana Alexandrovna Lomakina – Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of Literature Studies and Journalism of Yelets State Ivan Bunin University, Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: samal66@yandex.ru

The academic event was dedicated to two anniversaries: 150th birthday of the Nobel prize winner Ivan Bunin and the 20th anniversary of the transformation of Yelets State Pedagogical Institute into Yelets State Ivan Bunin University. The key objective of the conference was to discuss new trends in the study of the artistic heritage of the great Russian writer, analyze the academic and creative achievements of outstanding persons of literature, philosophy, education, and culture connected with the Russian sub-steppe. Participants’ papers were devoted to the study of literary, journalistic and correspondence heritage of Ivan Bunin and other writers in the context of cultural and artistic continuum of the Russian sub-steppe region.

Keywords: Ivan Bunin’s work, Russian sub-steppe, cultural and esthetic traditions, writer’s worldview, artistic space

С.И. БЕЛЕНЦОВ*

Международная научно-практическая конференция «Культура мира и ненасилия подрастающего поколения: ракурсы интерпретации и педагогические условия развития» (Курск, 29–30 октября 2020 г.)**

Международная научно-практическая конференция рассмотрела актуальные проблемы социального благополучия в подростково-молодёжной среде. В форуме приняли участие общественные деятели, студенты, аспиранты и преподаватели вузов, руководители и педагоги образовательных организаций общего и дополнительного образования из России, ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: культура мира и ненасилия, подрастающее поколение, обучающиеся, доброе начало в человеке, образование, педагогические условия развития

Открывая пленарное заседание, председатель Оргкомитета С.И.Беленцов отметил, что осуждение и предотвращение насилия, утверждение культуры мира как высшей человеческой ценности из области социальных и гуманитарных наук переходят в сферу международных созидательных движений.

Докладчик озвучил основные направления работы конференции:

- ♦ теоретические основы формирования культуры мира и ненасилия подрастающего поколения с учётом историко-педагогических традиций современного общества;
- ♦ историко-научная реконструкция наследия педагогики и психологии

по проблеме формирования культуры мира и ненасилия подрастающего поколения, выход на системный анализ концептуальных построений;

- ♦ роль образования в формировании культуры мира и ненасилия на основе уважения прав человека, демократии и толерантности;
- ♦ воспитательные возможности учебных предметов, формирующих нравственные качества, духовные ценности, культуру человеческих взаимоотношений подрастающего поколения;
- ♦ взаимообусловленность воспитания и самовоспитания, проблема условий и факторов развития личности в рамках воспитательного процесса,

* **Беленцов Сергей Иванович** — доктор педагогических наук, заместитель директора по учебно-методической работе Института непрерывного образования Курского государственного университета (КГУ), председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: si_bel@mail.ru

** Проект 20-013-22030.

сущность и особенности воспитательной работы в различные периоды;

- ♦ использование мирных практик межличностного и социального взаимодействия для предупреждения и разрешения конфликтов подрастающего поколения;
- ♦ деятельность по мирному конфликто-разрешению как одно из конкретных выражений человеческой способности обобщать имеющиеся теоретические и эмпирические данные и на этой основе прогнозировать будущее.

Особенности гражданского образования учащейся молодёжи, его социализирующего влияния в современных условиях как первостепенной основы формирования культуры мира и ненасилия актуализировала профессор кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного института культуры д.пед.н. Г.Я.Гревцева. Она предложила рассматривать воспитание в духе мира как современное педагогическое направление и рассказала о понимании гражданственности в мировоззренческом, поведенческом, оценочном и культурологическом аспектах. Её содокладчик Н.С.Брюс, преподаватель EF (Education First) из Великобритании, подчеркнула необходимость и популярность программ гражданского образования во всём мире и в Великобритании в частности.

Преподаватель русского языка Хэбейского профессионального внешнеторгового экономического института (КНР, Циньхуандао) О.Л.Курбатова рассказала об особенностях гражданского воспитания в КНР в духе любви к родине, сопоставляемой с любовью к партии. Она подчеркнула, что ответственность за воспитание подрастающего поколения в Китае возложена на всё общество.

На ключевую роль древнего народного эпоса в сфере этических вопросов гражданско-патриотического воспитания обратила внимание Ш.Х.Нигматуллаева, соискатель учёной степени кандидата педагогических наук, преподаватель средней

общеобразовательной школы № 2 г. Бухары. Она отметила, что «зёрна» высоких традиций закладываются с помощью старшего поколения, носителя народной мудрости, и квалифицированных педагогических кадров.

Значение внеурочной деятельности в воспитании патриота раскрыла А.С.Нурмухамбетова, специалист филиала Национального центра повышения квалификации «Орлеу» Института повышения квалификации по Костанайской области (Казахстан). Она рассмотрела формирование патриотизма старшеклассников в процессе внеурочной деятельности как становление личности с активной созидательной позицией, обладающей позитивными ценностями и качествами, способной проявить их на благо Отечества.

Модель развития гражданской активности, которая направлена на оптимальное построение воспитательного процесса, ориентированного на успешную социализацию молодёжи в современном социуме, представила В.А.Грибанова, начальник отдела воспитательной работы и трудоустройства Таганрогского института им. А.П.Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ).

На значимость человеческого потенциала в условиях развития искусственного интеллекта обратила внимание д.пед.н., профессор Н.В.Горбунова, директор, заведующая кафедрой педагогического мастерства учителей начальных классов и воспитателей дошкольных заведений Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Н.В.Горбунова рассказала об особенностях функционирования проекта «Образовательная коллаборация», где эмоциональная и творческая подготовка студентов разных профилей рассматривается как универсальная учебная компетенция.

Е.Л.Башманова, д.пед.н., профессор кафедры педагогики и профессионального образования Курского государственного университета, убедительно показала, что основа культурного мира — это позитивный жизнен-

ный опыт в среде равных возможностей, отличающийся тремя важными принципами: демократизмом, интегративностью и адаптивностью. Исследователь отметила особую значимость стратегии вовлечения родителей в образование ребёнка, а также помощи педагогам со стороны студентов педагогических вузов. Доверие и уважение к человеку были названы главными скрепами в формировании культуры мира у молодёжи.

Выступившая с докладом «Современный подросток: нравственно-ценностные отношения с субъектами социальной среды» д.пед.н. профессор кафедры психологии Курского госуниверситета Т.А. Антопольская отметила такие особенности подростков поколения Z, как умение работать с большими объёмами информации, неприятие взрослого как безусловного авторитета. Результаты анализа наблюдения за контрольной и экспериментальной группами показали, что включённость в систему дополнительного образования, выступая важным агентом социализации, даёт подросткам больше возможностей для проявления самостоятельности, реализации своих интересов, что снижает степень признания необходимости «быть как все».

О поисках методов недопущения конфронтации с помощью ретрансляции традиционных культурных ценностей рассказала Г.А. Кирмач, к.пед.н., доцент кафедры педагогики Луганского государственного педагогического университета, директор духовно-просветительского центра им. св. пр. Нестора Летописца. Докладчик актуализировала необходимость духовно-нравственного воспитания студентов университета в процессе внеаудиторной воспитательной работы, представила основные её направления и их педагогические возможности.

Формированию духовно-нравственных ценностей обучающихся на основе познавательного и воспитательного потенциала религиозного образования средствами спецкурса «Духовно-нравственный потен-

циал мировых религий в системе воспитания образовательных учреждений» было посвящено выступление М.С. Акишевой, старшего преподавателя Гуманитарно-педагогической академии (филиала) КФУ им. В.И. Вернадского.

Опыт липецких коллег по проведению историко-педагогических реконструкций в целях возрождения национальной культуры как средства укрепления государства обобщила Г.А. Попова, доцент кафедры дошкольного и начального образования Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Она подчеркнула, что реконструкторское движение может иметь и прикладное направление для воссоздания элементов материальной культуры, например национального костюма.

О готовности магистров психолого-педагогического образования к формированию культуры мира, ненасилия и толерантности у студентов вузов рассказал д.пед.н. А.Д. Гонеев, заведующий кафедрой педагогики и профессионального образования КГУ. Он подчеркнул, что общепрофессиональная компетенция требует от обучающихся в магистратуре способности проектировать организацию совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся, в том числе и с особыми образовательными потребностями.

И.В. Мандрук, методист Научно-методического центра Курска, подчеркнула важность использования метода интерпретации при анализе педагогических идей прошлого в современном контексте.

Участники конференции охарактеризовали такое важное средство профилактики агрессии и насилия, предупреждения и разрешения конфликтов, как использование мирных практик межличностного и социального взаимодействия.

О способах профилактики агрессивного поведения юношества рассказала к.псих.н., доцент кафедры коммунологии и психологии Юго-западного госуниверситета (Курск) Т.Ю. Копылова. Профилакти-

ка агрессивного поведения в киберпространстве ведётся и должна совершенствоваться в тех же направлениях, что и работа с агрессией вне Интернета.

Опыт взаимодействия со школами Сербии и ЛНР поделилась Л.Г.Лыкова, руководитель миротворческого клуба «Радуга» СОШ № 50 им. Ю.А.Гагарина г. Курска. Она представила вариант лингвистического анализа политического текста (новогодних речей-поздравлений президентов Украины и России), позволяющий внедрить в сознание обучающихся важные тезисы: 1) политические взгляды и высказывания – не индивидуальное предпочтение, а отражение позиции народа, страны; 2) призывы к агрессивным действиям не вызывают уважения и доверия к президенту, не сплачивают народ в отличие

от призыва беречь ценности, переданные предками; 3) воздействие словом – очень мощное оружие, поэтому должно служить только мирным целям.

Обобщённый на конференции социально-педагогический опыт в области развития культуры мира и ненасилия найдёт применение при разработке и корректировке целевых программ формирования толерантного сознания и гражданского образования подростков и молодёжи. Это значимый образовательный ресурс для оптимизации педагогической поддержки детских, подростковых, молодёжных общественных организаций и объединений, а также для совершенствования духовно-нравственных, гражданских, правовых аспектов воспитания подрастающего поколения.

ENGLISH

International Research-to-Practice Conference

“The Culture of Peace and Non-Violence among the Younger Generation: Interpretation Perspectives and Pedagogical Conditions for Development” (Kursk, October 29–30, 2020).

Sergei Ivanovich Belentsov – Doctor of Sciences in Pedagogics, Deputy Director for Curriculum of Institute of Continuous Education of Kursk State University, Chairman of the Conference Organizing Committee.

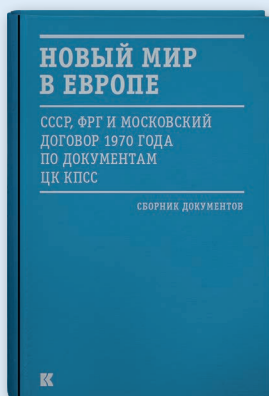
E-mail: si_bel@mail.ru

The international research-to-practice conference addressed current issues of social well-being in the adolescent and youth environment. The participants of the conference included public figures, students, postgraduate students and teachers of universities, heads and teachers of educational organizations of general and additional education from Russia, neighboring and non-CIS countries.

Keywords: culture of peace and non-violence, younger generation, students, the good in man, education, pedagogical conditions for development

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-155-159

Б.В. ЯБЛОКОВ*

Новый мир в Европе (СССР, ФРГ и Московский договор 1970 г. по документам ЦК КПСС). Сборник документов / Сост., предисл., коммент. И.В. Казариной, М.Ю. Прозуменщикова. М.: Кучково поле, 2020. — 800 с.: ил. **

Ключевые слова: СССР, ФРГ, ГДР, КПСС, СЕПГ, РГАНИ, «новая восточная политика», «холодная война», разрядка, Московский договор 1970 г.

Настоящий сборник документов, подготовленный совместно Российским государственным архивом новейшей истории, Фондом им. К. Аденауэра (Германия) и Институтом им. Людвиг Больцмана по исследованию последствий войн (Австрия), вводит в научный оборот комплекс документов, посвященных подготовке и подписанию 12 августа 1970 г. Московского договора, соглашений ФРГ с Польшей (Варшавский договор от 7 декабря 1970 г.), ГДР (Договор об основах отношений от 21 декабря 1972 г.), Чехословакией (Пражский договор от 11 декабря 1973 г.), а также их последующей ратификации. Сборник призван дать

ключ к пониманию международных процессов, определявших развитие двусторонних отношений СССР и ФРГ в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в контексте «новой восточной политики», что позволит оценить влияние различных факторов на принятие внешнеполитических решений в Москве и Бонне.

В отношении «новой восточной политики» в советской историографии сложилось устойчивое представление как о тактической уступке правящих кругов ФРГ, вынужденных считаться с укреплением в 1960-е гг. единства социалистического лагеря. С этой точки зрения даже столь значительные изменения правительствам Брандта–Шееля внешнеполи-

* **Яблоков Борис Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
E-mail: byablokov@gaugn.ru

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

**Проект 20-19-00101.

тического курса ФРГ, как отказ от «доктрины Хальштейна», не могли служить свидетельством отказа от прежних «империалистических» претензий Бонна, поскольку подлинной трансформации «классовой сущности» западногерманского режима не произошло¹. Однако неоспоримым оставался тот факт, что «новая восточная политика» явилась одним из ключевых факторов разрядки международной напряжённости в 1970-е гг., став ярким примером умения лидеров двух стран даже в самый разгар «холодной войны» находить компромиссные и взаимоприемлемые решения вопросов, ещё недавно казавшихся принципиально неразрешимыми, пусть и исходя из собственных, весьма прагматических соображений.

Подписание 12 августа 1970 г. Московского договора не только открыло новый этап советско-западногерманских отношений, но и послужило прологом к целому ряду «восточных договоров», закрепивших политическую конфигурацию послевоенной Европы, без заключения которых были бы невозможны переход к политике разрядки и тем более — проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. в Хельсинки. Этим объясняются хронологические рамки публикации, которые охватывают пять лет — период от момента прихода к власти правительства В.Брандта в октябре 1969 г. по май 1973 г., когда состоялся официальный визит Л.И.Брежнев в Бонн. В соответствии с этим документы в сборнике сгруппированы в пять разделов и приводятся в строгой хронологической последовательности. Как отмечают сами составители, необходимость отбора документов для публикации вынудила их сосредоточить внимание именно на советско-западногерманских отношениях, «дав общим фоном информацию о других весьма значимых процессах, происходивших в те годы и также прямо

или косвенно связанных с «новой восточной политикой»» (с. 13).

Однако на страницах сборника мы видим, насколько логически грамотно выстроена и чётко прослеживается в эти годы вся линия развития договорного процесса, в котором самым тесным образом переплетались интересы вовлечённых в него сторон: Польши, Чехословакии и, конечно же, ГДР, для которой заключение Договора об основах отношений с ФРГ в 1972 г. и последующее международно-правовое признание стали одними из ключевых событий в истории и подвели черту под многолетним противостоянием на мировой арене двух немецких государств за право говорить от имени всей немецкой нации. Начинались новый этап развития разделённой Германии и новый виток борьбы за умы немецких граждан по обе стороны Берлинской стены.

Подобный подбор документов особенно важен именно для понимания «общего фона», поскольку «новая восточная политика» рассматривалась исследователями преимущественно через призму взаимоотношений СССР и ФРГ. Причиной этого являлось фактическое признание Бонном «руководящей роли» СССР по отношению к остальным странам социалистического содружества — уже само по себе решение о признании неизбежности послевоенных границ в Европе, зафиксированное в Московском договоре, принималось без участия Польши и ГДР, о границах которых собственно и шла речь. Однако было бы в корне неверным делать на том основании вывод о безусловном подчинении интересов социалистических стран политической воле СССР. Напротив, публикация документов наглядно показывает, что процесс выработки единой позиции в отношении «новой восточной политики» был весьма болезненным и далеко не столь единодушным, как это можно было пред-

¹ См., например: Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М., 1986; Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М., 1977; Новик Ф.И. Восточная политика ФРГ в 70-х гг. // Ежегодник германской истории. М., 1982. С. 71–89 и др.

ставить, исходя из официальных заявлений руководства социалистических стран, равно как и безапелляционных утверждений времён «холодной войны» о тотальной их зависимости от Советского Союза. Подобные суждения, к сожалению, нередко встречаются и сегодня на страницах современной научной и учебной литературы.

В связи с этим обращает на себя внимание публикация постановления Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1969 г. «О политической линии и некоторых практических шагах СССР в связи с образованием в ФРГ правительства В.Брандта» (с. 70–71), с оригиналом которой автору настоящей рецензии довелось работать в читальном зале РГАНИ в 2015 г. Постановление сопровождалось запиской, подготовленной совместно МИД СССР и Международным отделом ЦК КПСС, в которой были подробно изложены соображения советского руководства относительно «новой восточной политики».

Нельзя не обратить внимание на то, что в ней отдельно подчёркивалась «необходимость уточнения тактической линии» (с. 72) в вопросах отношений социалистических стран с ФРГ, иначе «в случае несогласованности в действиях западногерманская сторона получила бы возможность для дополнительных манёвров в переговорах с каждым из своих партнёров» (с. 79). Основаниями для этих опасений служило, по мнению советского руководства, стремление самих социалистических стран «иметь бóльшую “манёвренность” в своих политических отношениях с ФРГ», обусловленное «сугубо экономическими мотивами» (с. 89), а именно ограниченностью возможностей СССР для удовлетво-

рения их потребностей в сырье и товарах, необходимых для поддержания высоких темпов развития экономики¹.

Таким образом, знакомство с архивными материалами, представленными в сборнике, заставляет по-новому взглянуть на широко распространённое представление о безусловном единстве социалистического лагеря.

Здесь также уместно отметить, что Политбюро ЦК КПСС утвердило в этом же постановлении проект коммюнике встречи руководителей социалистических стран Восточной Европы, состоявшейся буквально вслед за этим 3–4 декабря 1969 г. в Москве по инициативе первого секретаря СЕПГ Вальтера Ульбрихта. В коммюнике традиционно подтверждалось единство взглядов участников встречи, которая «прошла в обстановке дружбы, согласия и товарищеского сотрудничества»². В то же время обмен мнениями по вопросу о выработке единой тактики в отношении ФРГ выявил совершенно разную степень готовности партийных лидеров к конкретным внешнеполитическим шагам, о чём свидетельствует стенограмма встречи, которая, к сожалению, не вошла в сборник³. Если генеральный секретарь Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску в достаточно резкой форме призвал «придать большое значение расширению контактов... содействующих развитию отношений между каждой социалистической страной в отдельности и ФРГ», подчёркивая, что это не должно ставиться в зависимость от отношений между ГДР и ФРГ⁴, то генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков и вовсе заявил, что для нормализации отношений с ФРГ

¹ Подробнее об этом см.: Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю. Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Выпуск 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/> DOI: 10.18254/S207987840012980-7.

² Новый мир в Европе... С. 96.

³ Подробнее об этом см.: Яблоков Б.В. О роли «фактора ГДР» в политике разрядки // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 5. С. 44–49.

⁴ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 410. Л. 55.

ещё даже не сложились подобающие условия. По мнению Т.Живкова, В.Брандт пытался укрепить своё шаткое положение в бундестаге за счёт популистских дипломатических заявлений, за которыми не следует конкретных действий¹.

В целом участники встречи сходились во мнении, что любые дипломатические шаги со стороны СССР в части выстраивания диалога с правительством В.Брандта необходимо увязывать с интересами ГДР. Причём наиболее близкую ГДР, как казалось из стенограммы встречи, позицию занимал первый секретарь Польской объединённой рабочей партии Владислав Гомулка, считавший отправной точкой для этого диалога признание Бонном ГДР в существующих границах, в том числе между Польшей и ГДР по Одере и Нейсе, зафиксированной Згожелецким договором от 6 июня 1950 г.² Однако едва ли В.Гомулка руководствовался в данном вопросе интересами ГДР, коль скоро их беседа с В.Ульбрихтом в итоге «закончилась серьёзной размолвкой». Как показывает доктор исторических наук А.М.Филитов, за этим скрывалось, в первую очередь, взаимное недоверие ГДР и Польши к дипломатическим инициативам друг друга по отношению к ФРГ, зачастую выдвигавшимся без предварительных консультаций и учёта согласованных требований социалистических стран, что стало предметом отдельной «записки четырёх» (Ю.В.Андропова, А.А.Громыко, К.Ф.Катушева, К.В.Русакова)³.

Советская дипломатия и советское внешнеполитическое планирование не могли не учитывать интересы своих союзников по социалистическому лагерю, равно как и игнорировать противоречия, возникающие между ними, тем самым определяя рамки возможного компромисса с ФРГ

гораздо точнее, чем это могли позволить себе руководители Польши или ГДР⁴. Советский Союз, таким образом, оказывался вынужден не только искать точки соприкосновения с «классово чуждым» правительством ФРГ, но и выступать арбитром в урегулировании конфликтов, постоянно возникавших внутри соцлагеря.

Особо следует отметить, что помимо 178 документов в сборник также вошли и сопроводительные материалы к ним, которые нередко игнорируются составителями сборников и остаются за скобками публикаций. Однако именно эта совокупность источников позволяет исследователю достаточно полно и целостно восстановить картину событий и понять логику принятых решений, существенно сократив необходимость обращаться к дополнительным материалам. При этом круг вводимых в научный оборот архивных документов отличается большим разнообразием: в первую очередь, это постановления Политбюро ЦК КПСС и приложения к ним, касающиеся преимущественно международных вопросов и зачастую носящие директивный характер — записки Министерства иностранных дел СССР и соответствующие им указания советским послам; вторую крупную группу документов составляют записки бесед руководящих и дипломатических работников СССР и ФРГ.

Все представленные в сборнике документы находятся на хранении в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и сосредоточены преимущественно в фонде 3, содержащем протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС (за 1966–1986 гг. опись 72), а также в фонде 80, в котором отложились материалы о партийной и государ-

¹ Там же. Л. 12, 13–14.

² Там же. Л. 42.

³ Филитов А.М. Треугольник Москва — Берлин — Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 85–86.

⁴ Подробнее об этом см.: Филитов А. М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 123–140.

ственной деятельности генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.

Документы публикуются с текстуальными подстрочными примечаниями, поясняющими датировку документов и конкретные особенности текстов. После каждого из пяти разделов приводится развёрнутый комментарий, непосредственно относящийся к содержанию документов, указывающий на обстоятельства принятия решения или разъясняющий общую обстановку, на фоне которой оно происходило. Издание снабжено научно-справочным аппаратом, который включает подробное археографическое предисловие, перечень документов, список сокращений, биографический комментарий и именной указатель.

Кроме того, в книге нашлось место и для богатого иллюстративного материала, добавляющего наглядности описываемым в документах событиям, что создаёт эффект полного погружения в эпоху: в фотографиях на 32 страницах перед глазами читателя проходит вся череда событий тех лет, начиная со встречи пра-

вительственной делегации ФРГ во Внуково в августе 1970 г. и заканчивая визитом Л.И. Брежнева в ФРГ в мае 1973 г.

Высокий научный уровень издания позволяет смело рекомендовать его не только профильным специалистам, но и самой широкой читательской аудитории. Кроме того, она может быть исключительно полезна и в образовательной сфере, в том числе преподавателям и студентам гуманитарных направлений подготовки при проведении практических и семинарских занятий по истории международных отношений.

В заключение отметим, что издание сборника документов «Новый мир» продолжает активную работу Российского государственного архива новейшей истории по введению в научный оборот документов 1960–1970-х гг. и органически дополняет ранее подготовленные публикации, среди которых нельзя не упомянуть изданный в 2020 г. сборник документов «Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг.»¹.

ENGLISH

**A New World in Europe (USSR, FRG and the Treaty of Moscow of 1970 according to the documents of the CPSU Central Committee).
A collection of documents / Compilation, foreword, comments by I.V. Kazarina,
M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow: Kuchkovo Pole, 2020, 800 p., ill.**

Boris Vladimirovich Yablokov – Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Faculty of History of the State Academic University for the Humanities, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: yanazel@mail.ru

Keywords: USSR, FRG, GDR, CPSU, SUPG, Russian State Archive of the Contemporary History, Ostpolitik – new eastern policy, cold war, easing of tension, Treaty of Moscow (1970)

¹ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. / Под ред. А.Н. Артизова, И.А. Пермякова; Сост. Н.Г. Томилина, М.Ю. Прокуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Историческая литература», 2020. – 944 с.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2021, № 1 (103)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 22.03.2021. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 39.

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57